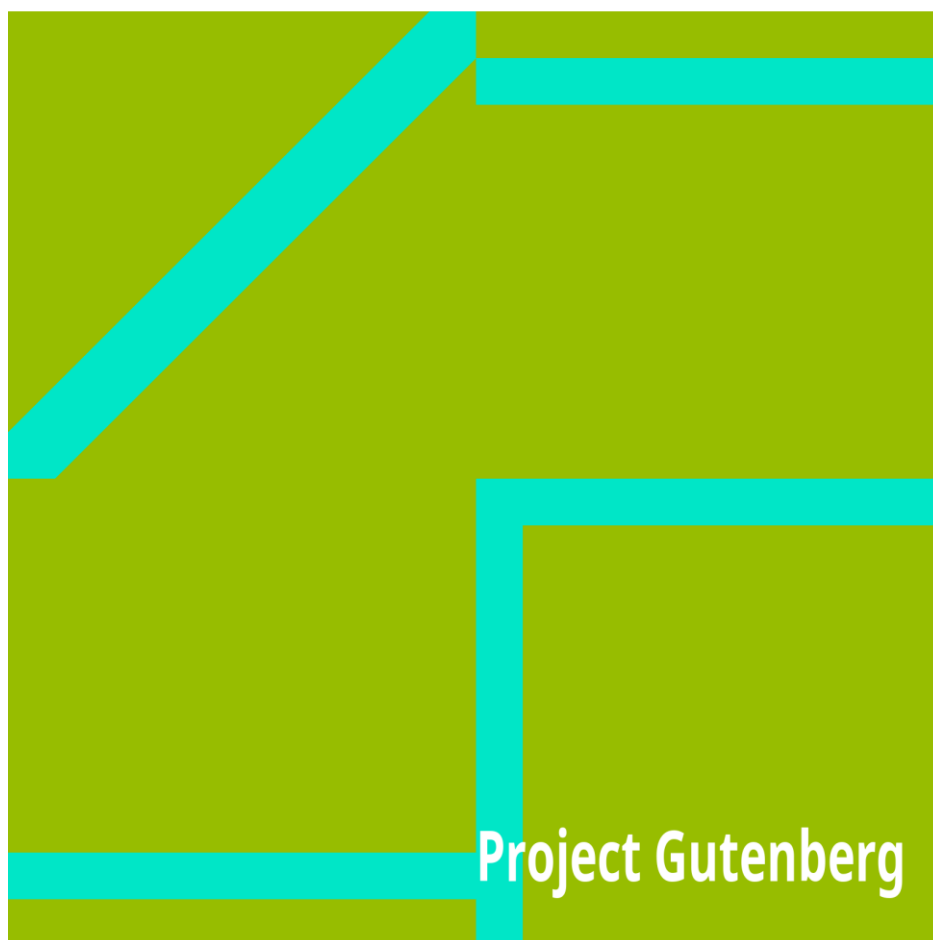

Нерон. Творцы истории

Джейкоб Эббот

Nero

Jacob Abbott

Электронная книга проекта "Гутенберг" о Нероне

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Неро

Автор: Джейкоб Эббот

Дата выхода: 22 ноября 2008 [Электронная книга №27312]

Язык: Английский

Титры: Подготовлено Д. Александером и командой корректоров, распространяющей тексты онлайн на <http://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" НЕРО" ***

Творцы истории

Неро

ДЖЕЙКОБ ЭББОТ

С ГРАВЮРАМИ

НЬЮ - ЙОРК И ЛОНДОН

ИЗДАТЕЛЬСТВО HARPER & BROTHERS PUBLISHERS

Внесен, согласно Акту Конгресса, в тысяча
восемьсот пятьдесят третьем году фирмой "Харпер и братья" в канцелярию окружного суда
Южного округа Нью-Йорка.

Авторское право, 1881, Бенджамин Вон Эбботт, Остин
Эбботт, Лайман Эбботт и Эдвард Эбботт.

Окрестности Рима.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

При написании серии исторических повествований, к которым относится настоящая работа, целью автора было представить читающему сообществу этой страны точный и достоверный отчет о жизни и деяниях нескольких персонажей, которые последовательно становятся сюжетами томов, в точности следуя истории, дошедшей до нас с древних времен. Автор не жалел усилий, чтобы во всех случаях получить доступ к оригинальным источникам информации, и строго ограничивался ими. Таким образом, читатель может быть уверен, ознакомившись с любой из этих работ, что интерес к ней ни в коей мере не связан с изобретением автора. Ни один инцидент, каким бы тривиальным он ни был, никогда не добавляется к первоначальному рассказу, и ни в коем случае никакие слова не приписываются говорящему без явных полномочий. Следовательно, каким бы интересным ни были эти истории, они обязаны исключительно самим фактам, которые в них зафиксированы, и тому, что они сведены воедино в простом и связном повествовании.

Содержание.

ГЛАВА	СТРАНИЦА
I. МАТЬ НЕРОНА	13
II. УБИЙСТВО КАЛИГУЛЫ	34
III. ВОСШЕСТВИЕ На ПРЕСТОЛ КЛАВДИЯ	55
IV. СУДЬБА МЕССАЛИНЫ	77
V. ДЕТСТВО НЕРОНА	105
VI. НЕРОН - ИМПЕРАТОР	124
VII. БРИТАНИК	148
VIII. СУДЬБА АГРИППИНЫ	172
IX. КРАЙНЯЯ РАЗВРАЩЕННОСТЬ	208
X. ЗАГОВОР ПИЗОНА	228
XI. СУДЬБА ЗАГОВОРЩИКОВ	250
XII. ПОХОД В ГРЕЦИЮ	272
XIII. КОНЕЦ НЕРОНА	299

ГРАВЮРЫ.

	СТРАНИЦА
КАРТЫ—ОКРЕСТНОСТИ РИМА	<i>Фронтиспис.</i>
ЛАГЕРЬ РИМСКОГО ЛЕГИОНА	21
ЦЕЗОНΙΑ	53
ОБНАРУЖЕНИЕ КЛАВДИЯ	64
МЕССАЛИНА В САДУ	89
ОТРАВЛЕНИЕ КЛАВДИЯ	132
ДРАГОЦЕННОСТИ	157
ПОПЫТКА АНИЦЕТА	197
СОЖЖЕНИЕ РИМА	226
НОЖ	245
ПРЕДАНИЕ ЭПИХАРИДА ПЫТКАМ	254
ФАОН У СТЕН	316

НЕРО

Глава I.

Мать Неро.

37 год н. э.

Римские загородные усадьбы.

В древние времена, когда город Рим находился на пике своего могущества и великолепия, было принято, как, собственно, и сейчас, у жителей богатых столиц, чтобы знатные семьи владели, помимо своих городских резиденций, сельскими виллами для летнего отдыха, которые они строили в живописных местах, на небольшом расстоянии от города, иногда в глубине страны, а иногда на берегу моря. В окрестностях Рима было много привлекательных курортных мест подобного рода. Среди них был и Анций.

Антиум.

Расположение мыса Антиум.

Анций был расположен на морском побережье примерно в тридцати милях к югу от Тибра. Крутой мыс здесь выступает в море, открывая со своих склонов самые протяженные и великолепные виды со всех сторон. На севере, если смотреть с мыса Анций, взгляд следует за линией побережья вплоть до устья Тибра; в то время как на юге обзор заканчивается, примерно на том же расстоянии, мысом Цирцеи, который является вторым мысом, обозначающим побережье Италии в южном направлении от Рима. Вглубь страны, от Антиума, простирается широкая и красивая равнина, ограниченная лесистыми холмами у берега и горными хребтами вдалеке за ними. На южной стороне мыса, защищенная им, находилась небольшая гавань, куда с незапамятных времен суда со всех соседних морей привозили свои грузы или искали убежища от штормов. На самом деле, Антиум с точки зрения древности превосходит, вероятно, даже Рим.

Красота и оздоровление Анция сделали его очень привлекательным местом летнего отдыха для жителей Рима; и со временем, когда город достиг продвинутой стадии богатства и роскоши, римская знать построила там виллы, выбирая места, в некоторых случаях, на естественных террасах эспланадах мыса, с которого открывался вид на море, а в других - прохладные и уединенные убежища в долинах, на суше. Именно в одной из таких вилл родился Нерон.

Рассказ о происхождении Нерона.

Меднобородый.

Отец Нерона принадлежал к семье, которая на протяжении нескольких поколений пользовалась значительным авторитетом среди римской знати, хотя и была известна под несколько причудливым именем. Фамилия была Меднобородый, или, если говорить более точно, это был Агенобарб, что является латинским эквивалентом этого слова. Несколько трудно решить, следует ли нам, говоря об отце Нерона в настоящее время и на английском языке, использовать настоящее латинское имя или перевести это слово и использовать его английский аналог, то есть называть ли его Агенобарб или Меднобородый. Первое, по-видимому, больше соответствует нашим представлениям о достоинстве римской истории; в то

время как второе, хотя и менее изящное, вероятно, дает нам более точное представление о значении и выразительности этого имени в том виде, в каком оно звучало в ушах римской общины. Название, конечно, не было привлекательным, хотя семья ухитрилась в какой-то степени возвеличить его, приписав ему сверхъестественное происхождение. Существовало предание, что в древние времена одному из предков рода явился пророк и, предсказав определенные экстраординарные события, которые должны были произойти в какой-то будущий период, пригладил бороду своего слушателя рукой и изменил ее на медный цвет, чудесным образом подтверждая божественный авторитет послания. В результате этот человек получил имя Меднобородый, и с тех пор он и его потомки сохранили его за собой.

Отец Нерона.

Агриппина, его мать.

Семья Меднобородых занимала высокое положение и отличалась знатностью, хотя ко времени рождения Нерона она была, как и большинство других выдающихся римских семей, чрезвычайно расточительной и коррумпированной. Особенно отец Нерона был очень плохим человеком. Его обвиняли в самых страшных преступлениях, и он вел жизнь, полную постоянных угрызений совести и ужаса. Его жена, Агриппина, мать Нерона, была такой же порочной, как и он; и говорят, что, когда к нему явился гонец, чтобы сообщить о рождении его ребенка, героя этого повествования, он издал какое-то восклицание, исполненное злобы и презрения, и сказал, что все, что исходит от него и Агриппины, не могло не быть чревато гибелью Рима.

Брат Агриппины Калигула.

Римские императоры.

Ранг и положение Агриппины в римском обществе были даже выше, чем у ее мужа. Она была сестрой императора. Императора, ее брата, звали Калигула. Он был третьим в череде римских императоров, Август Цезарь, преемник Юлия Цезаря, был первым. Термин "император", однако, в те дни имел совсем иное значение, чем в его нынешнем значении. Похоже, теперь он обозначает суверенного правителя, который официально осуществляет общую юрисдикцию, распространяющуюся на все правительство государства. Во времена римлян она включала, по крайней мере теоретически, только *военное* командование. Слово было "*император*", что означало "*командующий*"; а должность, которую оно обозначало, была просто должностью главнокомандующего вооруженными силами республики.

Правила, касающиеся римских армий.

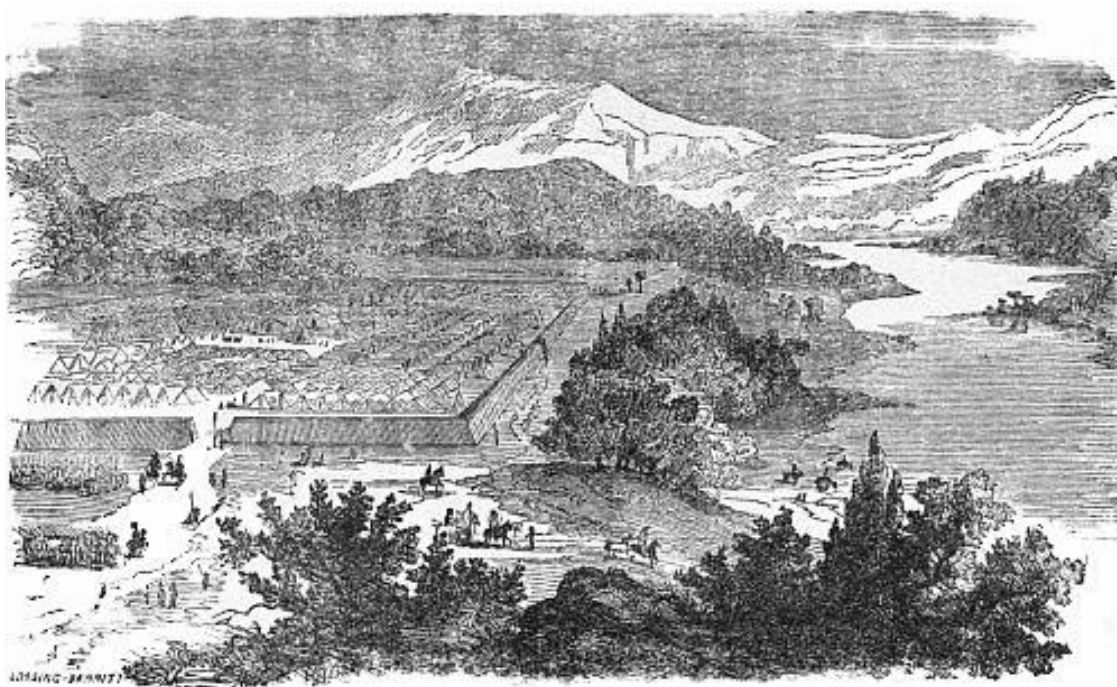
В ранние периоды римской истории принимались все возможные меры предосторожности, чтобы поддерживать военную мощь в состоянии очень строгого подчинения авторитету гражданского магистрата и закона. Для достижения этой цели были приняты очень строгие правила. Ни одной части армии, за исключением небольших отрядов, которые требовались для поддержания порядка внутри стен, не разрешалось приближаться к городу. Великие полководцы, возвращавшиеся из своих победоносных кампаний, были вынуждены остановиться и разбить лагерь на некотором расстоянии от ворот и там ожидать приказов римского сената. *Сенат* теоретически был великим хранилищем политической власти. Этот Сенат, однако, не был, как может показаться в наше время, четко определенным и компактным органом законодателей, назначенных индивидуально для этой должности, а скорее классом наследственной знати, очень многочисленной и получавшей свою власть из незапамятного

употребления и из того странного и необъяснимого чувства почтения и благоговения, с которым масса человечества всегда смотрит на устоявшуюся, и особенно древнюю, аристократию. Сенат имел обыкновение собираться в установленное время на собрания, которые иногда проводились с надлежащей степенью формальности и порядка, а иногда, с другой стороны, представляли собой сцены большого смятения. Однако их власть, осуществляемая регулярно или нерегулярно, была высшей. Они издавали указы, они вводили в действие законы, они выделяли провинции, они заключали мир и они объявляли войну. Армии и командовавшие ими генералы были *агентами*, нанятыми для выполнения их приказов.

Описание римских армий.

Лагерь легионов.

Римские армии состояли из огромных отрядов людей, которые, когда не находились на действительной службе, располагались постоянными лагерями в различных частях империи, везде, где считалось необходимым разместить войска. Этими великими войсками были знаменитые римские легионы, и они были известны во всем мире своей дисциплиной, своей замечательной организацией, быстротой своих движений, а также неукротимой храбростью и энергией людей. Каждый легион фактически представлял собой отдельное и независимое сообщество. Его лагерем был его город. Его полководец был его королем. Во время войны он, конечно, переезжал с места на место, как того требовали требования службы; но в мирное время он с большой формальностью располагался в просторном и постоянном лагере, который был разбит с большой регулярностью и укреплен валами и рвами. В пределах лагеря палатки были расположены рядами, с широкими пространствами для улиц между ними; и в центре, перед пространством, которое служило общественной площадью, богатые и украшенные павильоны командующего и главнокомандующего, а также других генералов возвышались над остальными, подобно общественным зданиям города. Лагерь римского легиона был, по сути, протяженным и густонаселенным городом, только жилища состояли из палаток, а не из прочных и постоянных конструкций из дерева или камня.

Лагерь римского

легиона.

Их должности.

Полезные функции римских армий.

Произведенные эффекты.

Способ их создания.

Древние повествования.

Римские легионы были разбиты таким образом лагерем в различных местах по всей империи, везде, где сенат считал нужным их разместить. Некоторые из них были в Сирии и на Востоке; некоторые в Италии; некоторые на берегах Рейна; и именно с помощью огромной силы, организованной таким образом, римляне держали под своей властью весь европейский мир. Войска были удовлетворены тем, что подчинились приказам своих командиров, поскольку взамен они получали от них обильные запасы продовольствия и одежды и, как правило, вели легкую и снисходительную жизнь. Принимая это во внимание, они были готовы переходить с места на место, куда бы им ни приказали, и сражаться с любым врагом, когда его выводили на поле боя. Военачальники добывали для них пищу и одежду посредством дани, которую они вносили с завоеванных провинций и от грабежа разграбленных городов во время настоящей войны. Эти армии, естественно, были заинтересованы в сохранении порядка и поддержании в целом авторитета закона во всех сообществах, которые они контролировали; ибо без закона и порядка промышленные занятия людей не могли продолжаться, и, конечно, они хорошо понимали, что если в какой-либо стране производство прекратится, вскоре должна прекратиться и дань. Читая историю, мы, действительно, должны признать, обнаруживаем, что значительная часть повествования, описывающего достижения древних армий, занята подробным описанием актов насилия, грабежей и преступных деяний; но мы не должны из этого делать вывод, что влияние этих обширных организаций было полностью пагубным. Такие обширные и разнородные массы населения, какие были разбросаны по Европе и Азии во времена римлян, могли быть подчинены необходимым ограничениям общественного порядка только с помощью какого-нибудь очень мощного инструмента. Легионы, организованные

римским сенатом и размещенные тут и там на обширной территории, составляли этот инструмент. Но все же, в течение гораздо большей части времени власть, которой обладал легион, была властью в покое. Оно достигло своей цели простым своим присутствием и чувством благоговения, которое внушало его присутствие; и нации и племена, находившиеся в пределах круга его влияния, жили в мире и беспрепятственно занимались своими промышленными занятиями, защищенные сознанием, которое повсюду проникало в умы людей, что римская власть близка. Легион нависал, так сказать, подобно темной туче на их горизонте, безмолвный и пребывающий в покое; но содержащий, как они хорошо знали, скрытые элементы грома, который в любой момент мог обрушиться на их головы. Таким образом, при его обычном действии его влияние было добрым. Время от времени случались периоды волнения, когда его действие было жестоким и беспощадно злым. К сожалению, однако, к чести системы в глазах человечества последующих эпох, в добре, которое она совершала, не было ничего, о чем стоило бы рассказывать; в то время как каждый акт насилия и преступления, совершенные ее агентами, давали материалы для занимательной и захватывающей истории. Совершенное добро, возможно, продолжалось в течение длительного, но монотонного периода покоя. Это зло было кратковременным, но сопровождалось быстрой чередой событий и разнообразилось бесчисленными происшествиями; так что историк привык легко обходить одно из них несколькими равнодушными словами холодного описания, в то время как он употреблял всю силу своего гения на расширение и украшение повествований, увековечивающих другое. Таким образом, какими бы жестокими и деспотичными ни были военные правители, которыми в древние времена управлял мир, по сути своей они были менее жестокими и деспотичными, чем их представляет общий ход истории; и их преступления были, по крайней мере, в какой-то степени компенсированы и искуплены действительно полезной функцией, которую они обычно выполняли, - сдерживанием и подавлением всех беспорядков и насилия, кроме их собственного.

Гражданские власти.

Прогресс военной мощи.

Римские легионы, в частности, в течение многих столетий содержались в сносном подчинении гражданским властям капитолия; но они все время становились все сильнее и больше сознавая свою силу. Каждый новый командующий, прославившийся своими победами, значительно повышал значение и влияние армии в ее политических отношениях. Великий Юлий Цезарь в ходе своих зарубежных завоеваний и затяжных и ужасных войн с Помпеем и другими своими соперниками добился огромных успехов в этом направлении. Каждый раз, когда он возвращался в Рим во главе своих победоносных легионов, он внушал капитолию все больший и больший благоговейный трепет. Октавий Цезарь, преемник Юлия, широко известный в истории под именем Августа, завершил то, что начал его дядя. Он сделал военную власть, хотя все еще номинально и формально подчиненной, в действительности первостепенной и верховной. Сенат, действительно, продолжал собираться и выполнять свои обычные функции. Консулы и другие гражданские должностные лица были избраны и наделены знаками отличия верховного командования; и все обычные формы и обычаи гражданской администрации, в которых полностью признавалось подчинение вооруженных сил гражданской власти, были сохранены. Тем не менее, фактическая власть гражданского правительства была полностью подавлена, и надменный *император* диктовал Сенату и руководил администрацией так, как ему заблагорассудится.

Склонность людей подчиняться установленной власти.

От командиров требовался великий гений, чтобы поднять армию до такого высокого положения и мощи; но однажды достигнув его, она удержалась на нем, не нуждаясь в каких-либо способностях или вообще в каких-либо высоких качествах у тех, кто впоследствии был поставлен во главе. На самом деле, читатель истории часто имеет случай быть совершенно пораженным тем, насколько далеко может зайти человеческое терпение, когда однажды будет установлена государственная власть любого рода, терпя слабоумие и безрассудство отдельных ее представителей. Кажется несущественным, принимает ли господствующая власть форму династии королей, класса наследственной знати или рода военных генералов. Требуется гений и государственная мудрость, чтобы установить его, но, однажды установив, никакая степень глупости или преступления в тех, кто им владеет, не кажется достаточной, чтобы исчерпать дух подчинения, с которым человек всегда склоняется перед установленной властью — дух подчинения, который настолько универсален, и настолько терпелив и долговечен, и который настолько превосходит все границы целесообразности и разума, что кажется слепым инстинктом, внедренным всаму душу человека. Автором его существа — составной и существенной частью его природы стадного животного. Фактически, без какого-либо такого инстинкта казалось бы невозможным формирование и поддержание этих обширных сообществ, без которых человек, если бы он вообще мог существовать, определенно никогда не смог бы полностью развить свои способности.

Огромные возможности первых императоров.
римские армии.

Каким бы это ни было теоретически, на самом деле несомненно, что работа по доведению военной мощи древнего Рима до состояния превосходства над всеми гражданскими функциями правительства была работой людей с самыми высокими способностями и властью. Марий и Сулла, Помпей и Цезарь, Антоний и Август во всех своих поступках проявляли высокую степень проницательности, энергии и душевного величия. Человечество, хотя и может осуждать их пороки и преступления, никогда не перестанет восхищаться величием их амбиций, а также великолепием, всесторонностью и эффективностью их планов действий. Театром их сражений был весь известный мир, и армии, которые они организовали и дисциплинировали и которые им удалось в конце концов поставить под контроль одного центрального и объединенного командования, образовали самую обширную и внушительную военную державу, которую когда-либо видел мир. Оно было не только обширным по размерам, но и постоянным и самоподдерживающимся по своему характеру. Для его поддержания была принята широкая и сложная, но наиболее эффективная система. Дисциплина в нем была совершенной. Его организация была совершенной. Его в равной степени обучали спокойно сидеть дома в своих городоподобных лагерях в мирное время, или маршировать, или стоять бивуаком, или сражаться во время войны. Такая система могла быть сформирована только людьми, обладающими высочайшими умственными способностями; но, однажды сформированная, она могла впоследствии поддерживать себя; и не только так, но оказалось, что она способна поддерживать, благодаря присущей ей силе, самых слабоумных и некомпетентных людей в качестве номинальных правителей.

Характер Калигулы.
Его отчаянная злобность.

Примеры его жестокости.
Кормление диких зверей людьми.
Клеймение.

Например, Калигула, брат Агриппины и правивший император на момент рождения Нерона, был человеком, совершенно непригодным для осуществления какого-либо высшего командования. Он был возведен на этот пост благодаря влиянию армии просто потому, что он был самым выдающимся человеком среди тех, кто имел наследственные притязания на престолонаследие, и, таким образом, был человеком, которого армия могла легче всего назначить на должность вождя и наиболее надежно удержать там. Однако его жизнь на том высоком посту, на который его таким образом возвел несчастный случай, была полна постоянных глупостей, пороков и преступлений. В основном он жил в Риме, где тратил огромные доходы, имевшиеся в его распоряжении, на самую распутную и бессмысленную расточительность. На начальном этапе своей карьеры целью большей части его экстравагантности было удовлетворение потребностей людей; но через некоторое время он начал искать удовлетворения только для себя и, наконец, проявил самый распутный дух злобности и жестокости по отношению к другим. Казалось, наконец-то он действительно возненавидел весь человеческий род и получал удовольствие, поддразнивая и мучая людей всякий раз, когда какой-либо случай предоставлял ему такую возможность. В те дни они привыкли устраивать зрелища в огромных амфитеатрах, которые в жаркие солнечные дни накрывались навесами. Иногда, когда амфитеатр был переполнен зрителями, а солнечный жар был необычайно силен, Калигула приказывал убрать навесы и держать двери закрытыми, чтобы люди не могли выйти; и тогда он забавлялся признаками дискомфорта и страданий, которые неизбежно проявились бы у столь переполненного зала при таком разоблачении. Он держал диких животных для боев, которые происходили в этих амфитеатрах, и когда было трудно раздобыть для них мясо овец и быков, он кормил их вместе с людьми, бросая для этой цели в их логова преступников и пленников. Некоторым лицам, которые оскорбили его, он приказал нанести клеймо на лице раскаленным железом, благодаря чему они не только подверглись жестоким пыткам в то время, но и были страшно изуродованы на всю жизнь. Иногда, когда сыновья знатных или выдающихся людей вызывали у него неудовольствие, или когда под влиянием своего каприза или злонамеренности он испытывал к ним какое-то чувство ненависти, он приказывал публично казнить их и требовал, чтобы их родители присутствовали и были свидетелями этой сцены. Однажды после такой казни он потребовал, чтобы несчастный отец его жертвы пришел отужинать с ним в его дворце; и во время ужина он все время разговаривал со своим гостем в легкой, шутиливой и веселой манере, чтобы подшутить над душевными муками страдальца и оскорбить их. В другой раз, когда он приказал уважаемому сенатору присутствовать при казни его сына, сенатор сказал, что пойдет, повинаясь приказу императора, но смиренно попросил разрешения закрыть глаза в момент казни, чтобы быть избавленным от ужасных мучений, связанных с предсмертными муками своего сына. Император в ответ немедленно приговорил отца к смерти за то, что тот осмелился сделать столь дерзкое предложение.

Агриппина замешана в заговоре.
Она сослана вместе со своей сестрой в Понтию.

Конечно, связь Агриппины, матери Нерона, с таким монархом, как этот, хотя и обеспечила ей очень высокое социальное положение в римской общине, не могла сильно способствовать ее счастью. На самом деле все, кто так или иначе был связан с Калигулой, жили в постоянном

страхе, ибо его жестокость была настолько распутной и капризной, что все, кто вообще мог попасть в поле его зрения, находились в постоянной опасности. Агриппина сама в свое время навлекла на себя неудовольствие своего брата, хотя ей посчастливилось спастись. Калигула раскрыл или притворился, что раскрыл заговор против него, и обвинил Агриппину и еще одну свою сестру по имени Ливилла в причастности к нему. Калигула послал солдата к главарю заговорщиков, чтобы тот отрубил ему голову, а затем изгнал его сестер из Рима и запер их на острове Понтия, сказав им, когда они будут уезжать, остерегаться, поскольку у него есть для них мечи, а также острова на случай необходимости.

Наконец ужасной тирании Калигулы был внезапно положен конец в результате его убийства, и Агриппина в результате этого события была не только освобождена от своего рабства, но и поднята на еще более высокое положение, чем она пользовалась прежде. Обстоятельства, связанные с этими событиями, будут описаны в следующей главе.

Глава II.

Убийство Калигулы.

40-41 гг. н. э.

Император Калигула пришел к своей смерти следующим образом:

Заговоры против Калигулы.

Конечно, его бессмысленная и безжалостная тирания часто пробуждала очень глубокое чувство негодования и очень искреннее желание мести в сердцах тех, кто от нее страдал; но все же его власть была настолько абсолютной и ужасной, что никто не осмеливался роптать или жаловаться. Однако негодование, которое пробудила жестокость императора, разгоралось еще сильнее из-за того, что его таким образом сдерживали и подавляли, и было сделано много скрытых угроз, и время от времени составлялись тайные заговоры против жизни тирана.

Кассий Чер.

Храбрость Чер.

Мятежи в его легионе.

Чер.

Среди других, вынашивавших подобные планы, был человек по имени Кассий Чер, армейский офицер, который, хотя и не имел высокого звания, тем не менее был человеком весьма выдающимся. Он был капитаном, или, как это называлось в те дни, центурионом. Таким образом, его команда была небольшой, но она входила в преторианскую когарту, как ее называли, что-то вроде личной охраны главнокомандующего и, следовательно, в очень почетный корпус. Таким образом, Чер был человеком весьма выдающимся из-за занимаемого им поста, и его обязанности капитана лейб-гвардии очень часто приводили его в сношения с императором. Он также был человеком большой личной храбрости и за это пользовался большим уважением в армии. Однажды, за несколько лет до этого, он совершил подвиг в

Германии, который принес ему большую известность. Это было во время смерти Августа, первого императора. Некоторые германские легионы, и среди них тот, в котором служил Черес, воспользовались случаем, чтобы взбунтоваться. Они назвали многочисленные и тяжкие акты угнетения причиной своего восстания и потребовали возмещения причиненных им страданий и безопасности на будущее. Одной из первых мер, к которым они прибегли в неистовстве первой вспышки восстания, было схватить всех центурионов в лагере и избить их почти до смерти. Они нанесли им по шестьдесят ударов, по одному на каждого из их числа, а затем выгнали их, избитых, израненных, и умирающих, из лагеря. Некоторых они бросили в Рейн. Таким образом они отомстили всем центурионам, кроме одного. Этим человеком был Херей. Черес не допустил, чтобы они захватили его, но, схватив свой меч, он пробился сквозь толпу, убивая одних и отталкивая других перед собой, и таким образом сбежал из лагеря. Этот подвиг принес ему большую известность.

Его внешность.

Из этого рассказа можно предположить, что Черес был человеком, обладавшим огромным личным превосходством в отношении роста и силы, поскольку, по-видимому, требовалась необычайная мускульная мощь, а также неустрашимая отвага, чтобы позволить человеку пробиться против такого количества врагов. Но это было не так. Черес был небольшого роста, стройного и изящного телосложения. Он также был скромным и непритязательным в своих манерах и обладал очень добрым и нежным духом. Таким образом, его не только чтили и восхищались его мужеством, но и вообще любили за дружелюбие и превосходные качества его сердца.

Его справедливые действия вызывают недовольство императора.

Однако нельзя было ожидать, что обладание такими качествами особенно расположит его к себе в пользу императора. Фактически, в одном случае это возымело обратный эффект. Одно время Калигула возлагал на центурионов своей гвардии некоторые обязанности, связанные со сбором налогов. Черес, вместо того чтобы практиковать вымогательство и жестокость, обычные в таких случаях, был милосерден и тактичен и строго следовал правилам закона и справедливости в своих сборах. Следствием этого неизбежно было то, что количество полученных денег несколько уменьшилось, и император был недоволен. Случай был, однако, недостаточно важным, чтобы пробудить в уме монарха какой-либо серьезный гнев, и поэтому, вместо того чтобы подвергнуть преступника какому-либо суровому наказанию, он удовлетворился попытками дразнить и мучить его различными досадными оскорблениями и неприятностями.

Пароли, данные Калигулой Херее.

Иногда в лагерях и на других военных участках существует обычай, согласно которому командир каждый вечер дает так называемое *условно-досрочное освобождение* или пароль, который обычно состоит из некоторого слова или фразы, которые должны быть доведены до сведения всех офицеров и, при необходимости, всех солдат, которых по какой-либо причине может возникнуть необходимость посылать туда-сюда по территории лагеря в течение ночи. У всех часовых также есть пароль, и соответственно, всякий раз, когда какой-либо человек приближается к посту часового, его останавливают и требуют условно-досрочного освобождения. Если незнакомец сообщает это правильно, предполагается, что все в порядке, и

ему разрешается пройти дальше, поскольку враг или шпион не имели бы возможности узнать об этом.

Теперь, всякий раз, когда приходила очередь Черы сообщить об условно-досрочном освобождении, император имел обыкновение отпускать ему какую-нибудь нелепую или неприличную фразу, предназначенную не только для того, чтобы оскорбить чистоту ума Черы, но и для того, чтобы выставить его в смешном свете перед подчиненными офицерами и солдатами, которым ему предстояло сообщить об этом. Иногда сообщаемым таким образом паролем было какое-нибудь слово или фраза, совершенно непригодные для произнесения, а иногда это было имя какой-нибудь печально известной женщины; но что бы это ни было, Чера был вынужден своим солдатским долгом донести это до всего корпуса и терпеливо сносить смех и насмешки, которые его сообщение вызвало среди подлых и порочных солдат.

Обвинение Пропедия.

Свидетельство Квинтилия.

Если предстояло применить какое-либо ужасное наказание или совершить какой-либо жестокий поступок, Калигула получал огромное удовольствие, возлагая эту обязанность на Херею, зная, насколько это должно быть отвратительно для его натуры. Однажды один из его врагов, видный сенатор по имени Пропедий, был обвинен в государственной измене. Его государственная измена состояла, как утверждал обвинитель, в том, что он произнес оскорбительные слова в адрес императора. Пропедий отрицал, что когда-либо произносил подобные слова. Обвинитель, которого звали Тимидий, привел в качестве свидетеля некую Квинтилию, актрису. Пропедий был соответственно привлечен к суду, и Квинтилия предстала перед судьями для дачи показаний. Она отрицала, что когда-либо слышала, чтобы Пропедий высказывал какие-либо подобные чувства, которые приписывал ему Тимидий. Затем Тимидий сказал, что Квинтилия давала ложные показания: он заявил, что она слышала, как Пропедий произносил такие слова, и потребовал подвергнуть ее пыткам, чтобы заставить признать это. Император согласился с этим требованием и приказал Чере подвергнуть актрису пыткам.

Чера встревожена.

Личный сигнал Квинтилии.

Конечно, всегда трудно установить точную правду в отношении таких сделок, как те, которые связаны с заговорами и заговорами против тиранов, поскольку все заинтересованные стороны, конечно, принимают все возможные меры предосторожности, чтобы скрыть совершаемое. Однако в данном случае вполне вероятно, что Пропедий вынашивал какие-то враждебные замыслы против Калигулы, если он не произносил оскорбительных слов, и что Квинтилия в какой-то мере пользовалась его доверием. Возможно даже, что Херея был связан с ними каким-то тайным замыслом, поскольку говорят, что когда он получил приказ Калигулы подвергнуть Квинтилию пыткам, он был сильно взволнован и встревожен. Если бы он применил жестокие пытки, он опасался, что несчастного страдальца можно было бы заставить сделать признания или, по крайней мере, заявления, которые навлекли бы гибель на людей, на которых он больше всего полагался в свержении Калигулы. С другой стороны, если бы он попытался пощадить ее, это привело бы лишь к тому, что Калигула разозлился бы на самого себя, нисколько не защищая и не спасая ее. Однако, когда он направлялся к месту пыток, заботясь о своей жертве, пребывая в состоянии тревоги и нерешительности, его опасения были несколько рассеяны личным

сигналом, данным ему Квинтилией, которой она намекнула ему, что ему не нужно беспокоиться, — что она будет верной и правдивой и ничего не раскроет, что бы с ней ни сделали.

Напрасно подвергают Квинтилию пыткам.

Это заверение, хотя и смягчило в какой-то степени тревоги и страхи Черы, должно быть, значительно усилило душевное расстройство, которое он испытывал при мысли о том, что он обрекает такую женщину на ужасные страдания, которые ее ожидали. Однако он не мог поступить иначе, как продолжить. Прибыв на место казни, несчастный Квинтилий был предан дыбе. Она терпеливо переносила агонию, которую испытывала, пока ее конечности растягивали на пыточной машине, а кости ломали, с покорностью терпения, до конца. Затем ее, потерявшую сознание, беспомощную и почти мертвую, отнесли к Калигуле, который, казалось, теперь был доволен. Он приказал увести несчастную жертву пыток и распорядился, чтобы Пропедиус был оправдан и освобожден от должности.

Гнев Черы.

Конечно, во время прохождения этой сцены разум Черы был в смятении от волнения — душевная мука, которую он, должно быть, испытывал в своем сострадании к страдальцу, смешивалась и боролась с отчаянным негодованием, которое горело в его груди против виновника всех этих страданий. Фактически, эта сделка довела его до такого исступления, что, как только все закончилось, он решил немедленно принять меры к смертной казни Калигулы. Это было очень смелое и отчаянное решение. Калигула был величайшим и могущественнейшим монархом на земле. Черы был всего лишь капитаном его гвардии, без какого-либо политического влияния или власти, и у него не было никаких средств защитить себя от ужасных последствий, которые, как можно было ожидать, могли последовать за его попыткой, независимо от того, увенчается она успехом или провалится.

Его решимость уничтожить Калигулу.

Составлен заговор.

Однако теперь он был возбужден настолько сильно, что решил преодолеть все опасности ради достижения своей цели. Он немедленно начал искать среди офицеров армии таких людей, которые, по его мнению, с наибольшей вероятностью могли бы присоединиться к нему, — людей храбрых, решительных и верных, а также тех, кого из-за их общего характера или из-за обид, которые они лично претерпели от правительства, можно было считать особенно враждебными владычеству Калигулы. Из числа этих людей он выбрал нескольких и осторожно изложил им свои планы. Все одобрили их. Некоторые, правда, отказались принимать какое-либо активное участие в заговоре, но они заверили Черы в своих добрых пожеланиях и торжественно пообещали не выдавать его.

Союзники.

Разные мнения.

Число заговорщиков ежедневно увеличивалось. Однако на их встречах для консультаций наблюдались некоторые расхождения во мнениях относительно курса, которого следовало придерживаться. Некоторые выступали за то, чтобы действовать быстро и без промедления. По их мнению, наибольшая опасность, которой следовало опасаться, заключалась в промедлении. По их словам, по мере расширения заговора кто-то, наконец, узнает о нем и предаст их. Другие,

с другой стороны, были за то, чтобы действовать осторожно и медленно. Чего они больше всего боялись, так это опрометчивых и необдуманных действий. Как они утверждали, попытка начать действовать до того, как их планы полностью созреют, была бы губительной для предприятия.

Предлагались различные планы уничтожения Калигулы.

Чере придерживался первого мнения. Ему не терпелось поскорее совершить это дело. По его словам, он сам был готов выполнить это в любое время; его личные обязанности офицера гвардии давали ему частые возможности встретиться с императором, и он был готов воспользоваться любым из них, чтобы убить чудовище. По его словам, император часто ходил в капитолий, чтобы принести жертвы, и он мог легко убить его там. Или, если они считали, что это было слишком публичное мероприятие, у него могла быть возможность присутствовать во дворце на определенных религиозных церемониях, которые император привык проводить там и на которых обычно присутствовал сам Чере. Или же он был готов сбросить его с башни, куда тот привык иногда заходить, чтобы раздать деньги населению внизу. Чере сказал, что в таком случае он мог бы легко подойти к нему сзади и внезапно перебросить его через парапет на тротуар внизу. Однако все эти планы показались заговорщикам слишком неопределенными и опасными, и предложения Чере, соответственно, не были приняты.

Окончательное решение.

Трехдневный фестиваль.

Наконец, приблизилось время, когда Калигуле предстояло покинуть Рим и отправиться в Александрию в Египте, и заговорщики поняли, что им следует подготовиться действовать, иначе они вообще откажутся от своего замысла. Было условлено, что перед отъездом императора в Риме состоится грандиозное торжество. Это празднование, которое должно было состоять из игр, спортивных состязаний и разного рода драматических представлений, должно было продолжаться в течение трех дней, и после долгих консультаций и дебатов заговорщики решили, что Калигула должен быть убит в один из этих дней.

Однако после того, как они пришли к такому выводу, в целом их сердца, казалось, подвели их в определении точного времени для совершения преступления, и, соответственно, два из трех дней прошли без каких-либо попыток. Наконец, утром третьего дня, Чере собрал главных заговорщиков и очень серьезно призвал их не упускать представившуюся возможность. Он объяснил им, насколько они увеличивают опасность своих попыток такими задержками, и сам он казался таким полным решимости и мужества, и обращался к ним с таким красноречием и силой, что внушил им свою собственную решимость, и они единогласно решили действовать.

Император пришел в театр в тот день необычно рано и, казалось, был в прекрасном расположении духа и в отличном расположении духа. Он был очень покладист со всеми окружающими, очень живой, приветливый и веселый. После выполнения определенных церемоний, которыми ему было поручено открывать торжествадня, он проследовал на свое место в окружении своих друзей и любимцев, а Чере с другими офицерами, стоявшими в тот день на страже, на небольшом расстоянии позади него.

Краткий разговор.

Представления начались, и все шло как обычно, ближе к полудню. Заговорщики держали свои планы в строжайшем секрете, за исключением того, что один из них, заняв свое место рядом с выдающимся сенатором, спросил его, слышал ли он что-нибудь новое. Сенатор ответил, что нет. "Тогда я могу сказать вам кое-что, - сказал он, - чего, возможно, вы не слышали, а именно, что в пьесе, которая будет разыграна сегодня, будет изображена смерть тирана". - Тише! - сказал сенатор и процитировал стих Гомера, который означал: "Молчи, чтобы кто-нибудь из греков не подслушал".

Перерыв.

Обязанность Чэри.

Во время подобных увеселений император обычно делал небольшой перерыв около полудня, чтобы отдохнуть и подкрепиться. На Чэри было возложено прислуживать ему в это время и проводить его с его места в театре в соседние апартаменты в его дворце, которые были соединены с театром, где была приготовлена ванна и различные напитки. Когда пришло время, и Чэри понял, как он и думал, что император собирается уходить, он сам вышел и расположился в коридоре, ведущем в баню, намереваясь перехватить и убить императора, когда тот появится. Император, однако, отложил свой отъезд, вступив в разговор со своими придворными и друзьями, и, наконец, сказал, что в целом, поскольку это был последний день фестиваля, он не пойдет в баню, а останется в театре; а затем, приказав принести ему туда прохладительные напитки, он с большой учтивостью принялся раздавать их окружающим его офицерам.

План, похоже, провалится.

Тем временем Чэри терпеливо ждал в проходе, держа меч наготове, готовый нанести удар в тот момент, когда появится его жертва. Конечно, оставшиеся заговорщики находились в состоянии сильного напряжения и тревоги, и один из них, по имени Минуциан, решил выйти и сообщить Херее об изменении планов Калигулы. Поэтому он попытался встать, но Калигула положил руку на его одежду, сказав: "Сиди спокойно, мой друг. Сейчас ты пойдешь со мной". Минуциан, соответственно, еще немного скрывал свою тревогу и душевное волнение, но вскоре, воспользовавшись удобным случаем, когда внимание императора было занято другим, он встал и, приняв беззаботный вид, вышел из театра.

Засада Хереи.

Минуциан.

Он нашел Чэри в своей засаде в проходе и немедленно сообщил ему, что император решил не выходить. Херея и Минуциан были тогда в большой растерянности, что делать. Некоторые другие заговорщики, следовавшие за Минуцианом, теперь присоединились к ним, и последовало краткое, но очень серьезное и торжественное совещание. После минутного колебания Чэри заявил, что теперь они должны довести свою работу до конца, несмотря ни на что, и заявил, что готов, если товарищи поддержат его в этом, вернуться в театр и заколоть тирана там, на его месте, среди его друзей. Минуциан и другие согласились с этим замыслом, и было решено немедленно привести его в исполнение.

Ловкое руководство заговорщиками.

Однако осуществлению плана в той точной форме, в какой он был задуман, помешал новый оборот, который приняли дела на театре. Ибо, пока Минуциан и двое или трое сопровождавших

его заговорщиков спорили в коридоре, остальные оставшиеся, зная, что Херея ожидает ухода Калигулы, задумали попытаться убедить его уйти и таким образом заманить его в расставленную для него ловушку. Соответственно, они собрались вокруг и без всякого проявления согласия или рвения начали рекомендовать ему пойти и принять ванну, как обычно. Казалось, он, наконец, был склонен уступить этим уговорам и поднялся со своего места; и затем, сопровождаемый всей компанией, он направился к дверям, ведущим во дворец. Заговорщики опередили его и под предлогом расчистки ему пути хитрили убрать на небольшое расстояние всех, кто, по их мнению, был бы наиболее расположен оказать ему какую-либо помощь. Консультации Черы и тех, кто был с ним во внутреннем коридоре, были прерваны появлением этой компании.

Азиатские мальчики.

Среди тех, кто сопровождал императора в это время, были его дядя Клавдий и другие выдающиеся родственники. Калигула шел по коридору в компании этих друзей, совершенно не подозревая об ожидавшей его участи, но вместо того, чтобы сразу направиться в баню, он сначала свернул в галерею или коридор, который вел в другое помещение, где собралась компания мальчиков и девочек, которых прислали к нему из Азии, чтобы они выступали и танцевали на сцене, и которые только что прибыли. Император проявлял большой интерес к этим исполнителям и, казалось, желал, чтобы они немедленно отправились в театр и позволили ему посмотреть на их выступление. Пока шел разговор на эту тему, в квартиру вошли Чера и другие заговорщики, полные решимости нанести удар.

Херея повергает Калигулу на землю.

Чера подошел к императору и спросил его в обычной манере, каким должно быть условное слово на эту ночь. Император дал ему в ответ такой ответ, который он часто выбирал прежде, чтобы оскорбить и унижить его. Чера вместо того, чтобы смиренно и терпеливо принять оскорбление в своей обычной манере, произнес в ответ слова гнева и вызова; и в то же мгновение, выхватив свой меч, он ударил императора по шее и повалил его на пол. Калигула наполнил комнату криками боли и ужаса; другие заговорщики ворвались внутрь и атаковали его со всех сторон; его друзья, — насколько приверженцев такого человека можно назвать друзьями, — в смятении разбежались. Что касается дяди Калигулы Клавдия, то нельзя было ожидать, что он окажет своему племяннику какую-либо помощь, поскольку он был человеком столь необычайно слабоумным, что обычно считалось, что он не обладает даже здравым смыслом; а все остальные, от кого можно было ожидать, что они будут защищать его, либо сбежали со сцены, либо стояли в ужасе и изумлении, предоставив заговорщикам полностью отомстить своей несчастной жертве.

Конец деспота.

Всеобщая радость во дворце.

Дикое ликование заговорщиков.

На самом деле, хотя, пока деспот жив и сохраняет свою власть, тысячи людей готовы защищать его и исполнять его волю, как бы сильно в глубине души они ни ненавидели его, все же, когда он мертв или когда однажды становится ясно, что он вот-вот умрет, происходит мгновенная перемена, и все оборачиваются против него. Толпы людей в театре и во дворце и вокруг них, которые час назад трепетали перед этим могущественным властелином и, казалось, жили

только для того, чтобы выполнять его приказы, были полны радости, увидев, как он повергнут в прах. Заговорщики, когда успех их планов и смерть их угнетателя были однажды несомненны, предались самой экстравагантной радости. Они резали и кололи упавшее тело снова и снова, как будто никогда не могли достаточно отомстить ему. Они отрезали куски тела и кусали их зубами в своем диком ликовании и триумфе. Наконец они оставили тело там, где оно лежало, и отправились в город, где теперь, конечно, царили суматоха и смятение.

Цезония и ее ребенок.
Они убиты.

Тело оставалось там, где оно упало, до поздней ночи. Затем пришли несколько слуг дворца и унесли его. Говорили, что они были посланы Цезонией, женой убитого человека. В то время у Цезонии была маленькая дочь, и она оставалась с ребенком в уединенных покоях дворца, пока происходили эти события. Обезумев от горя и ужаса при известии, которое она услышала, она прижала к себе своего младенца и, не отходя от колыбели, занялась приготовлениями к погребению тела своего мужа. Возможно, она вообразила, что нет никаких оснований предполагать, что ей или ребенку угрожает какая-либо непосредственная опасность, и, соответственно, она не предприняла никаких мер для осуществления побега. Если это так, то она не понимала ужасного неистовства, до которого были доведены заговорщики и к которому их подготовила долгая череда жестокостей и унижений, которые они претерпели от ее мужа. Ибо в полночь один из них ворвался в ее квартиру, ударил ножом мать, сидевшую в кресле, и, вынув невинного младенца из колыбели, убил его, ударив головой о стену.

Цезония.

Предполагаемая необходимость уничтожения ребенка.

Каким бы чудовищным ни казалось это деяние, причиной его была не совсем бессмысленная и злобная жестокость. Заговорщики намеревались убийством Калигулы не просто отомстить одному человеку, но положить конец ненавистному роду тиранов; и они оправдывали убийство жены и ребенка тем, что суровая политическая необходимость требовала от них истребления рода, чтобы впоследствии не смог появиться преемник, который восстановил бы власть и возобновил тиранию, которой они положили конец. История монархий постоянно преподносит нам примеры невинных и беспомощных детей, приносимых в жертву такой предполагаемой необходимости, как эта.

Глава III.

Восшествие на престол Клавдия.

41-47 гг. н. э.

Окончательный замысел заговорщиков.

При убийстве Калигулы заговорщики, объединившиеся, чтобы совершить это деяние, преследовали гораздо более глубокие цели, чем простое удовлетворение своего личного негодования и ярости против отдельного тирана. Они хотели произвести постоянные изменения в правительстве, низложив армию с позиции высшей и деспотической власти, которую она заняла, и восстановив власть Римского сената и других гражданских властей города, как это делалось ими в прежние годы. Конечно, смерть Калигулы была началом, а не концом великой борьбы. Вся страна немедленно разделилась на две партии. Была партия Сената и партия армии; и последовал долгий и ожесточенный конфликт. Некоторое время было сомнительно, кто из них победит.

Эффект, произведенный известием о смерти Калигулы.

На самом деле, сразу же после того, как Калигула был убит и весть о его смерти начала распространяться по дворцу и улицам города, поднялась значительная суматоха, которая стала предвестником и причиной раздоров, которые должны были последовать. При первой тревоге отряд императорской стражи, который привык охранять его особу и которого он сильно привязал к себе своим необычайным великодушием в раздаче подарков и наград, бросился вперед, чтобы защитить его, или, если защищать его окажется слишком поздно, отомстить за его смерть. Эти солдаты побежали ко дворцу, и когда они обнаружили, что император убит, они пришли в ярость и набросились на всех, кого встречали, и действительно убили нескольких человек. В театр пришли вести, и среди людей от ранга к рангу распространился слух, что император убит. Однако поначалу люди не поверили этой истории. Они предположили, что этот отчет был хитроумной уловкой самого императора, имевшей целью заманить их в ловушку, вынудив к какому-либо выражению удовольствия с их стороны в связи с его смертью, чтобы дать ему предлог для того, чтобы подвергнуть их какому-нибудь жестокому наказанию. Однако шум и суматоха на улицах вскоре убедили их, что произошло нечто экстраординарное; они узнали, что

известие о смерти императора действительно было правдой, и почти сразу после этого, к своему ужасу, обнаружили, что разъяренные стражники колотят в ворота театра и пытаются прорваться внутрь, чтобы отомстить собранию, как будто зрители на представлении были соучастниками преступления.

Чере и заговорщики скрываются.

Созывается сенат.

Образовались две партии.

Тем временем Чере и другие главные заговорщики бежали в тайное убежище, где и затаились сейчас. Как только они убедились, что объект их мести действительно мертв, и когда они удовлетворились удовольствием резать и колоть безжизненное тело, они улизнули в дом одного из своих друзей по соседству, где могли некоторое время затаиться в безопасности. Лейб-гвардейцы искали их повсюду, но не могли найти. Улицы наполнились смятением. Слухи всякого рода, ложные и правдивые, распространялись во всех направлениях и усиливали волнение. В конце концов, однако, консулам, которые были главными должностными лицами республики, удалось организовать войска и восстановить порядок. Они овладели форумом и капитолием и выставили часовых вдоль улиц. Они вынудили гвардейцев императора прекратить насилие и отступить. Они послали в театр глашатая, одетого в траур, официально объявить народу о произошедшем событии и приказать им спокойно расходиться по домам. Приняв эти предварительные меры, они немедленно созвали Сенат, чтобы обсудить возникшую чрезвычайную ситуацию и решить, что следует делать дальше. Тем временем императорская стража, уйдя с улиц города, удалилась в свой лагерь и присоединилась к своим товарищам. Таким образом, были организованы две огромные силы — армия в лагере и Сенат в городе, — каждая из которых ревниво относилась к другой и была непреклонна в своем стремлении не уступать в надвигающемся конфликте.

Во времена внезапных и жестоких революций, подобных той, что сопровождала смерть Калигулы, направление, по которому должны развиваться общественные дела, и вопрос, кому восставать, а кому падать, часто, кажется, решается совершенно случайно. Это было поразительно в данном случае, в отношении выбора армией человека, который должен был занять пост верховного командования вместо убитого императора. Выбор пал на Клавдия, дядю Агриппины. Это свалилось и на него, как могло бы показаться, совершенно случайно, следующим весьма необычным образом.

Рассказ о Клавдии.

Его очевидное слабоумие.

Все против него.

Способ подразнить его.

Клавдий, как уже было сказано, приходился дядей Калигуле; а поскольку Калигула и Агриппина были братом и сестрой, он, конечно же, был и дядей Агриппины. В то время ему было около пятидесяти лет, и он повсеместно подвергался насмешкам и презрению из-за своей большой умственной и личной неполноценности. При рождении он был слаб и плохо сформирован, так что даже мать презирала его. Она называла его "недоделанным маленьким чудовищем", и всякий раз, когда ей хотелось выразить свое презрение к кому-либо из-за его понимания, она говорила: "Ты такой же глупый, как мой сын Клавдий". Одним словом, Клавдий был крайне неудачлив во всех отношениях, что касается природных дарований. Его лицо было очень

отталкивающим, фигура нескладной, манеры неуклюжими, голос неприятным, и у него были затруднения в речи. На самом деле, в юности его считали чуть ли не идиотом. Ему не разрешалось общаться с другими римскими мальчиками его возраста, но его держали отдельно, в какой-нибудь уединенной части дворца, с женщинами и рабынями, где с ним обращались с такой жестокостью и пренебрежением, что то небольшое, что дала ему природа, было раздавлено и уничтожено. На самом деле, по общему согласию, всем, казалось, доставляло удовольствие дразнить и мучить его. Иногда, когда он подходил к столу во время какого-нибудь развлечения, другие гости объединялись, чтобы вытеснить его с места, чтобы насладиться его страданием, пока он бегал от одной части стола к другой, пытаясь найти место. Если они заставляли его спать, они забрасывали его оливками и финиками или будили ударом розги или кнута; а иногда они украдкой надевали ему на руки сандалии, пока он спал, чтобы, когда он внезапно проснется, они могли позабавиться, увидев, как он трет ими лицо и глаза.

Его положение при дворе.

Жены Клавдия.

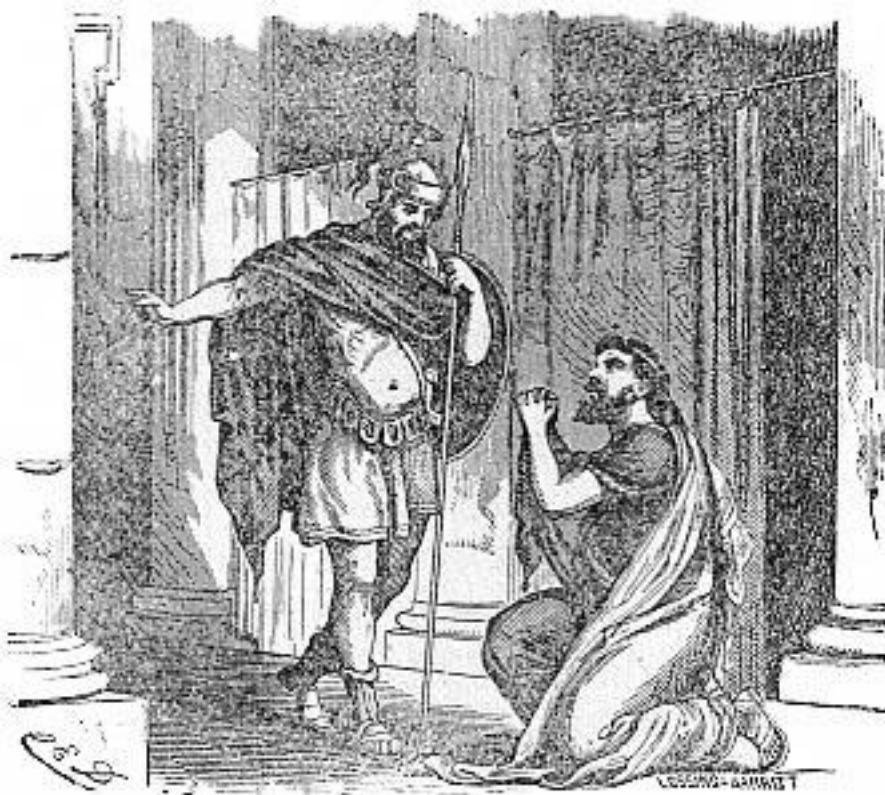
Его сын задушен грушей.

Однако, в конце концов, неполноценность Клавдия на самом деле была не так велика, как казалось. Он был неуклюж и нескладен, без сомнения, до последней степени; но он обладал некоторой значительной способностью к интеллектуальным поискам и достижениям, и поскольку его довольно эффективно оттесняли от общества шутки и насмешки, которым он подвергался, он посвятил много времени в своем уединении учебе и другим полезным занятиям. Он добился значительного прогресса в усилиях, которые таким образом прилагал для развития своего ума. Ему, однако, не удалось завоевать уважение окружающих; и по мере того, как он вырос, его, казалось, считали совершенно неспособным выполнять какие-либо полезные функции; и в то время, когда его племянник Калигула был императором, он оставался при дворе, среди другой знати, но по-прежнему всеми ими пренебрегался и презирался. Говорят, что он, вероятно, был обязан сохранением своей жизни своей незначительности, поскольку Калигула, вероятно, нашел бы какой-нибудь предлог для его уничтожения, если бы не считал его слишком бездушным и слабоумным, чтобы строить какие-либо амбициозные планы. На самом деле, Клавдий сам говорил впоследствии, когда стал императором, что большая часть его кажущейся простоты была притворной в качестве меры благоразумия, чтобы защитить себя от травм. Когда Клавдий вырос, он был женат несколько раз. Жена, которая жила с ним на момент смерти Калигулы, была его третьей женой; ее звали Валерия Мессалина. Она была его двоюродной сестрой. У Клавдия и Мессалины был один ребенок — дочь по имени Октавия. Клавдий был крайне несчастлив в своей связи с женами, предшествовавшими Мессалине. Он поссорился с ними и развелся с обеими. У него была дочь от одной из этих жен и сын от другой. Сын внезапно погиб, подавившись маленькой грушей. Он подбрасывал ее в воздух и пытался поймать ротом, когда она падала, когда, наконец, она проскользнула ему в горло и задушила его. Что касается дочери, Клавдий был так зол на ее мать во время своего развода с ней, что решил отречься от ребенка; поэтому он приказал раздеть перепуганную девочку донага, отправить и положить в таком состоянии у дверей ее несчастной матери.

Клавдий в ужасе.

Его убежище.

Клавдий, как уже говорилось, присутствовал с Калигулой в театре в последний день представления и последовал за ним во дворец, когда тот отправился посмотреть на азиатских пленников; так что он присутствовал или, по крайней мере, был очень близко во время убийства своего племянника. Как и следовало ожидать, исходя из того, что было сказано о его характере, он был ошеломлен происходящим и был совершенно неспособен принимать какое-либо участие ни за заговорщиков, ни против них. Он в сильном испуге улизнул и спрятался за портьерами в темной нише дворца. Здесь он оставался некоторое время, в агонии тревоги и напряженного ожидания прислушиваясь к звукам, которые раздавались вокруг него. Он слышал крики и суматоху на улицах и в переходах дворца. Отряды стражников, расхаживая взад и вперед, время от времени проходили мимо места его отступления, тревожа его лязгом своего оружия и яростными восклицаниями. Однажды, украдкой выглянув наружу, он увидел группу спешащих солдат с окровавленной головой на острие пики. Это была голова видного гражданина Рима, которого стражники схватили и убили, предположив, что он был одним из заговорщиков. Это зрелище значительно усилило ужас Клавдия. Он был в полном неведении относительно мотивов и замыслов людей, которые таким образом восстали против его племянника, и, конечно, он не мог знать, как к нему самому отнесутся обе стороны. Поэтому он не осмеливался сдаться ни тому, ни другому, но оставался в своем укрытии, испытывая сильную тревогу и совершенно неспособный решить, что делать.

Открытие Клавдия.

Его обнаруживает солдат.
Клавдий провозглашен императором.
Его удивление.

Наконец, пока он находился в этой ситуации неопределенности и ужаса, простой солдат стражи по имени Эпирий, случайно проходивший тем путем, случайно увидел его ноги под портьерами и немедленно, отодвинув портьеры в сторону, вытащил его на всеобщее обозрение. Клавдий теперь, конечно, решил, что настал его час. Он упал на колени в агонии ужаса и умолял солдата сохранить ему жизнь. Солдат, узнав, что его пленником был Клавдий, дядя Калигулы, поднял его с земли и приветствовал как императора. Поскольку Калигула не оставил сына, Эпирий считал Клавдия своим ближайшим родственником и, следовательно, наследником. Эпирий немедленно вызвал на место остальных стражников, сказав, что он нашел нового императора, и призвав их помочь доставить его в лагерь. Призванные таким образом солдаты раздобыли стул и, усадив на него изумленного Клавдия, подняли стул себе на плечи и начали уносить его прочь. Когда они несли его таким образом по улицам, люди, которые видели их, предположили, что они везут его на казнь, и они оплакивали его несчастную судьбу. Сам Клавдий не знал, чему верить. Он не мог не надеяться, что его жизнь будет спасена, но тогда он не мог полностью развеять свои страхи.

Его доставляют в лагерь и провозглашают императором.

Тем временем солдаты неуклонно продвигались вперед со своей ношей. Когда одна группа носильщиков уставала, они опускали стулья, а другие сменяли их. Никто не приставал к ним и не пытался остановить их продвижение, и, наконец, они достигли лагеря. Клавдий был хорошо принят всей армией. Той ночью офицеры посовещались и решили провозгласить его императором. Сначала он крайне не желал принимать предложенную честь, но они настаивали на ней, и в конце концов его убедили принять ее. Таким образом, армия снова получила главу и была готова вновь вступить в конфликт с гражданскими властями города.

Подробности последовавшего конфликта мы не можем здесь описывать. Достаточно сказать, что армия одержала верх и что Клавдий вскоре оказался в полном распоряжении власти, от которой его племянник был так внезапно отстранен.

Агриппина вспомнила.

Одной из первых мер, принятых новым императором, было отозвать Агриппину из ссылки в Понтии, куда ее заточил Калигула, и восстановить ее прежнее положение в Риме. Ее муж, Меднобородый, умер примерно в это же время, и молодому Меднобородому, ее сыну, впоследствии названному Нероном, герою этой истории, было три года. Октавия, дочь Клавдия и Мессалины, была немного моложе.

Мессалина.

Мессалина, жена Клавдия, ненавидела Агриппину, считая ее, как и она сама, своей соперницей и врагом. Благоклонность, которую Клавдий оказал Агриппине, отозвав ее из изгнания и относясь к ней с уважением и благоклонностью в Риме, только еще больше распалила ненависть Мессалины. Однако ей не удалось убедить Клавдия лишить племянницу своего покровительства, поскольку Клавдий, хотя и почти полностью находился под влиянием и контролем своей жены во многих вопросах, казалось, был полон решимости не уступать ее желаниям в этом. Таким образом, Агриппина продолжала жить в Риме, пользуясь большим расположением двора, в течение нескольких лет, а ее маленький сын все время рос и возмужал, пока, наконец, ему не исполнилось двенадцать лет. В это время в его собственном состоянии и состоянии его матери произошла еще одна большая перемена. Мессалина сама стала,

благодаря своему злу и страстному увлечению, средством возвысить свою соперницу до ее собственного положения жены императора. Результат был достигнут следующим образом.

Интриги Мессалины.

Ее ненависть к Силану.

Мессалина долгое время была очень распутной и порочной женщиной, привыкшей предаваться преступным удовольствиям любого рода в компании фаворитов, которых она время от времени выбирала среди окружающих ее придворных. Какое-то время она управляла этими интригами с некоторой степенью осторожности и скрытности, чтобы скрыть свое поведение от мужа. Однако постепенно она становилась все более открытой и смелой. Она обладала большим влиянием на разум своего мужа и могла легко обмануть его или побудить сделать все, что ей заблагорассудится. Она убедила его очень щедро воздавать почести и награды тем, к кому она благоволила, и унижать, а иногда даже уничтожать тех, кто ей не нравился. Время от времени она прибегала к очень хитрым уловкам для достижения своих целей. Например, одно время она испытывала сильную ненависть к мужу своей матери. Его звали Силан. Он не был отцом Мессалины, но был вторым мужем матери Мессалины; и, будучи молодой и привлекательной внешне, Мессалина сначала полюбила его и намеревалась сделать одним из своих любимцев и компаньонов. Силан, однако, не подчинился ее желаниям, и тогда ее любовь к нему сменилась ненавистью и жадой мести. Соответственно, она решила его уничтожить; но так как она знала, что будет трудно заставить Клавдия пойти на крайние меры против него из-за его близких отношений с семьей, она придумала очень хитрый заговор для достижения своих целей. Это было так:

План уничтожения Силана.

Однажды вечером она послала Силану известие, что император желает, чтобы он явился во дворец, в свои личные апартаменты, на следующее утро, очень рано. Гонец сказал, что император желает видеть его по важному делу.

Выдуманный сон Нарцисса.

Подтверждение этого Мессалиной.

Незадолго до времени, назначенного для появления Силана, некий придворный по имени Нарцисс, которого Мессалина наняла помогать ей в ее заговоре, вошел в покои императора с озабоченным выражением лица и в очень торопливой манере и сказал Клавдию, которого он разбудил своим приходом, что ему приснился очень страшный сон, о котором он счел своим долгом без промедления сообщить своему повелителю. По его словам, ему приснилось, что был составлен заговор с целью убийства императора; что Силан был его организатором и что он придет рано утром, чтобы привести свой замысел в исполнение. Мессалина, присутствовавшая в это время рядом со своим мужем, выслушала эту историю с хорошо притворной тревогой и волнением, а затем с выражением большой таинственности и торжественности заявила, что ей снился точно такой же сон две или три ночи подряд, но что, не желая причинять вред Силану или возбуждать против него какие-либо несправедливые подозрения, она до сих пор воздерживалась говорить на эту тему со своим мужем. Однако теперь она, по ее словам, убеждена, что Силан действительно вынашивал какие-то изменнические замыслы и что сны были знаками, посланными с небес, чтобы предупредить императора об опасности.

Клавдий встревожен.
Силан казнен.

Клавдий, обладавший чрезвычайно робким и нервным характером, был очень встревожен этими сообщениями; и его страхи значительно усилились при появлении слуги, который в этот момент объявил ему, что входит Силан. Приход Силана во дворец в столь неурочный час был расценен императором как полное подтверждение снов, которые были ему рассказаны, и как доказательство вины обвиняемого; и под влиянием внезапной страсти и страха, которые это убеждение пробудило в его уме, он приказал схватить Силана и увести для немедленной казни. Этим приказам подчинились. Силана поспешно увели и прикончили мечами солдат, так и не узнав, в чем его обвиняли.

Безграничное влияние Мессалины.

Таким образом, Мессалина преуспевала с помощью хитрости в достижении своих целей в тех случаях, когда она не могла полагаться на свое прямое влияние на разум императора. Так или иначе, она почти всегда добивалась успеха, за что бы ни бралась, и постепенно стала осуществлять почти безраздельный контроль. Кого она хотела, она возвышала, а кого хотела низвергать. Тем временем она жила сама по себе, жизнью самого преступного потворства своим желаниям и удовольствиям. Долгое время она скрывала свое злодейство от императора. Его было очень легко обмануть, и хотя характер Мессалины был прекрасно известен окружающим, сам он продолжал закрывать глаза на ее вину. Однако в конце концов она стала становиться все более смелее. Она пресытилась, как говорит о ней один из ее историков, обычными формами порока и пожелала чего-то нового и необычного, чтобы придать пикантность и жизнь своим ощущениям. В конце концов, однако, она зашла на один шаг слишком далеко и вследствие этого навлекла на себя ужасные разрушения.

Caius Silius.

Привязанность Мессалины к нему.

Колебания Силиуса.

Его решение.

Это событие произошло примерно через семь лет после восшествия на престол Клавдия. Фаворитом Мессалины в то время был молодой римский сенатор по имени Гай Силий. Силиус был очень выдающимся молодым дворянином, красивым мужчиной с очень изящными и утонченными манерами и обращением. На самом деле он был всеобщим любимцем, и Мессалина, когда впервые увидела его, прониклась к нему очень сильной привязанностью. Однако он уже был женат на красивой римлянке по имени Юния Силана. Силана была и оставалась в то время близкой подругой Агриппины, матери Нерона; хотя в последующие времена они стали злейшими врагами. Мессалина не делала секрета из своей любви к Силию. Она свободно навещала его в его доме и принимала его визиты в ответ; она сопровождала его в общественных местах, демонстрируя везде свое глубокое уважение к нему в самой неприкрытой и открытой манере. Наконец она предложила ему развестись с женой, чтобы она сама могла наслаждаться его обществом без каких-либо ограничений. Силий некоторое время колебался, соглашаться ли на эти предложения. Он прекрасно понимал, что неизбежно подвергнется большой опасности, либо подчинившись, либо отказавшись подчиняться им. Согласиться на предложения императрицы означало бы, конечно, поставить себя в крайне опасное положение; и судьба Силана была для него предупреждением о том, чего ему следует

опасаться от ее гнева в случае отказа. Он пришел к выводу, что первой опасности в целом следовало опасаться меньше всего, и, соответственно, развелся со своей женой и полностью подчинился воле Мессалины.

Claudius.

Общественные работы в Остии.

Обелиск.

Огромный корабль.

После того, как была достигнута такая договоренность, все какое-то время шло гладко и хорошо. Сам Клавдий вел очень уединенный образ жизни и уделял очень мало внимания занятиям и удовольствиям своей жены. Иногда он жил в уединении в своем дворце, посвящая все свое время учебе или планам и мерам правительства. Похоже, он искренне желал способствовать благополучию и процветанию республики, и он издал много полезных постановлений из законов, которые обещали способствовать достижению этой цели. Иногда он отсутствовал в городе на сезон — посещал крепости и лагеря или инспектировал общественные работы, такие как акведуки и каналы, которые находились в стадии строительства. Его особенно интересовали определенные операции, которые он планировал и проводил в устьях Тибра для создания там гавани. Место называлось Остия, это слово на латинском языке обозначает *рты*. Чтобы образовать там порт, он построил два длинных пирса, вытянув их криволинейной формой в море, чтобы замкнуть между ними большое пространство воды, где корабли могли бы в безопасности стоять на якоре. На концах этих причалов были построены маяки. Любопытно, что при закладке фундамента одного из этих пирсов инженеры, нанятые Клавдием, потопили огромный корабль, который Калигула ранее приказал построить для перевозки обелиска из Египта в Рим, — обелиска, который сейчас стоит перед церковью Святого Петра и вызывает восхищение и изумление всех посетителей Рима. Поскольку обелиск был сделан из цельного камня, для его перевозки было необходимо судно очень большого размера и необычной конструкции; и когда это судно однажды доставило свой чудовищный груз, оно больше не могло выполнять никаких полезных функций на поверхности моря, и инженеры соответственно наполнили его камнями и гравием и затопили в устье Тибра, чтобы оно стало частью фундамента одной из пристаней Клавдия. Поскольку обнаружено, что древесина, которая постоянно находится в морской воде, не подвергается заметному разложению даже на протяжении веков, не исключено, что огромный корпус, если только морские насекомые не сожрали его и не унесли, до сих пор лежит там, где его поместил Клавдий.

Мессалина продолжает свою порочную карьеру.

Силий опьянен своим возвышением.

В то время как император был занят этими и подобными занятиями, Мессалина продолжала свою карьеру распутства и потворства своим желаниям от плохого к худшему, с каждым днем становясь все более смелой и открытой. Она жила в постоянном круговороте развлечений и веселья — иногда принимала компании гостей в своем собственном дворце, а иногда наносила визиты с большой свитой слуг и друзей в доме Силия. Конечно, все ухаживали за Силием и делали вид, что в своих сношениях с ним они питают к немусамое дружеское уважение. Так всегда бывает с любимцами великих. Хотя в глубине души их ненавидят и презируют, по форме и внешнему виду их ласкают и им аплодируют. Силиус был опьянен эмоциями, которые так естественно вызвал головокружительный подъем, к которому он пришел. Однако он чувствовал

себя не совсем в своей тарелке. Он не мог не сознавать, что, каким бы высоким ни было его положение, он стоял на краю пропасти. И все же он в значительной степени закрывал глаза на грозившую ему опасность и слепо шел вперед. Катастрофа, которая, наконец, произошла очень внезапно, станет темой следующей главы.

Глава IV.

Судьба Мессалины.

48 г. н. э.

Силий разрабатывает план, как сделать себя императором.

Как и следовало ожидать, ситуация, в которой он оказался с Мессалиной, пробудила в душе Силия два совершенно разных чувства: одно было честолюбием, а другое - страхом. Обнаружив, что он внезапно вознесся до такой высокой степени уважения и влияния, было естественно, что он стал смотреть еще выше и начал желать реальной и официальной власти. А затем, с другой стороны, его беспокойство по поводу опасностей, которым он подвергался, оставаясь таким, каков он есть, возрастало с каждым днем. Наконец, ему в голову пришел план, который оба эти соображения побудили его принять. План состоял в том, чтобы убить Клавдия, а затем жениться на Мессалине и сделать себя императором вместо Клавдия. Он думал, что, осуществив этот план, достигнет двойной цели. Он сразу же поднял бы себя до поста реальной и существенной власти, а также, в то же время, обеспечил бы себе безопасность. Он решил предложить этот план Мессалине.

Он предлагает свой план Мессалине.

Соответственно, при первой же благоприятной возможности он обратился по этому поводу к императрице и осторожно изложил свой замысел. "Я хочу, чтобы ты была всецело моей, - сказал он, - и хотя император стареет, мы не можем спокойно ждать его смерти. Фактически, мы постоянно подвергаемся опасности. Мы зашли слишком далеко, чтобы быть в безопасности там, где мы есть, и, предприняв оставшиеся шаги, необходимые для полного достижения наших целей, мы лишь завершим то, что начали, и, поступая таким образом, не навлекая на себя никаких новых наказаний, мы воспользуемся единственным эффективным методом защиты от опасностей, которые нависают над нами и угрожают нам сейчас. Поэтому давайте придумаем какие-нибудь средства убрать императора с нашего пути. Затем я буду провозглашен императором вместо него и женюсь на вас. Сила, которой вы сейчас пользуетесь, затем вернется к вам снова, в неизменном виде, и при таких обстоятельствах, которые сделают ее для вас постоянной. Осуществить это будет очень легко; ибо император, каким бы престарелым, немощным и глупым он ни был, не сможет защитить себя от любой хорошо спланированной и энергичной попытки, которую мы можем предпринять, чтобы сместить его; хотя, если мы останемся такими, какие мы есть, и любая случайная причина пробудит его от летаргии, мы можем ожидать, что он будет мстителем и разъярен против нас до последней степени".

Ответ Мессалины.

Ее мотивы.

Ее предложение.

Мессалина выслушала это предложение с большим вниманием и интересом, но в том, что касалось предполагаемого убийства императора, она, казалось, не была склонна соглашаться на него. Ее историк говорит, что на это решение повлияли не какие-либо оставшиеся чувства супружеской привязанности или какие-либо принципы совести, а ее недоверие к Силиусу и нежелание полностью отдавать себя в его власть. Она предпочитала держать его зависимым от себя, а не ставить себя в зависимость от него. Однако ей нравился план выйти за него замуж, сказала она, и она согласилась бы на это, даже пока император был жив. И поэтому, если Силий согласится на это, она добавила, что готова провести церемонию в следующий раз, когда император отправится в Остию.

Дерзость Мессалины в этом предложении.

То, что жена и мать, какими бы беспринципными и продажными они ни были, при таких обстоятельствах делают Мессалине подобное предложение, безусловно, очень необычно; и тем, кто не знает, до каких крайностей безрассудства и безрассудной страсти доводили свою злобу и преступления безответственные деспоты, которые время от времени появлялись, чтобы править человечеством., Это должно показаться совершенно невероятным. Римский историк, записавший это повествование, уверяет нас, что именно дерзость этого преступления составляла его очарование в глазах Мессалины. Она устала от всех обычных форм преступного потворства своим желаниям и удовольствиям и пресытилась ими. Работа по обману и навязыванию своего мужа, чтобы обеспечить себе удовлетворение, которого она добивалась, была на некоторое время достаточной, чтобы придать пикантность ее удовольствиям. Но его было так легко обмануть, а она так долго привыкала обманывать его, что теперь у нее больше не было никакого стимула или возбуждения делать это каким-либо обычным способом. Но мысль о том, что она действительно замужем за другим мужчиной в его отсутствие, недалеко от города, была бы чем-то поразительным и новым, что изменило бы, подумала она, унылое однообразие обычного греховного пути.

Празднуется фиктивный брак.

Предполагаемый брак был окончательно заключен, и имитационная церемония, поскольку такая церемония, конечно, не могла иметь юридической силы, была должным образом проведена в то время, когда Клавдий отсутствовал в Остии, инспектируя ведущиеся там работы. Насколько мнимый брак был открытым и публичным на самом деле, не совсем точно известно; но историки говорят, что он был проведен со всеми обычными церемониями и на нем присутствовали обычные свидетели. Богослужение совершал *авгур*, своего рода священнослужитель, на которого возлагалась обязанность надлежащего проведения подобных церемоний. Мессалина и Силий, каждый в свою очередь, повторили слова, относящиеся соответственно к жениху и невесте. Затем было принесено обычное жертвоприношение богам, и последовал свадебный пир, на котором новобрачные обменивались обычными в таких случаях ласками и нежностями. Одним словом, все было проведено от начала до конца, как на

настоящей и честной свадьбе, и независимо от того, разыгрывалась ли разыгранная таким образом сцена публично как серьезная сделка или на каком-то частном мероприятии как вид спорта, это произвело сильную сенсацию среди всех, кто был свидетелем этого, и новость об этом вскоре распространилась за границей и стала широко известной.

Возмущение друзей императора.

Самые близкие друзья Клавдия были очень возмущены таким поступком. Они совещались вместе, высказывая друг другу множество ворчаний и жалоб и предвидя наихудшие результаты и последствия того, что произошло. Силий, по их словам, был честолюбивым и опасным человеком, и дерзкий поступок, который он совершил, был, по их мнению, прелюдией к какому-то глубокому скрытому замыслу. Они опасались за безопасность Клавдия, а так как они очень хорошо знали, что падение императора приведет к разорению и их самих, то, естественно, были сильно встревожены. Однако им было очень трудно решить, что делать.

Если бы они сообщили императору о действиях Мессалины, то сочли совершенно неясным, какой эффект это сообщение произвело бы на него. Как почти все слабоумные люди, он был импульсивен и капризен до крайности; и было совершенно невозможно предвидеть, примет ли он сообщение, сделанное ему, с безразличием и беззаботностью, или, в случае, если его гнев будет возбужден, выльется ли он на Мессалину или на тех, кто донес на него против нее, или на тех, кто донес на него.

Возник заговор с целью уничтожения Мессалины.

Наконец, после различных консультаций и дебатов, небольшое число придворных, наиболее непреклонных в своем отвращении к Мессалине и ее обычаям, объединились и определились с процедурой, с помощью которой они надеялись, если возможно, добиться ее уничтожения. Лидером этого отряда был Каллист, один из приближенных Клавдия. Он был одним из тех, кто вместе с Хереей участвовал в убийстве Калигулы. Другим был Нарцисс. Это был тот самый Нарцисс, который упоминается в предыдущей главе как искусный организатор вместе с Мессалиной смерти Силана. Третьего заговорщика звали Паллас. Он был близким другом и любимцем Клавдия и, как и все остальные, очень ревниво относился к влиянию, которое Силий через Мессалину оказывал на своего господина. Это были главные сообщники, хотя к ним присоединились и другие.

Планы и договоренности заговорщиков.

Главным объектом враждебности этих людей, по-видимому, был Силий, а не Мессалина. На самом деле, это, естественно, предполагалось бы так, поскольку их соперником был Силий, а не Мессалина. Некоторые из них, по-видимому, ненавидели Мессалину из-за нее самой, но у других, по-видимому, не было желания причинять вред императрице, если можно было найти какой-либо другой способ связаться с Силием. Фактически, в ходе состоявшихся консультаций был предложен один план, который состоял в том, чтобы отправиться к Мессалине и, не выказывая никаких чувств недоброжелательности или враждебности по отношению к ней, попытаться убедить ее разорвать связь со своим фаворитом. Однако вскоре этот план был отклонен. Заговорщики думали, что было бы крайне маловероятно, чтобы Мессалина прислушалась к какому-либо подобному предложению, и в случае ее отклонения, если бы оно было сделано, ее гнев сильно возгорелся бы против них за то, что они это сделали; и тогда, даже если бы она не пыталась отомстить им за их самонадеянность, она, во всяком случае,

эффективно защитила бы себя от всего остального, что они попытались бы сделать. Таким образом, план разлучения Мессалины и Силия был отвергнут, и было решено принять меры для уничтожения их обоих вместе.

Их колебания.

Кальпурния.

Мотивы, адресованные ей.

Курс, которого решили придерживаться союзники для достижения своей цели, состоял в том, чтобы отправиться в Остию, где все еще оставался Клавдий, и там сообщить ему о том, что сделали Мессалина и Силий, и попытаться убедить его, что это дерзкое поведение с их стороны было лишь прелюдией к открытому насилию над жизнью императора. Однако, по-видимому, никто из них не был вполне готов взять на себя обязанность сделать подобное сообщение, в первую очередь, такому человеку. Они не знали, как он воспримет это и на кого обрушится первая тяжесть его негодования и ярости. Наконец, после долгих колебаний и споров, они пришли к выводу нанять для этой цели некую женщину — куртизанку по имени Кальпурния. Кальпурния была любимицей и компаньонкой Клавдия, и поэтому они подумали, что у нее, возможно, появится возможность поговорить с ним на эту тему при таких обстоятельствах, чтобы уменьшить опасность. Во всяком случае, Кальпурния легко поддавалась на те уговоры, которые ей предлагали заговорщики, и взяла на себя это поручение. Они не только обещали ей соответствующее вознаграждение, но и взывали к ревности и ненависти, которой такая женщина, естественно, испытывала к Мессалине, которая, будучи женой, в то время как Кальпурния была всего лишь компаньонкой и фавориткой, конечно же, считалась соперницей и врагом. Они показали Кальпурнии, насколько полностью изменилось бы к лучшему ее положение, если бы Мессалину можно было когда-нибудь убрать с дороги. Тогда, по их словам, никто не будет ей мешать; но ее влияние и господство над разумом императора будут установлены на постоянной и долговременной основе.

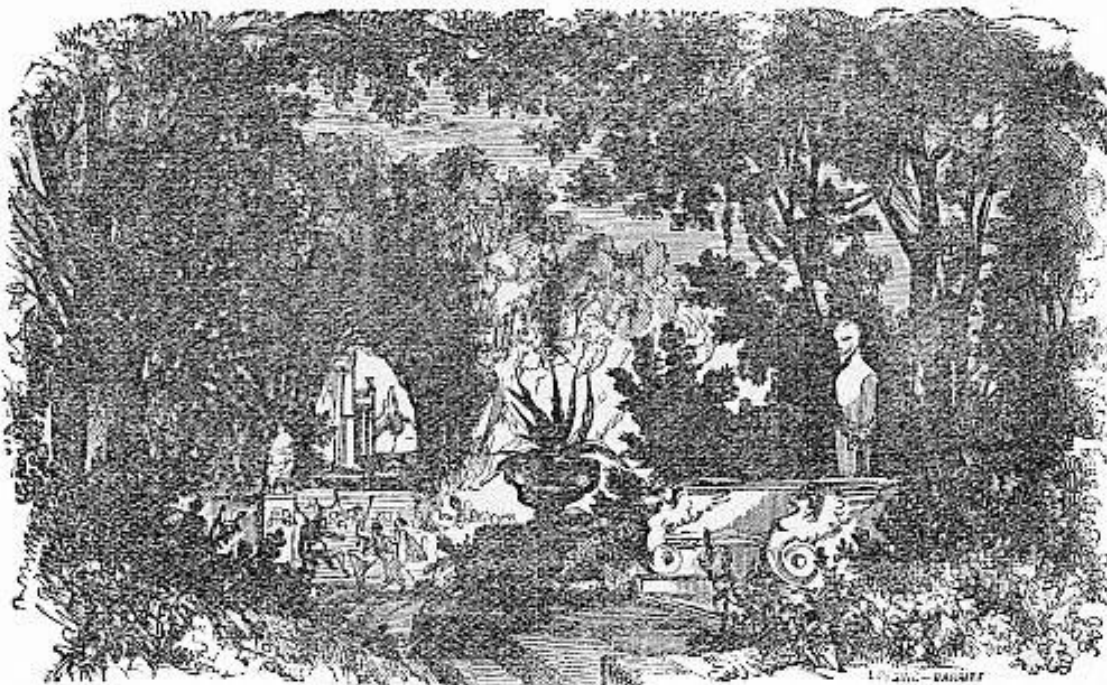
Кальпурния и Клеопатра приступают к выполнению своей задачи.

Эти побуждения очень легко побудили Кальпурнию взяться за это поручение. Была еще одна куртизанка по имени Клеопатра, которая, как было условлено, должна была быть под рукой, когда Кальпурния сделает свое сообщение, чтобы подтвердить правдивость его, если потребуется какое-либо подтверждение. Другие заговорщики также должны были находиться поблизости, готовые быть вызванными и действовать в зависимости от обстоятельств, на случай, если Кальпурния и Клеопатра сочтут, что их заявление произвело должное впечатление. Когда все было устроено таким образом, группа отправилась в Остию, чтобы привести свои планы в исполнение.

Праздник Мессалины в дворцовых садах.

Тем временем Мессалина и Силий, совершенно не подозревая об опасности, со все большей смелостью и безразличием предавались своим преступным удовольствиям. В тот день, когда Каллист со своей свитой отправился в Остию, она праздновала праздник в своем дворце с большим весельем и пышностью. Это было осенью того же года, и фестиваль проводился в честь сезона. В странах Средиземноморья сбор винограда и выжимание сока для производства вина являются главной темой осенних празднеств; и Мессалина устроила праздник в

соответствии с обычаями в садах дворца. Был установлен винный пресс, в который собирали и приносили виноград. Гости, приглашенные Мессалиной, собрались вокруг; некоторые танцевали у винного пресса, некоторые прогуливались по аллеям, а некоторые сидели в соседних беседках. Они были одеты в маскарадные костюмы, а их головы были украшены гирляндами цветов. Там была группа танцовщиц, которые по этому случаю были привлечены в качестве исполнительниц, чтобы потанцевать для развлечения компании в честь Бахуса, бога вина. Эти девушки были одеты, насколько они вообще были одеты, в одежды из тигриных шкур, а их головы были увенчаны цветами. Сама Мессалина, однако, была самым заметным объектом среди веселой толпы. Она была одета таким образом, чтобы наиболее полно продемонстрировать изящество своей особы; ее длинные волосы свободно развевались на ветру. В руке у нее был символ, или жетон, называемый *тирсом*, который представлял собой украшенный посох или жердь, увенчанную резным изображением виноградной грозди и другими украшениями и эмблемами. Тирс всегда использовался в обрядах и празднествах, устраиваемых в честь Вакха. Сам Силий, одетый, как и все остальные, в фантастический театральный костюм, танцевал рядом с Мессалиной, в центре образовавшегося вокруг них кольца танцующих девушек.

Мессалина в саду.

Беседа Кальпурнии с Клавдием в Остии.

Тем временем, пока эта веселая компания развлекалась в дворцовых садах Рима, в Остии разыгрывалась совсем иная сцена. Кальпурния во время своей тайной беседы с Клавдием, уловив момент, который показался ей благоприятным для ее цели, преклонила перед ним колени и сделала сообщение, в котором ее обвиняли. Она рассказала ему о поведении Мессалины и, в частности, сообщила, что та, наконец, увенчала бесчестьем своего мужа, открыто выйдя замуж за Силия или, по крайней мере, сделав вид, что сделала это. "Ваши друзья считают, - добавила она, - что она и Силиус вынашивают еще более преступные замыслы и что

ваша жизнь будет принесена в жертву, если вы немедленно не примете энергичных и решительных мер для предотвращения опасности".

Клавдий чрезвычайно напуган.

Клавдий был очень поражен и в то же время чрезвычайно напуган этим сообщением. Он задрожал и побледнел, затем выглядел диким и взволнованным и начал задавать вопросы в бессвязной и рассеянной манере. Кальпурния позвала Клеопатру, чтобы подтвердить свой рассказ. Клеопатра, конечно, подтвердила это самым полным и безоговорочным образом. Эффект, который был произведен на ум императора, казалось, был именно таким, какого желали заговорщики. Он не выказывал ни малейшего желания оправдывать или защищать Мессалину, или сердиться на Кальпурнию и Клеопатру за то, что они выдвинули против нее такие обвинения. Его разум, казалось, был полностью поглощен осознанием опасности своего положения, и, соответственно, за Нарциссом послали, чтобы он вошел.

Заявление Нарцисса.

Нарцисс, когда к нему обратились, признал, хотя и с хорошо притворной неохотой и колебаниями, истинность того, что заявила Кальпурния, и он немедленно начал извиняться за свою собственную оплошность, не сообщив об этом деле раньше. Он с большой сдержанностью отзывался о Мессалине, а также о Силии, как будто его целью было умиротворить, а не разжигать гнев императора. Однако он признал, по его словам, что было абсолютно необходимо предпринять что-то решительное. "У тебя отняли жену, - сказал он, - и Силий является ее хозяином. Следующим шагом будет то, что он станет хозяином республики. Возможно, он даже уже перетянул преторианскую гвардию на свою сторону, и в этом случае все потеряно. Абсолютно необходимо предпринять какие-то немедленные и решительные действия".

Созван совет.

Меры, принятые Клавдием и заговорщиками.

Клавдий, сильно встревоженный, немедленно созвал всех своих видных советников и друзей, которые были под рукой в Остии, чтобы посоветоваться о том, что делать. Конечно, в основном на этом совете присутствовали сами заговорщики. Они столпились вокруг императора и убеждали его немедленно принять самые решительные меры, чтобы спастись от надвигающейся опасности, и им так хорошо удалось воздействовать на его страхи, что он стоял перед ними в тупомизумлении, совершенно неспособный решить, что сказать или сделать. Заговорщики настаивали на необходимости сначала обеспечить охрану императора. Этим корпусом командовал офицер по имени Гета, на которого, по словам Нарцисса, нельзя было полагаться, и он умолял Клавдия немедленно уполномочить его, Нарцисса, принять командование. Целью сообщников, желавших таким образом получить командование гвардией, было, возможно, убедиться в быстром приведении в исполнение любого приговора, который им удастся вынудить императора вынести Силию или Мессалине, прежде чем у него появится возможность передумать. Император переходил от одного советника к другому, выслушивая их различные предложения и планы, но он казался сбитым с толку и нерешительным, как будто не знал, что делать. Однако в конце концов было решено немедленно отправиться в Рим. Соответственно, вся компания села в свои экипажи, а Нарцисс

занял свое место рядом с императором в императорской колеснице, чтобы по дороге поддерживать волнение в душе своего господина своим разговором.

Мессалина получает предупреждение.

Сцена в саду.

Тем временем среди тех, кто был свидетелем этих событий в Остии, нашлись те, кто был склонен принять сторону Мессалины и Силия в надвигающейся борьбе; и они немедленно отправили специального гонца в Рим, чтобы предупредить императрицу о надвигающейся опасности. Этот гонец мчался по берегам Тибра со всей возможной скоростью, опережая отряд императора. По прибытии в город он немедленно отправился в дворцовые сады и сообщил о своем поручении Мессалине и ее сопровождающим в разгар празднества. По его словам, Клавдию донесли на нее и Силия, и он был почти вне себя от негодования и гнева. Гонец добавил, что он уже на пути в Рим, чтобы отомстить им, и предупредил их, чтобы они спасались бегством, спасая свои жизни. Это сообщение было сделано, конечно, в первую очередь, несколько конфиденциально для принципиально заинтересованных сторон. Это, однако, внезапно положило конец всему веселью, и новость быстро распространилась по садам. Один мужчина забрался на дерево и посмотрел в сторону Остии. Остальные спросили его, что он видел. "Я вижу сильную бурю, поднимающуюся с моря в Остии, - сказал он, - и приближающуюся сюда, и нам пора спасаться". Одним словом, вакхические игры и спортивные состязания вскоре были в замешательстве прекращены, и компания сбежала со сцены, каждый своим путем.

Силий уходит.

Тревога Мессалины.

Образ действий Мессалины.

Двое ее детей.

Силий немедленно надел свою обычную одежду и вышел в город, где, напустив на себя вид безразличия и беззаботности, прогуливался по форуму, как будто ничего необычного не произошло. Сама Мессалина убежала в дом своего друга по имени Лукулл и, сразу же пройдя через дом, стала искать укромное местечко в садах. Здесь ее разум начал захлестывать тоска, раскаяние и ужас. Ее грехи, теперь, когда, казалось, надвигалось ужасное возмездие за них, предстали перед ней во всей своей чудовищности, и она не знала, что делать. Вскоре она сообразила, что там, где она находилась, для нее не могло быть постоянной безопасности, поскольку передовые отряды Клавдия, которые уже тогда входили в город и начинали свои аресты, наверняка скоро обнаружат место ее отступления и приведут ее к разгневанному мужу. Она пришла к выводу, что вместо того, чтобы ждать этого, для нее было бы лучше самой добровольно предстать перед ним и, отдавшись на его милость, попытаться смягчить и умиротворить его. Соответственно, она, отвлекшись, решила следовать этим курсом. Она вышла из своего укрытия в садах Лукулла и отправилась на поиски своих детей, намереваясь взять их с собой, чтобы один из них тронул сердце их отца. Ее детей было двое. Октавия, о которой уже упоминалось, была старшей, ей сейчас было около десяти или двенадцати лет. Другой был мальчиком на несколько лет моложе; его звали Британик.

Она отправляется на встречу с императором.

Тем временем в городе царило настоящее смятение из-за приближения Клавдия и быстро распространившейся по улицам вести о случившемся. Солдаты, которых Клавдий послал вперед, производили аресты на улицах и обыскивали дома. В разгар этого волнения Мессалина со своими детьми в сопровождении одной из девственниц-весталок по имени Вибидия, которую она уговорила сопровождать ее и отстаивать ее правоту, вышла пешком из своего дворца и проследовала по улицам с растрепанными волосами, в беспорядке одетая, и весь ее вид был отмечен всеми признаками унижения и скорби. Добравшись до городских ворот, она села в обычную повозку, которую нашла там, и в таком виде отправилась навстречу своему разгневанному мужу, оставив своих детей с весталкой Вибидией следовать за ней.

Ее мольбы.

Клавдий ее не услышит.

Вибидия отвергнута.

Она прошла не очень далеко, прежде чем встретила приближающийся императорский поезд. Как только она подошла достаточно близко к карете Клавдия, чтобы ее можно было услышать, она начала громко умолять мужа выслушать ее, прежде чем он осудит ее. "Выслушай свою несчастную жену, - сказала она, - выслушай мать Британика и Октавии". Нарцисс и другие, кто был рядом, вмешались, чтобы ее не услышали. Они постоянно беседовали с императором и представили ему для прочтения письменный меморандум и другие документы, в которых, по их словам, содержался полный отчет обо всей сделке. Клавдий, почти не обращая внимания на свою жену, продолжал свой путь в сторону города. Она последовала за ним в его свите. Когда они приблизились к воротам, то встретили Вибидию с детьми. Вибидия попыталась заговорить, но Клавдий не слушал. Она скорбным тоном пожаловалась, что с его стороны было бы несправедливо и жестоко не услышанно осуждать свою жену, но Клавдий был непоколебим. Он сказал Вибидии, что у Мессалины в свое время будет подходящая возможность выступить в свою защиту, и что в настоящее время надлежащий долг девственной весталки состоит в том, чтобы ограничиться функциями своего священного сана. Таким образом, он отослал и ее, и детей прочь.

Казни.

Как только отряд прибыл в город, Нарцисс проводил императора в дом Силия и, войдя в него, показал императору множество доказательств преступного фаворитизма, которым хозяин пользовался по отношению к Мессалине. Дом был наполнен ценными подарками, знаками любви Мессалины, многие из которых состояли из дорогих домашних сокровищ, перешедших к Клавдию по императорской линии, и которые были такого характера, что отчуждение их Мессалиной таким образом было рассчитано на то, чтобы наполнить сердце Клавдия негодованием и злостью. Затем император проследовал в лагерь. Силий и несколько его ведущих друзей были арестованы и предстали перед чем-то вроде военного трибунала, созванного на месте для их суда. Судебный процесс был, конечно, очень кратким. Все они были приговорены к смертной казни и выведены на немедленную казнь.

Клавдий за ужином.

Письмо Мессалины.

Клавдий смягчается.

После этого император вернулся со своими друзьями в город и направился в свой дворец. Казалось, он почувствовал огромное облегчение. Он чувствовал, что кризис опасности миновал. Он приказал приготовить ужин, и когда он был готов, он сел за стол. Он поздравил себя и своих друзей с избавлением от окружавших их опасностей, которое они так счастливо совершили. Нарцисс и остальные начали дрожать, опасаясь, что Мессалину все-таки пощадят; и они прекрасно понимали, что, если ей позволят жить, она вскоре, благодаря своему искусному управлению, вернет себе власть над разумом императора, и что в этом случае она не даст себе покоя, пока не уничтожит всех, кто принимал какое-либо участие в уничтожении Силия. Поэтому они начали сильно беспокоиться за свою собственную безопасность. Тем временем пришли послания от Мессалины, которая, когда император вошел в город, вернулась в своепрежнее убежище в садах Лукулла. Наконец пришло письмо, или памятная записка. Прочитав написанное, оказалось, что Мессалина взяла более смелый тон. Ее письмо было скорее протестом, чем мольбой, как будто она намеревалась испытать эффект храбрости и уверенности и посмотреть, не сможет ли она открыто восстановить власть и контроль, которые она долгое время осуществляла над разумом своего мужа. Клавдий, казалось, был склонен колебаться. Его гнев, казалось, утихал вместе со страхами, а вино, которое он обильно пил за столом, казалось, вступило в сговор с другими обстоятельствами, чтобы вернуть ему обычное хорошее настроение. Он приказал, чтобы в ответ на письмо Мессалины отправили гонца и сообщили ей, что на следующий день ее должны принять, чтобы она могла увидеться с ним и выступить в свою защиту.

Тревога Нарцисса.

Нарцисс приказывает убить Мессалину.

Нарцисс и его сообщники были сильно встревожены и немедленно решили, что этого не должно быть. Нарцисс был назначен, по-видимому, в соответствии с желанием заговорщиков с самого начала, командующим гвардией; и, соответственно, он имел право помешать осуществлению решения императора, при условии, что оно смелится взять на себя ответственность за действия. Это был момент большой тревоги и неизвестности. Вскоре, однако, он пришел к твердому выводу, что, хотя для него было бы очень опасно действовать, все же бездействие означало бы верную гибель; поскольку, если бы Мессалине позволили жить, было бы абсолютно очевидно, что все они должны умереть. Поэтому, собрав всю свою решимость, он поспешил покинуть банкетный зал и от имени императора приказал дежурившим там офицерам проследовать в сады Лукулла и без промедления привести в исполнение смертный приговор Мессалине.

Беседа Мессалины с ее матерью в саду.

Мессалина была со своей матерью Лепидой в садах, ожидая ответа от императора, когда появился отряд солдат. Мессалина и ее мать так и не пришли к согласию и теперь долгое время не общались друг с другом. Однако опасность, грозившая дочери, вновь пробудила инстинкт материнской любви в сердце матери, и Лепида пришла навестить свое дитя в этот час ее крайности. Однако она приехала не для того, чтобы утешить свою дочь или помочь ей в ее попытках спасти свою жизнь, а для того, чтобы предоставить ей средства положить наконец собственному существованию как единственному оставшемуся у нее способу спастись от еще большего позора публичной казни.

Поэтому она предложила Мессалине кинжал в саду и убедила ее взять его. "Смерть от твоей собственной руки, - сказала она, - теперь твое единственное спасение. Вы *должны умереть*; невозможно, чтобы эта трагедия имела какое-либо другое завершение; и спокойно ждать здесь удара палача - это низко и неблагородно. Вы *должны умереть*; и все, что вам теперь остается, — это сила завершить сцену с достоинством и подобающим настроением".

Мессалина проявила величайшее волнение и огорчение, но не смогла собраться с духом, чтобы получить кинжал. В разгар этой сцены в саду появился отряд солдат. Мать протянула дочери кинжал, сказав: "Сейчас самое время". Мессалина взяла оружие и приставила его к своей груди, но ей не хватило твердости, чтобы нанести удар. Офицер приблизился к ней во главе своих людей с обнаженным мечом в руке. Мессалина, все еще пребывая в нерешительности, предприняла слабую и безрезультатную попытку нанести себе рану, но не смогла нанести ее; и тогда офицер, который к этому времени подошел к тому месту, где она стояла, положил конец ее ужасной душевной борьбе, зарубив ее одним ударом.

Безразличие Клавдия к судьбе Мессалины.

Когда Нарциссу сообщили, что его приказы были выполнены, он снова предстал перед Клавдием и просто доложил ему, что Мессалины больше нет. Он не дал никаких объяснений, да император и не просил их; но продолжал ужинать, как ни в чем не бывало, и никогда впоследствии не проявлял никакого любопытства или заинтересованности в отношении судьбы Мессалины.

Клавдий женится на Агриппине.

Как только ажиотаж, вызванный этими сделками, в какой-то степени улегся, были начаты различные планы и интриги по обеспечению императора другой женой. Было много претендентов на это положение, и все они стремились занять его; ибо, хотя Клавдий был стар, слабоумен и уродлив, все же он был императором; и все те придворные дамы, которые думали, что у них есть хоть какая-то надежда на успех, стремились к обладанию его рукой, как к вершине земных честолюбий. Среди остальных появилась Агриппина. Она была племянницей Клавдия. Эти отношения были в одном отношении препятствием для ее успеха, поскольку законы запрещали брак с такой степенью кровного родства. Однако в другом отношении эти отношения были в значительной степени на руку Агриппине, поскольку под предлогом этого она имела постоянный доступ к императору и была чрезвычайно усердна в проявлении к нему внимания. В конце концов ей удалось внушить ему некоторое чувство любви, и он решил сделать ее своей женой. Сенат был легко вынужден изменить законы, чтобы дать ему возможность сделать это, и Клавдий и Агриппина поженились.

Усыновление ее сына.

Таким образом, Клавдий не только сделал мать нашего героя своей женой, но и усыновил ее сына как своего сына и наследника, изменив при этом имя мальчика. Вместо его прежнего плебейского имени Агенобарб, он дал ему теперь внушительный титул Нерона Клавдия Цезаря Друза Германика. Однако с тех пор он обычно известен в истории под простым прозвищем Нерон.

Глава V.

Детство Нерона.

39-53 гг. н. э.

Ранняя история Нерона.

Характер его отца.

Жестокий характер Меднобородого.

В то время, когда Агриппина переживала странные и богатые событиями перипетии своей истории, описанные в предыдущих главах, сам юный Нерон, как мы отныне будем называть его, рос активным и умным, но избалованным и неуправляемым мальчиком. Его собственный отец умер, когда ему было около трех лет. Это, однако, вероятно, было преимуществом, а не потерей для мальчика, поскольку Меднобородый был чрезвычайно грубым, жестоким и беспринципным человеком. Однажды он убил одного из своих рабов за то, что тот пил не так много, как он приказал. Проезжая однажды в своей колеснице по деревне, он беспричинно и намеренно наехал на мальчика и убил его на месте. Он обманывал всех, кто имел с ним дело, и неоднократно подвергался судебному преследованию за самые тяжкие преступления. Он обращался со своей женой с большой жестокостью. Как уже было сказано, он воспринял известие о рождении своего сына с насмешкой, сказав, что от него и Агриппины не может исходить ничего, кроме отвратительного; и когда они спросили его, какое имя им следует дать ребенку, он порекомендовал им назвать его Клавдием. Это было сказано с презрением, ибо Клавдия в то время все презирали как уродливого и тупого идиота, хотя впоследствии он был сделан императором способом, который уже был объяснен. Проявление такого духа в такое время со стороны ее мужа чрезвычайно огорчило Агриппину, но чем больше это огорчало ее, тем больше Меднобородый радовался и забавлялся. Смерть такого отца, конечно, не могла быть катастрофой.

Неро пренебрег.

Когда Агриппина, мать Нерона, была изгнана из Рима по приказу Калигулы, сам Нерон не сопровождал ее, а остался под присмотром своей тети Лепиды, с которой он некоторое время жил в сравнительном забвении и безвестности. Хотя он принадлежал к одной из самых аристократических семей Рима, его мать была потомком и наследницей цезарей, он провел несколько лет в бедности и позоре. Его образованием пренебрегли, так как в то время он не получал никаких инструкций, кроме как от учителя танцев и парикмахера, которые были его единственными наставниками. Конечно, формированием его морального облика совершенно пренебрегали, и, фактически, учитывая характер тех, кто его окружал, было бы невозможно оказать на него какое-либо благоприятное влияние, если бы такая попытка была предпринята.

Нерон вновь появляется при дворе.

Британик.

Наконец, когда Калигула умер и Агриппина была отозвана Клавдием из изгнания и восстановлена на своем прежнем посту в Риме, Нерон вышел из своей безвестности и с тех пор жил со своей матерью в роскоши и великолепии в столице. Нерон был красивым мальчиком, и

вскоре он стал объектом большой народной благосклонности и уважения. Он часто появлялся на публике на увеселениях и торжествах, и когда он делал это, на него всегда обращали особое внимание и ласкали. Его спутником и в некотором отношении соперником в такие времена был Британик, сын Клавдия и Мессалины. Британик был на два или три года моложе Нерона, и то, что он был сыном императора, конечно, было очень заметным объектом внимания, когда бы он ни появлялся. Но ранг Нерона был едва ли менее высок, поскольку его мать происходила непосредственно из императорской семьи, в то время как по возрасту, внешности и осанке он превосходил своего двоюродного брата.

Светские игры, или игры столетия.

Историки тех дней особо отмечают один случай, когда юный Нерон был удостоен необычайной степени общественного внимания. Это было по случаю празднования того, что можно было бы назвать столетними играми. Обычно предполагалось, что эти игры отмечались при каждом повторении определенного астрономического периода продолжительностью около ста лет, называемого эпохой; но на самом деле они наблюдались с нерегулярными, хотя и очень отдаленными интервалами. Клавдий учредил их празднование в начале своего правления. В царствование Августа, незадолго до этого, их праздновали, но Клавдий, желая ознаменовать свое правление каким-нибудь большим развлечением и показухой, притворился, что Август ошибся в расчетах и заметил праздник не в то время; и соответственно он распорядился, чтобы празднование состоялось снова.

Способ их празднования.

Нерон и Британик.

Игры и представления, связанные с этим фестивалем, продолжались три дня подряд. Они состояли из жертвоприношений и других религиозных обрядов, драматических зрелищ, спортивных игр, военных и гладиаторских шоу. В ходе этих развлечений в один из дней праздновалось то, что называлось троянскими играми, в ходе которых молодые мальчики из знатных семей появлялись верхом на лошадях в цирке или на арене, где они выполняли определенные эволюции и подвиги верховой езды, а также инсценировали конфликты среди десятков тысяч зрителей, столпившихся на скамейках вокруг. Конечно, Британик и Нерон были самыми выдающимися мальчиками на этом мероприятии. Однако, по мнению населения, пальму первенства удержал Нерон. Все собрание встретило его самыми громкими возгласами, в то время как Британик привлекал гораздо меньше внимания. Этот триумф наполнил сердце Агриппины гордостью и удовольствием, в то время как Мессалине он причинил величайшую досаду и огорчение. Это сделало Агриппину более чем когда-либо прежде объектом ненависти и враждебности Мессалины, и императрица, весьма вероятно, вскоре нашла бы какой-нибудь способ уничтожить свою соперницу, если бы вскоре после этого она сама не оказалась втянутой в трудности, возникшие из-за ее связи с Силием, которые так скоро привели к ее собственному уничтожению.

Нерон зааплодировал.

История о змеях.

Однако народ был преисполнен восхищения Нероном и аплодировал его выступлению с величайшим энтузиазмом. Какое-то время он был предметом разговоров во всех кругах города, и о его истории и деяниях рассказывали множество историй. Среди других вещей, которые были

рассказаны о нем, была распространена история о том, что Мессалина так возбудилась против него в своей ревности и зависти, что послала двух убийц убить его во сне; и что убийцы, придя к нему в сад, где он спал на подушке, как раз приводили в исполнение свои жестокие приказы, когда их прогнала змея, которая чудесным образом появилась в тот момент, чтобы защитить ребенка, и бросилась на убийц из—под подушки. Другие говорили, что это произошло в его младенчестве, и что там были две змеи вместо одной, и что они охраняли жизнь своего подопечного, лежащего вместе с ним в колыбели. Один из историков того времени утверждает, что ни одна из этих историй на самом деле не была правдой, но чтообе они возникли из того факта, что Нерон в детстве имел обыкновение носить браслет из змеиной кожи, маленький и красивого цвета, — и застегивался, как говорили, на запястье владельца золотой застежкой.

Возвышение Нерона после смерти Мессалины.

Обращение Агриппины с Британиком.

Каким бы ни был тот факт, что Мессалина позволила своей ревности к Агриппине завести ее так далеко, что она прямо покушалась на его жизнь, нет сомнений в том, что она жила в постоянном страхе перед влиянием как Нерона, так и его матери на умы императора; и, следовательно, Агриппина была вынуждена подвергаться многим унижениям, которые положение и власть Мессалины позволяли ей навязывать своим врагам и соперницам. В конце концов, однако, падение Мессалины и последовавшая за ним полная революция в положении и перспективах Агриппины полностью изменили положение Нерона. Правда, можно было ожидать, что даже после женитьбы Клавдия на Агриппине Британик по-прежнему сохранял бы за собой самое высокое положение в глазах императора, поскольку Британик был его собственным сыном, в то время как Нерон был всего лишь сыном его жены. Но Агриппина была достаточно хитра, чтобы управлять своим ленивым и глупым мужем так, как ей заблагорассудится; и вскоре она нашла способ сместить Британика и возвести Нерона вместо него на самое высокое место в иерархии и почете. Она убедила Клавдия усыновить Нерона как своего собственного сына, как было сказано в предыдущей главе. Она получила указ Сената, одобряющий и подтверждающий этот акт. Затем она удалила Британика от двора и заперла его в уединении, в детской, под предлогом нежной заботы о его здоровье и безопасности. Одним словом, она относилась к Британику во всех отношениях как к маленькому ребенку и держала его полностью на заднем плане; в то время как своего собственного сына, хотя он был ненамного старше другой, она воспитывала очень выдающимся молодым человеком.

Нерон надевает тогу.

В те древние времена, как и сейчас, существовала подходящая одежда для молодежи, которую меняли на мужскую, когда субъект достигал зрелости. Одежда, которая была наиболее отчетливо характерна для взрослого возраста у римлян, называлась тогой; и она надевалась римской молодежью не так, как сейчас одеваются молодые люди, частным и неформальным образом, в соответствии с удобством или фантазией отдельного человека, - но публично и с большой церемонией, и всегда в то время, когда группа вступала в период законного совершеннолетия; так что надевание тоги всегда отмечало очень важную эпоху в жизни. Это отличие Агриппина добилась того, чтобы Нерон был удостоен специального эдикта, когда ему было всего четырнадцать лет, что было гораздо раньше обычного. По случаю того, что таким образом он получил право одеваться и законные права взрослого человека, Агриппина особым образом представила его народу Рима на большом публичном торжестве, и чтобы более

эффективно привлечь внимание общественности к нему как к молодому принцу, занимающему самое высокое положение в императорской семье, она побудила Клавдия оказать щедрую помощь народу и пожертвовать армии, то есть публично раздать деньги гражданам и солдатам от имени Нерона.

Британик уединяется.

Все это время Британика держали взаперти в личных покоях дворца с няньками и детьми. Наставники и сопровождающие, которых предоставила ему Мессалина, его мать, были один за другим смещены, а их места заняли другие, которых Агриппина выбрала для этой цели и на которых она могла положиться в том, что они поддержат ее точку зрения. Когда те, кто знал Британика раньше, при жизни его матери, спросили его об отношении к нему, она ответила, что он был слабым ребенком, подверженным припадкам, и поэтому его по необходимости держали в изоляции от общества.

Обращение Агриппины с двумя мальчиками.

Иногда, действительно, на больших публичных мероприятиях и Нерон, и Британик появлялись вместе, но даже в этих случаях все было устроено так, чтобы сильнее, чем когда-либо, внушить общественному сознанию мысль об огромном превосходстве Нерона в отношении ранга и положения. В одном из таких случаев, когда Британика носили на руках, одетого в платье ребенка, в сопровождении свиты, характерной для детской, Нерон ехал верхом, богато облаченный в триумфальные одежды полководца, возвращающегося из заграничного похода.

Британик оскорбляет Нерона.

Гнев Агриппины.

Однажды Агриппина очень рассердилась на Британика по, казалось бы, пустяковой причине. Похоже, что Британик, хотя и был молод, был очень умным мальчиком, и что он прекрасно понимал политику, которую проводила по отношению к нему его мачеха, и очень не желал подчиняться такому вытеснению. Однажды, когда они с Нероном оба были за границей, посещая какое-то общественное представление или праздник, они встретились, и Нерон обратился к своему двоюродному брату, назвав его Британиком. Британик, отвечая на приветствие, фамильярно обратился к Нерону по имени Домиций; Домиций Агенобарб был его именем до того, как он был усыновлен Клавдием. Агриппина была очень возмущена, когда услышала об этом. Она расценила использование этого имени Британиком как обозначение, с его стороны, отказа признать своего двоюродного брата приемным сыном своего отца. Она немедленно отправилась к Клавдию с серьезными и гневными жалобами. "Ваш собственный эдикт, - сказала она, - санкционированный и подтвержденный сенатом, дезавуирован и аннулирован, а мой сын подвергнут публичному оскорблению дерзостью этого ребенка". Далее Агриппина объяснила Клавдию, что Британику никогда бы не пришло в голову обращаться к ее сыну подобным образом по собственной воле. Его поступок, должно быть, был вызван влиянием некоторых враждебно настроенных к ней людей из его окружения; и она воспользовалась случаем, чтобы побудить Клавдия дать ей полномочия убрать всех оставшихся наставников и управляющих ребенка, которых можно было заподозрить в дружеском интересе к его делу, и подвергнуть его новым и более строгим ограничениям, чем когда-либо.

Озеро Фучине.
План его осушения.
Канал.

Одним из самых впечатляющих зрелищ и празднеств, которые Клавдий устроил за время своего правления, было то, которое ознаменовало открытие канала, по которому осушалось озеро Фучине. Озеро Фучине было большим, но неглубоким водоемом у подножия Аппенин, недалеко от истоков Тибра.^[A] Он подвергался периодическим наводнениям, в результате которых окружающие земли были затоплены. Инженер предложил осушить озеро в обмен на получение за свою плату земель, которые будут осушены в результате этой операции. Но Клавдий, у которого, казалось, был неплохой вкус к подобным начинаниям, предпочел выполнить эту работу сам. Канал, по которому должна была отводиться вода, должен был быть образован частично глубокой выемкой, а частично туннелем в горе; и поскольку в те дни энергия, на которую теперь в основном полагались при проведении таких раскопок, а именно взрывная сила пороха, не была известна, любая обширная разработка в твердой породе требовала огромного труда. Когда канал был закончен, Клавдий решил устроить грандиозное празднование в ознаменование открытия его для спуска воды; и поскольку он не мог с уверенностью полагаться на гидравлический интерес к зрелищу для привлечения такого скопления людей в то место, которое он хотел там увидеть, он решил добавить к развлечениям зрелище, более соответствующее вкусу и привычкам того времени. Соответственно, он распорядился провести морское сражение на озере, для развлечения зрителей, как раз перед открытием канала, который должен был отводить воду. Таким образом, битва должна была стать заключительной сценой, в которой история и существование озера должны были прекратиться навсегда.

Грандиозное празднование открытия канала.
На озере состоится военно-морской конфликт.

Соответственно были построены корабли, и огромное количество людей было выделено для участия в битве. Эти люди состояли из каторжников и военнопленных — людей, которых в те дни считалось совершенно справедливым использовать для убийства друг друга на потеху императору и его гостям. По всему берегу было построено нечто вроде бастиона, и на нем были расставлены императорские гвардейцы, чтобы предотвратить бегство сражающихся и вернуть их к исполнению своих обязанностей, если кто-нибудь из них попытается, оказавшись под сильным давлением в битве, спастись бегством на сушу. Флот галер был разделен на две враждующие части, и люди на каждой были полностью вооружены, как в случае настоящей войны. В назначенное время сотни тысяч людей собрались со всей окрестной страны, чтобы посмотреть на это зрелище. Они выстроились вдоль берегов со всех сторон и венчали все соседние высоты. Состязание, конечно, могло вестись со всей яростью и фатальным эффектом настоящего сражения, вообще не подвергая опасности зрителей, поскольку в те дни не было летящих пуль или других быстрокрылых снарядов, подобных тем, которые в наше время уносят так далеко за пределы поля боя. Смертоносный эффект всего, что делалось в древнем бою, был, конечно, ограничен теми, кто непосредственно вступал в бой. Кроме того, ничто не могло помешать видению. Не было поднято дыма, который закрывал бы обзор, но атмосфера над сражающимися и вокруг них оставалась такой же чистой и прозрачной в конце боя, как и в начале.

Конец морского сражения.

Соответственно, римляне считали настоящую битву самым возвышенным и впечатляющим зрелищем, и сотни тысяч зрителей стекались посмотреть на то, что Клавдий устроил для них на озере Фучине. Сам он председательствовал, одетый в кольчугу; а Агриппина сидела рядом с ним, одетая в великолепное одеяние, которое, как утверждает историк, было соткано из золотых нитей без примеси какого-либо другого материала. Сигнал был подан, и битва началась. Как обычно в таких случаях, возникли некоторые трудности с тем, чтобы заставить мужчин вступить в бой, но в конце концов они стали достаточно свирепыми, чтобы удовлетворить всех зрителей, и тысячи были убиты. Наконец император отдал приказ прекратить сражение, и выжившим сообщили, что их жизни спасены.

Вода не будет течь.

В целом Клавдию повезло, что он не стал полностью полагаться на простой забор воды из озера для развлечения созданного им огромного собрания, поскольку, когда после окончания битвы канал был открыт, оказалось, что вода не течет. Инженеры допустили какую-то ошибку в своих измерениях или расчетах и оставили дно канала на каком-то участке егорусли слишком высоким, так что вода, когда были открыты шлюзы, вместо того, чтобы стекать в реку, к которой должен был вести канал, спокойно оставалась в озере, как и раньше.

Углубление канала.

Новые празднования.

Собрание разошлось, и работы на канале были возобновлены с целью его углубления. В течение года раскопки были завершены, и все было подготовлено к новому испытанию. Клавдий созвал новое собрание, чтобы понаблюдать за операцией, и на этот раз, вместо морского конфликта, он предусмотрел большое сражение гладиаторов, которое должно было состояться на огромных плавучих платформах, построенных на озере недалеко от выхода, сделанного инженерами. В конце концов, однако, вторая попытка заставить воду течь оказалась более неудачной, чем первая. Канал был сделан очень глубоким и широким, так что вода, будучи однажды приведена в движение, была склонна двигаться с предельной стремительностью и силой; и случилось так, что так или иначе средства, на которые инженер полагался для управления ею, оказались недостаточными, и когда ворота были открыты, все внезапно пошло наперекосяк. Вода хлынула ошеломляющим потоком, как при наводнении, — и подорвала и унесла платформы и подмости, которые были возведены для сидений зрителей. Последовала сцена неопишемого смятения. Император и императрица вместе с гостями и зрителями бросились бежать, и все они чудом избежали того, что их унесло в канал.

Влияние, под которым формировался характер Нерона.

Нетрудно представить, какой характер обязательно должен был сформироваться у мальчика, воспитанного под таким влиянием и окруженного такими сценами, какие царили при дворе Клавдия. В конце концов, это доказало, что Нерон в полной мере ощутил их воздействие. Он стал гордым, тщеславным, своевольным, жестоким и привык безудержно отдаваться всем тем порочным наклонностям и страстям, которые при подобных обстоятельствах всегда овладевают человеческой душой.

План Агриппины в отношении Октавии.

Следует помнить, что, помимо Британика, Мессалина оставила еще одного ребенка — дочь по имени Октавия, которая была на два или три года младше своего брата и, конечно, примерно на пять лет моложе Нерона. Агриппина не придерживалась того же курса на противодействие и враждебность по отношению к ней, которого она придерживалась по отношению к Британику. С самого начала она придерживалась совсем другого плана. Британик неизбежно был соперником Нерона; и каждый шаг вперед, который он должен был сделать, не мог действовать иначе, как препятствие на пути к успеху Нерона. Но Октавию, как считала Агриппина, можно было бы использовать для дальнейшего осуществления ее замыслов, если бы она была помолвлена и в свое время вышла замуж за ее сына.

Трагический конец Силана.

Преимущества такой схемы были совершенно очевидны, — настолько очевидны, что замысел был сформирован Агриппиной в самом начале, — еще до того, как ее собственный брак с императором был полностью заключен. На этом пути было одно серьезное препятствие, и оно заключалось в том, что Октавия уже была помолвлена с очень выдающимся молодым дворянином по имени Луций Силан. Агриппина, после того как с помощью различных искусных маневров ей удалось привлечь государственных чиновников, которые выступали бы в качестве судей по его делу, добилась того, что Силана обвинили в печально известных преступлениях. Историки говорят, что доказательства, которые были приведены против него, носили самый тривиальный характер. Тем не менее, он был осужден. Он, по-видимому, понял природу и причину внезапно возникшей по отношению к нему враждебности и сразу почувствовал всю безнадежность своего положения. Он покончил с собой в отчаянии в ту самую ночь, когда Клавдий женился на Агриппине.

Женитьба Нерона.

Впоследствии императрица не столкнулась с серьезными трудностями при осуществлении своего замысла. Она получила согласие императора на помолвку Нерона с Октавией, но поскольку они были еще слишком молоды, чтобы пожениться, церемония была отложена на короткое время. Наконец, примерно через пять лет после свадьбы самой Агриппины, Нерон и Октавия поженились. Нерону было в то время около шестнадцати лет. Его невесте, конечно, было всего одиннадцать.

Глава VI.

Нерон - император.

54 г. н. э.

Клавдий болен.

Радость Агриппины.

Примерно через год после женитьбы Нерона на Октавии император Клавдий внезапно заболел. Узнав об этом, Агриппина была очень взволнована и очень довольна. Если болезнь приведет к смерти императора, она думала, что ее сын немедленно унаследует его. Все уже давно было полностью подготовлено к такому результату, и теперь, как ей казалось, все было готово к переменам.

Ее планы.

Оценка, по которой держали Неро.

Это правда, что Нерон был еще очень молод, но тогда он был необычайно зрелым как умом, так и личностью для своих лет; и народ уже некоторое время привык смотреть на него как на мужчину. Среди других средств, к которым прибегла Агриппина, чтобы придать характеру своего сына видимость мужественности и зрелости, она выдвинула его на Римском форуме в качестве общественного защитника, и он несколько раз произносил там речи с большим успехом. Он был хорошо обучен тем наукам, которые были связаны с искусством ораторского искусства, и поскольку его личность и манеры были приятными, а выражение лица умным и располагающим, и особенно поскольку уверенность, которую он испытывал в своих силах, придавала ему вид большого самообладания, впечатление, которое он производил, было очень благоприятным. На самом деле люди были предрасположены радоваться усилиям молодого оратора, столь выдающегося по рангу и положению, и аплодировать ему — и способности, которые он проявил, хотя был так молод, были таковы, что, несомненно, в какой-то степени оправдывали почести, которые они ему оказывали.

Агриппина считает себя в опасности.

Поэтому Агриппина, полагая, что ее сын теперь достаточно продвинулся в общественном мнении, чтобы быть в какой-то степени уверенной в том, что он станет преемником императора, была готова в любой момент к смерти своего мужа. Поэтому его болезнь наполнила ее разум волнением и надеждой. Был и другой мотив, помимо ее честолюбивого желания продвинуть своего сына, который заставлял ее желать, чтобы Клавдий не жил. Вот уже несколько месяцев она была несколько озабочена собственной безопасностью. Ее влияние на Клавдия, которое поначалу было таким абсолютным, впоследствии сильно пошло на убыль, и через несколько месяцев она начала опасаться, что может полностью потерять его. На самом деле у нее были некоторые основания полагать, что Клавдий относился к ней со скрытой враждебностью и ненавистью и тайно строил планы по смещению ее и ее сына с высокого положения, до которого они сами дошли, и по возвращению своему собственному сыну должного положения на место Нерона. Агриппина тоже, в разгар своих честолюбивых проектов и замыслов, вела жизнь тайного порока и преступления, и, чувствуя себя виноватой и самоосужденной, каждое тривиальное указание на опасность возбуждало в ней страх. Кто-то сообщил ей, что однажды Клавдий, говоря о женщине, осужденной за преступление, сказал, что его несчастьем всегда было иметь распутных жен, но в конце концов он всегда наказывал их так, как они того заслуживали. Агриппина была сильно напугана этим сообщением. Она сочла это предупреждением о том, что Клавдий замышляет в отношении нее какие-то фатальные действия.

Причины ее страхов.

Клавдий и Британик.

Агриппина также заметила, как ей показалось, различные признаки того, что Клавдий начинал раскаиваться в том, что усыновил Нерона и таким образом сместил своего собственного сына с линии наследования; и что он тайно намеревался вернуть Британику его истинное положение. С каждым днем он обращался с мальчиком все с большим и большим вниманием, и однажды, побеседовав с ним и проявив необычный интерес к его здоровью и благополучию, он закончил словами: "Продолжай совершенствоваться, сын мой, и как можно быстрее становись мужчиной. В свое время я смогу дать хороший отчет обо всем, что я сделал в отношении вас. Доверьтесь мне, и вы увидите, что в конце концов все будет хорошо ". В другой раз он сказал Британику, что очень скоро тот должен подарить ему *тогу* и представить его перед народом как мужчину, "и тогда, наконец, — сказал он, - у римлян будет *настоящий*."

Правда, Агриппина не присутствовала при том, как все это было сказано и сделано, но ей было подробно доложено обо всем, и она была полна беспокойства и тревоги. Она начала бояться, что, если в ближайшее время не произойдет чего-то, что позволит ей реализовать свои надежды и чаяния, они, в конце концов, не приведут ни к чему-либо, кроме горького разочарования.

Она строит планы, как ускорить смерть своего мужа.

При таком положении вещей Агриппина была очень обрадована этой новостью, когда услышала, что ее муж болен. Она самым искренним образом надеялась, что он умрет, и немедленно начала обдумывать, что она могла бы сделать, чтобы обеспечить или ускорить такой результат. Она подумала о яде и начала обдумывать в уме вопрос, осмелится ли она его применить. Тогда, если бы она решила дать своему мужу яд, это был бы очень серьезный вопрос, какой яд ей следует использовать. Если бы она применила средство, которое было бы внезапным и жестоким по своему действию, эффект, который оно произвело бы, мог привлечь внимание, и ее преступление было бы раскрыто. С другой стороны, если бы она выбрала того, кто был бы более умеренным и постепенным по своей силе, чтобы вызвать медленную и затяжную смерть, у Клавдия было бы время привести в исполнение любые тайные замыслы, которые он мог бы вынашивать, чтобы отречься от Нерона как от своего сына и возложить престолонаследие на Британика; и Агриппина хорошо знала, что если Клавдий умрет, оставив все в таком состоянии, что Британик должен стать его преемником, то падение и разорение как ее самой, так и ее сына последуют немедленно и неизбежно.

Локуста.

Агриппина решает посоветоваться с ней.

В то время в Риме жила знаменитая мастерица искусства отравления по имени Локуста. Она находилась в тюрьме, будучи приговорена к смертной казни за свои преступления. Несмотря на то, что она была осуждена, ее удержали от казни благодаря влиянию Агриппины, благодаря мастерству, которым она обладала в своем искусстве и которым Агриппина считала возможным, что когда-нибудь ей представится случай воспользоваться. С этой Локустой она теперь решила посоветоваться. Соответственно, она отправилась к ней и спросила, не знает ли та какого-нибудь яда, который немедленно подействовал бы на мозг и психику, чтобы сразу лишить пациента возможности любой умственной деятельности, в то время как воздействие на жизненно важные функции организма должно быть постепенным и медленным. Locusta ответила утвердительно. Такие персонажи всегда были готовы предоставить любые виды лекарств, которые могли потребоваться их клиентам. Она приготовила зелье, которое, по ее

словам, обладало свойствами, необходимыми Агриппине, и Агриппина, получив его из ее рук, ушла.

Клавдию вводят яд Локусты.

Затем Агриппина отправилась к Галоту, слуге, который прислуживал императору и подавал ему еду, и придумала какие-то средства, чтобы заставить его ввести дозу. Халот был императорским "дегустатором", как это называлось, то есть в его обязанности входило сначала самому пробовать каждую еду или питье, которые он предлагал своему господину, с явной целью убедиться, что в них нет ничего отравленного. Очевидно, однако, что можно было придумать множество способов обойти подобную предосторожность, и Галот с Агриппиной договорились, что в данном случае яд должен быть подан императору на блюде с грибами за ужином. Дегустатор должен был с помощью некоторого ловкого управления избежать самостоятельного употребления какой-либо порции смертельно опасных ингредиентов. Разработанный таким образом план был приведен в исполнение. Император съел грибы, и Агриппина с трепетом ожидала результата.

Яд не действует.

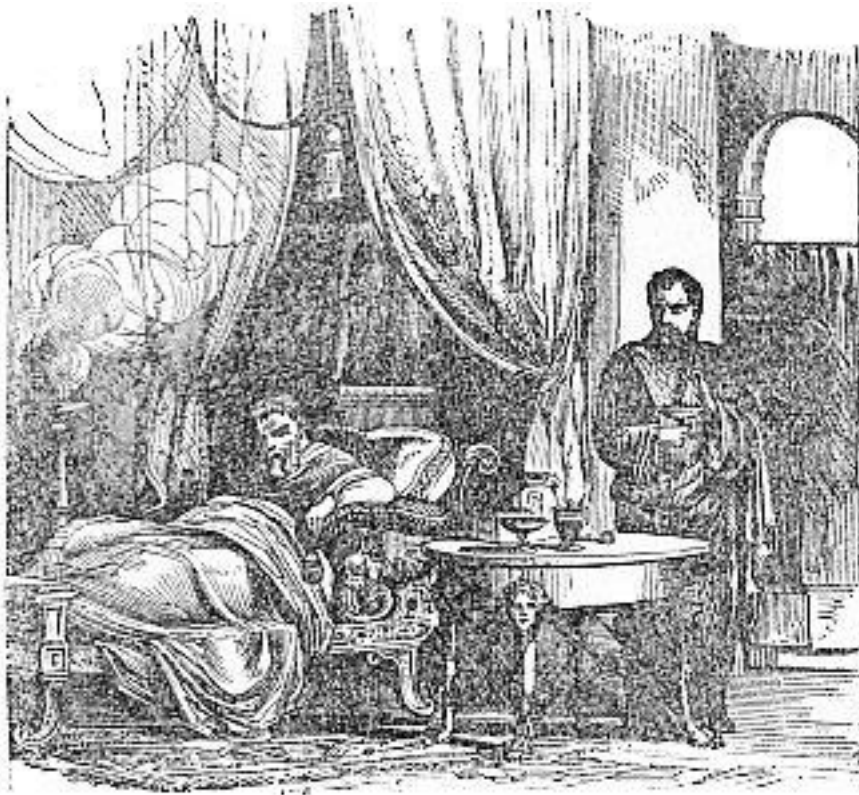
Новый план.

Перо.

Яд, введенный врачом.

Claudius dies.

Однако она была разочарована произведенным эффектом. То ли смесь, приготовленная Локустой, была недостаточно сильнодействующей, то ли Халот, крайне озабоченный тем, чтобы самому не добыть ни одного из ядовитых ингредиентов, не смог эффективно применить их намеченной жертве, император, казалось, после этого оставался почти таким же, каким был раньше, — все еще больным, но без каких-либо новых или более опасных симптомов. Конечно, Агриппина была в состоянии сильного беспокойства и дурных предчувствий. Взвалив на себя ужасную вину и опасность, неизбежно связанные с попыткой отравить ее мужа, она не могла отступить. Начатая работа должна быть доведена сейчас, подумала она, во что бы то ни стало, до конца; и она немедленно принялась за работу, чтобы изобрести какой-нибудь способ доставить яд своей жертве, который полностью избежал бы дегустатора и, таким образом, не подвергался никакому вмешательству с его стороны, продиктованному либо его верностью своему хозяину, либо его опасениями за себя. Соответственно, она отправилась к императорскому врачу и нашла способ привлечь его на свою сторону; и между ними был выработан план, который оказался эффективным в осуществлении ее замыслов. Способ, которым они это придумали, был таков. Врач, в то время как император лежал больной и измученный на своем ложе, подошел к нему и предложил ему открыть рот и позволить врачу коснуться его горла кончиком пера, чтобы вызвать рвоту, которая, по его словам, по его мнению, облегчит его состояние. Император согласился на это лечение, и перо было применено. Предварительно его окунули в очень сильный и смертельный яд. Введенный таким образом яд подействовал, и Клавдий, проведя ночь в мучениях, рано утром скончался.

Отравление Клавдия.

Агриппина скрывает смерть своего мужа.

Конечно, Агриппина, когда предсмертные муки ее мужа закончились и она убедилась, что жизнь угасла, на мгновение испытала чувство удовлетворения и облегчения. Однако можно было ожидать, что муки раскаяния после того, как поступок был совершен, очень сильно проявятся после прекращения ее ожидания и тревоги. Но это было не так. Многие еще предстояло сделать, и Агриппина была полностью готова выполнить все обязанности, связанные с кризисом. Смерть ее мужа наступила очень рано утром, операции по отравлению были проведены ночью и завершились на рассвете. Агриппина сразу поняла, что наиболее эффективным средством достижения цели, которую она имела в виду, было не допустить, чтобы прошел какой-либо промежуток времени между объявлением о смерти императора и выдвижением ее сына для вступления в должность в качестве его преемника; поскольку в течение такого промежутка времени, если бы таковой был разрешен, римский народ, конечно, обсудил бы вопрос, кто должен унаследовать власть - Британик или Нерон, и, возможно, сильная партия могла бы организовать для обеспечения соблюдения требований первого. Поэтому она решила скрыть смерть своего мужа до полудня, часа, наиболее благоприятного для публичного объявления олюбом великом событии, а затем объявить одновременно о смерти отца и восшествии на престол приемного сына.

Меры Агриппины.

Ее обезличивание.

Соответственно, она приняла быстрые и решительные меры, чтобы никто не узнал о смерти императора. Непосредственных помощников у его постели действительно было нелегко обмануть, но от них требовалось хранить молчание в отношении того, что произошло, и продолжать все свои службы так, как если бы их пациент был все еще жив. Посетителямне

разрешалось входить в палату, и посыльные продолжали сновать туда-сюда с ваннами, медикаментами и другими приспособлениями, которые, как можно предположить, могли потребоваться в критической ситуации в палате для больных. Утром также был созван Сенат, и Агриппина, словно в большом горе, отправила им послание, в котором сообщила об опасном состоянии своего мужа и умоляла их присоединиться к главным гражданским и религиозным деятелям города, принеся обеты, мольбы и жертвы за его выздоровление. Сама она тем временем ходила из комнаты в комнату по дворцу, судя по всему, охваченная тревогой и горем. Она все время держала Британика и его сестер при себе, заключая мальчика в объятия с видом самой нежной привязанности и рассказывая ему, как ее сердце разбито из-за опасного состояния его отца. Таким образом, она постоянно держала Британика при себе, чтобы предотвратить возможность его захвата и уведения в лагерь какой-либо партией, которая могла бы быть расположена сделать его императором, а не Нерона, когда станет известно, что Клавдий прекратил правление. В качестве дополнительной защиты от этой опасности Агриппина выставила вокруг дворца когарту лейб-гвардейцев и распорядилась разместить их таким образом, чтобы все подходы к зданию были полностью защищены. Выбранная ею когорта, по ее мнению, была той, на которую она могла наиболее безопасно положиться, не только для охраны дворца, пока она оставалась в нем, но и для провозглашения Нерона императором, когда она, наконец, будет готова выйти и объявить о смерти своего мужа.

Планы Агриппины по провозглашению Нерона.
Сенека и Бурр.

Наконец, около полудня, она сочла, что час пробил, и, поместив Британика и его сестер под надежную охрану во дворце, приказала распахнуть ворота и приготовилась выйти, чтобы объявить о смерти Клавдия и представить Нерона армии и народу Рима как его законного преемника. В этих приготовлениях ей помогали и поддерживали несколько офицеров и сопровождающих, среди которых были двое, которых она определила в качестве двух главных министров в правительстве своего сына. Это были Сенека и Бурр. Сенека должен был стать государственным министром, а Бурр - главным военачальником.

История Сенеки.

Оба эти человека долгое время состояли на службе у Агриппины и Нерона. Сенеке было теперь за пятьдесят. При жизни он был очень выдающимся ученым и ритором, и с тех пор его многочисленные труды приносили ему большую известность во все века. Он начал свою карьеру в Риме в качестве общественного защитника на Форуме во времена правления Калигулы. После смерти Калигулы он навлек на себя неудовольствие Клавдия в первый год правления этого императора и был сослан на остров Корсика, где оставался в забвении и безвестности около восьми лет. Когда, наконец, Мессалина была казнена, а император женился на Агриппине, Сенека был помилован и отозван обратно благодаря влиянию Агриппины, и после этого он очень преданно посвятил себя служению императрице и ее сыну. Агриппина назначила его наставником Нерона и поручила ему руководство всеми науками, которыми занимался ее сын, готовясь к обязанностям публичного оратора; и теперь, когда она собиралась продвинуть своего сына к верховному командованию, она намеревалась сделать философа своим главным секретарем и государственным министром.

Рассказ о Беррусе.
Его воинское звание.
Преторианские когорты.

Бурр был командиром лейб-гвардии, или, как называлась эта должность в те дни, префектом претория. Лейб-гвардия, или телохранители, в обязанности которых входило исключительно сопровождение и защита императора, состояла из десяти когорт, каждая из которых насчитывала около тысячи человек. Солдаты, предназначенные для этой службы, были, конечно, отобраны из всей армии, и поскольку на обеспечение их оружием, амуницией и другими назначениями не жалели средств, они сформировали лучшие войска в мире. Они получали двойное жалованье и пользовались особыми привилегиями; и было сделано все возможное, чтобы обеспечить их полное подчинение воле и привязанность кличности правящего императора. Конечно, все остальные подразделения армии рассматривали бы такой корпус как полностью превосходящий по рангу и уважению обычную службу; и генерал, командовавший им, имел бы преимущество перед любым другим военным командиром, уступая только самому императору. Агриппина ухитрилась выдвинуть Бурра на этот пост благодаря своему влиянию на Клавдия. Он и раньше был другом в ее интересах и стал еще более предан ей после того, как с ее помощью получил такое назначение, — теперь Агриппина зависела от Бурра в том, что он возглавит преторианские когорты в пользу ее сына.

Планы Агриппины.
Нерон выступил вперед.

Соответственно, в полдень того дня, когда умер Клавдий, когда все было готово, ворота дворца распахнулись, и Агриппина вышла со своим сыном в сопровождении Бурра и других слуг. Дежурная когорта была выстроена с оружием в руках у ворот дворца. Бурр представил им Нерона как преемника Клавдия, и по его сигналу все они ответили криками и одобрительными возгласами. Несколько солдат не присоединились к этим радостным крикам, а молча наблюдали за происходящим, а затем спросили друг друга, что стало с Британиком. Но ответить на этот вопрос было некому, и поскольку никто, казалось, не провозгласил Британика или не выступил от его имени, вся когорта в конце концов согласилась с решением, к которому, по наущению Бурра, казалось, склонялось большинство. Было предусмотрено что-то вроде кресла или открытого паланкина, и Нерон восседал на нем. Таким образом, солдаты несли его по улицам города в сопровождении когорты, пока он не добрался до лагеря. По мере того как процессия продвигалась вперед, воздух наполнялся криками и одобрительными возгласами солдат и народа.

Его обещания армии.
Он провозглашен.
Всеобщее молчаливое согласие с его возвышением.

Когда отряд прибыл в лагерь, Нерон был представлен армии, и выстроенные перед ним офицеры и солдаты произнесли краткую речь, которую Сенека подготовил специально для этого случая. Главным моментом в этой речи, от которого, как ожидалось, должен был зависеть ее эффект, было обещание крупной выплаты денег. Солдаты всегда ожидали такого пожертвования при восшествии на престол любого нового императора, но Нерон, чтобы подавить любое скрытое противодействие, которое могло возникнуть против его притязаний, сделал предложенное им распределение необычайно большим. Солдаты с готовностью

поддались влиянию этого обещания и единодушно провозгласили Нерона императором. Вскоре после этого был созван Сенат, и частично под влиянием некоторых видных членов, которых Агриппина приняла меры, чтобы заручиться поддержкой в своих интересах, а частично из-за общего убеждения, что при существующем положении вещей притязания Британика не могут быть успешно поддержаны, выбор армии был подтвержден. И по мере того, как весть о том, что произошло в столице, постепенно распространялась по Италии и в более отдаленные части империи, провинции и различные легионы в их лагерях один за другим соглашались с результатом, как потому, что, с одной стороны, у них не было сильных мотивов для несогласия, так и потому, что, с другой стороны, у них по отдельности не было сил оказать какое-либо эффективное сопротивление. Таким образом, Нерон в возрасте семнадцати лет стал императором Рима и как таковой почти абсолютным монархом почти половины мира.

Истинные замыслы Агриппины по возвышению своего сына.

Однако Агриппина ни в коем случае не хотела, чтобы ее сын сам обладал всей этой властью. Ее мотивом во всех ее попытках возвести Нерона на этот высокий пост были личные, а не материнские амбиции. Править должна была она сама, а не он; и она выдвинула его вперед только как номинального суверена, чтобы сама могла осуществлять власть, действуя от его имени. Ее план состоял в том, чтобы обеспечить себе господство, так организовав и направив ход дел, чтобы сам молодой император имел как можно меньше общего со своими служебными обязанностями; и чтобы вместо прямых действий с его стороны все функции правительства выполнялись чиновниками различных рангов, которых она должна была сама назначать и поддерживать, и которые, поскольку они будут знать, что их возвышение зависит от влияния Агриппины, естественно, будут подчиняться ее воле. Нерон был так молод, и она подумала, что его можно легко заставить согласиться на подобное управление, особенно если позволить ему в полной мере наслаждаться роскошью и удовольствиями, невинными или нет, которыми позволяло ему высокое положение и которые обычно так заманчивы для человека его характера и лет.

Погребальные церемонии.

Речь Нерона.

Панегирик.

Первой мерой Агриппины были приготовления к самым внушительным и пышным похоронам, как свидетельство глубокой супружеской привязанности, которую она питала к своему мужу, и глубокого горя, которое она испытала в связи с его смертью! К этим похоронам были сделаны самые тщательные приготовления; и говорили, что пышность и парад, которые были продемонстрированы в Риме в день церемонии, никогда не были превзойдены подобным зрелищем ни по одному из прежних поводов. В ходе богослужений Нерон произнес надгробную речь перед огромным скоплением собравшихся людей. Речь была написана Сенекой. Это был высокий панегирик добродетелям и известности покойного, и в нем самыми яркими красками и с великолепной дикцией были представлены его выдающееся происхождение, высокие должности, которых он достиг, его вкус к свободным искусствам, а также мир и безмятежность, царившие по всей империи во время его правления. Написать панегирик такому человеку, каким был Клавдий, несомненно, оказалось несколько трудной задачей; но Сенека справился с ней очень ловко, и народ, воодушевленный торжественностью события, слушал с подобающей серьезностью, пока, наконец, оратор не начал говорить о рассудительности и политической

мудрости Клавдия, и тогда слушатели обнаружили, что они больше не могут соблюдать приличия. Зрители посмотрели друг на друга, и раздался общий смех. Молодой оратор, хотя и был на мгновение несколько смущен этим вмешательством, вскоре пришел в себя и продолжил свою речь до конца.

Созван сенат.

Инаугурационная речь Нерона.

Превосходные обещания Нерона.

Удовлетворение Сената.

После совершения этих похоронных церемоний был созван Сенат, и Нерон предстал перед ними, чтобы произнести свою инаугурационную речь. Это обращение также, конечно, было подготовлено для него Сенекой по указанию Агриппины, которая, полностью прокрутив эту тему в уме, решила, что было бы наиболее политично сказать. Она очень хорошо знала, что до тех пор, пока власть ее сына не укрепитя и не установится, ему подобало быть скромным в своих притязаниях и заявлениях и проявлять большое почтение к полномочиям и прерогативам Сената. Поэтому в речи, которую Нерон произнес в зале заседаний сената, он сказал, что, принимая императорское достоинство, на что он согласился, повинувшись воле своего отца, покойного императора, общему голосу армии и всеобщему голосованию народа, он не намеревался узурпировать гражданскую власть в государстве, но оставить Сенату и различным гражданским чиновникам города их законную юрисдикцию. Он считал себя всего лишь главнокомандующим армиями содружества, и как таковой его обязанностью было бы просто исполнять национальную волю. Более того, он пообещал множество реформ в администрации, все из которых были направлены на то, чтобы ослабить власть князя и защитить народ от опасности угнетения военной силой. Одним словом, по его словам, его неизменной целью было восстановить правительство в его первоначальной простоте и чистоте и управлять им в строгом соответствии с истинными принципами Римской конституции, первоначально установленными основателями государства. Признания и обещания, которые Нерон таким образом дал Сенату, или, вернее, которые он зачитал им под диктовку своей матери и Сенеки, доставили большое удовлетворение всем, кто их слышал. Всякое противодействие его притязаниям исчезло, и сердце Агриппины наполнилось радостью и ликованием от того, что все ее планы были так полно и успешно реализованы.

Агриппина получает реальную власть.

Недовольство министров.

Инцидент.

Прием Агриппины в зале аудиенций.

Таким образом, официальная власть Нерона была общепризнана, и Агриппина немедленно начала проводить политику, направленную на то, чтобы закрепить за собой всю реальную власть, оставив своему сыну только название и подобие ее. Она появлялась с ним во всех общественных местах, разделяя с ним помпезность, парад и знаки отличия, как если бы она была связана с ним официальной властью. Она получала и вскрывала депеши и отправляла на них ответы. Она рассматривала и решала государственные вопросы и отдавала свои приказы. Она приказала казнить нескольких влиятельных людей, которые, по ее мнению, могли быть на стороне Британика или, по крайней мере, тайно поддерживать его притязания, либо насилием, либо ядом; и она стала бы причиной смерти многих других таким образом, если бы Бурр и

Сенека не вмешивался своим влиянием, чтобы предотвратить это. Все это она делала несколько скрытно и осторожно, действуя в основном от имени Нерона, чтобы поначалу не привлекать к своим мерам слишком много внимания. Она знала, что существовала опасность пробудить сопротивление, поскольку общественные настроения среди римлян всегда были полностью отвергнуты идеей подчинения мужчин, в любой форме, правительству женщин.

Соответственно, Агриппина не пыталась открыто председательствовать в палате сената, но она приняла меры к тому, чтобы заседания Сената иногда проводились в апартаментах дворца, где она могла присутствовать во время заседания в соседнем кабинете, скрытом от посторонних глаз ширмой или ковром, и таким образом слушать дебаты. Однако даже против этого некоторые сенаторы решительно возражали. Они сочли, что присутствие Агриппины на их дебатах было направлено на то, чтобы запугать их и заставить поддерживать такие меры, которые она могла бы рекомендовать или, как предполагалось, одобряла, и, таким образом, серьезно нарушило свободу их дискуссий. Однажды Агриппина предприняла еще более смелый эксперимент, войдя в зал, где группа иностранных послов должна была получить аудиенцию, как будто присоединиться к их приему входило в ее официальные обязанности. Ее сын, император, и окружавшие его правительственные чиновники были сбиты с толку, когда увидели, что она приближается, и сначала не знали, что делать. Однако Сенека, проявив большое присутствие духа, сказал Нерону: "Входит твоя мать, пойди и прими ее". После этого Нерон покинул свое государственное кресло и в сопровождении своих министров отправился навстречу своей матери и принял ее с большим почтением; и внимание всех присутствующих было всецело приковано к Агриппине, пока она оставалась, как к очень выдающейся и высокочтимой гостье, — дело, собравшее их вместе, было приостановлено из-за нее до ее ухода.

Несмотря на некоторые случайные трудности и замешательства подобного рода, какое-то время все шло очень успешно, в соответствии с желаниями и планами Агриппины. Нерон был очень молод и поначалу не был расположен препятствовать мерам своей матери. Однако он все время старел и вскоре начал проявлять беспокойство из-за господства, которое Агриппина осуществляла над ним, и строить собственные планы и определения. За этим, как и следовало ожидать, последовал ужасный конфликт за обладание властью между ним и его матерью. История этой борьбы и ее завершение станут предметом двух следующих глав.

Глава VII.

Британик.

54-55 гг. н. э.

Британик и Акт.
Возмущение Агриппины.

Поводом, приведшим к первой открытой вспышке между Агриппиной и ее сыном, стало открытие с ее стороны тайной и преступной привязанности, возникшей между Нероном и молодой девушкой из дворца по имени Акте. Акте изначально была рабыней из Малой Азии,

купленной там и отправленной в Рим, весьма вероятно, из-за ее личной красоты. Впоследствии ей предоставили избирательные права, но она по-прежнему оставалась во дворце, составляя часть домашнего хозяйства Агриппины. Нерон никогда не испытывал к Октавии сильной привязанности. Свой брак он всегда рассматривал всего лишь как один из политических маневров своей матери, и он не считал себя действительно связанным со своей женой какими-либо узами. Кроме того, он был еще совсем мальчиком, хотя и необычайно развитым и зрелым; и он всегда привык к самому неограниченному потаканию склонностям и страстям юности.

Отон и Сенецио.

Молодого принца, как это обычно бывает в подобных случаях, вели и поощряли на порочном пути жизни, который он теперь начинал вести, некие распутные товарищи, в общество которых он попал примерно в это время. В частности, были два молодых человека, чье влияние на него было наихудшим. Их звали Ото и Сенецио. Отон происходил из очень знатной семьи, и его ранг и социальное положение в римском обществе были очень высокими. Сенецио, с другой стороны, был очень скромного происхождения — его отец был освобожденным рабом. Однако трое молодых людей были почти одного возраста и, будучи одинаково беспринципными и распутными, объединились в погоне за порочными удовольствиями и наслаждении ими. Нерон сделал Отона и Сенецио своими доверенными лицами в своей связи с Актеей, и во многом благодаря их помощи и сотрудничеству он достиг своих целей.

Недоумение министров Нерона.

Они решают потворствовать новой связи Нерона.

Когда Сенеке и Бурру сообщили о привязанности Нерона к Акте и о связи, которая установилась между ними, они сначала были в большом недоумении, не зная, что делать. Они сами были людьми строгих моральных принципов, и поскольку Нерон был их учеником и все еще, пока они оставались его министрами, в некотором смысле находился под их опекой, они сочли своим долгом сделать ему замечание по поводу курса, которого он придерживался, и попытаться отделить его от его порочных товарищей и вернуть его, если возможно, к исполнению долга перед Октавией. Но затем, с другой стороны, они сказали друг другу, что любая попытка с их стороны действительно обуздать неуправляемые и незаконные наклонности такой души, как у Нерона, должна быть совершенно бесполезной, и поскольку от него неизбежно, как они думали, следует ожидать, что он в той или иной форме пристрастится к порочным пристрастиям, связи с Актеей, возможно, следует опасаться так же мало, как и любой другой. В целом, они пришли к выводу, что не стоит вмешиваться.

Агриппина очень разгневана.

Однако с Агриппиной все было не так. Когда она узнала об этой новой привязанности, возникшей у ее сына, она была очень встревожена. Ее огорчение, однако, было вызвано не каким-либо из тех чувств заботы, которые, как от матери, она могла бы испытывать к моральной чистоте своего мальчика, а опасениями, что из-за влияния и господства, которое может приобрести такая фаворитка, как Акте, она потеряет свою собственную власть. Она очень хорошо знала, насколько абсолютным и безраздельным иногда становилось господство такой фаворитки, и трепетала при мысли о грозившей ей опасности быть вытесненной Акте и, таким образом, потерять над собой контроль.

Ее яростные оскорбления.

Агриппина была очень вспыльчивой и властной по своему характеру и давно привыкла повелевать окружающими очень властно; и теперь, не приняв должным образом во внимание, что Нерон вышел из того возраста, когда с ним можно обращаться как с простым мальчиком, она сразу же набросилась на него с самыми горькими упреками и инвективами и настояла на том, чтобы его связь с Актеей была немедленно прервана. Нерон оказал ей сопротивление и решительно отказался выполнить ее требования. Агриппина была вне себя от негодования и ярости. Она наполнила дворец своими жалобами и обвинениями. Она обвинила Нерона в величайшей неблагодарности по отношению к ней, в отплате за продолжительные и верные усилия и жертвы, которые она принесла ради продвижения его интересов, лишив ее таким образом его доверия и расположения, чтобы освободить место для этой несчастной фаворитки, а также во лжи и неверности Октавии, бросив ее, свою законную жену, ради общества бесправной рабыни. Агриппина была чрезвычайно резка в своих обвинениях. Она бранилась, она бушевала, она бредила — действуя явно под влиянием слепой и неконтролируемой страсти. Ее страсть была явно слепа, ибо направление, к которому она ее толкала, было явно очень далеко от стремления достичь какой-либо цели, которую она, как можно было предположить, имела в виду.

Она снова становится спокойной.

Наконец, когда первая волна ее досады и гнева прошла, она начала размышлять, как это обычно бывает с людьми, оправляющимися от страсти, о том, что она тратит свои силы на то, чтобы вредить своему собственному делу. Это размышление помогло ей утихомирить гнев. Ее громкие обвинения постепенно затихли, и на смену им пришло бормотание. Наконец она совсем замолчала и, немного поразмыслив, решила больше не давать волю своему шумному и бесполезному гневу, а спокойно обдумать, что *лучше сделать*.

Агриппина меняет свою политику.

Вскоре она решила, что самым мудрым и разумным планом для нее, в конце концов, было бы потакать фантазиям своего сына и попытаться сохранить свое влияние на него, помогая ему в его удовольствиях. Соответственно, она постепенно изменила тон, который взяла по отношению к нему, и начала обращаться к нему со словами благосклонности и снисхождения. Она сказала, что, в конце концов, в его возрасте любить естественно и что его более высокий ранг и положение дают ему право на некоторую степень неприкосновенности от ограничений, налагаемых на обычных мужчин. Акте действительно была красивой девушкой, и, по ее словам, ее не удивило, что он проникся к ней симпатией. Удовлетворение его любви действительно было сопряжено с трудностями и опасностями, но, если бы он передал это дело на ее попечение, она могла бы принять такие меры предосторожности, что все было бы хорошо. Она извинилась за теплоту, с которой говорила поначалу, и объяснила это ревнивым и настороженным интересом, который мать всегда должна испытывать ко всему, что связано с процветанием и счастьем ее сына. Более того, она сказала, что теперь готова и желает разделять его взгляды и продвигать их, и предложила ему воспользоваться некоторыми своими личными апартаментами во дворце, чтобы встретиться с Акте, сказав, что благодаря такому соглашению и с теми предосторожностями, которые она могла бы предпринять, он мог наслаждаться обществом своей фаворитки, когда ему заблагорассудится, без помех и опасности.

Неро отвергает ухаживания своей матери.

Неро, естественно, сообщил обо всем своим товарищам. Они, конечно, посоветовали ему не верить ничему из того, что говорила его мать, и ни в коем случае не доверять ей. "Все это, - говорили они, - хитрый ход с ее стороны, чтобы заполучить вас в свою власть; и ни один молодой человек с гордостью и духом не смирится с позором находиться под руководством своей матери". Молодой распутник прислушивался к советам своих товарищей и отвергал предложения, которые делала ему мать. Он продолжал испытывать привязанность к Акте, но старался держаться как можно дальше от Агриппины.

Его обращение с ней.

Однако он желал, по возможности, избежать открытой ссоры со своей матерью, и поэтому приложил некоторые усилия, чтобы относиться к ней со вниманием и уважением в своем общем отношении к ней, в то время как он упорно отказывался посвящать ее в свое доверие в отношении Акте. Однако этого общего внимания было отнюдь не достаточно, чтобы удовлетворить Агриппину. Влияние Акте было тем, чего она боялась, и она хорошо знала, что ее собственной власти грозила неминуемая опасность быть подорванной и свергнутой, если только она не найдет какие-то средства поставить связь своего сына с его фавориткой под свой собственный контроль. Таким образом, спокойствие, которое, казалось, на короткое время воцарилось между Нероном и его матерью, было скорее перемирием, чем миром, и это перемирие в конце концов было внезапно прервано актом Нерона, который он задумывал как акт примирения и доброты, но который на поверку оказался средством вновь пробудить гнев его матери и привести ее в еще более сильное раздражение, чем она испытывала раньше.

Он дарит ей драгоценности.

Агриппина в ярости.

Похоже, что среди других сокровищ императорского дворца в Риме был обширный гардероб из очень дорогих женских платьев и украшений, который предназначался для жен и матерей императоров. Нерону пришла в голову идея сделать подарок своей матери из этой коллекции. Соответственно, он выбрал великолепное платье и значительное количество драгоценностей и отправил их Агриппине. Однако вместо того, чтобы порадоваться этому подарку, Агриппина восприняла его как оскорбление. Она так давно привыкла считать себя первой персоной в императорском доме, что считала все подобные вещи принадлежащими ей по праву; и, следовательно, она рассматривала поступок Нерона, официально подарившего ей небольшую часть этих сокровищ, как простую дерзость и как намерение уведомить ее, что он считает все, что осталось от коллекции, своей собственностью и отныне находится под его исключительным контролем. Поэтому вместо того, чтобы успокоиться от подношения Нерона, она была сильно разгневана этим. Гневные оскорбления, которые она произносила, были должным образом доведены до сведения императора, и они вновь вызвали его негодование, и, таким образом, разрыв между матерью и сыном стал шире, чем когда-либо.

Драгоценности.

Нерон решает подчинить свою мать.
Его план.

На самом деле Нерон начал очень ясно понимать, что если он намеревается обеспечить себе что-то большее, чем пустое подобие власти, он должен немедленно предпринять что-то действенное, чтобы обуздать властный и амбициозный дух своей матери. Прокрутив эту тему в уме, он, наконец, пришел к выводу, что мера, которая обещала быть самой решительной, заключалась в увольнении некоего государственного служащего по имени Паллас, который был выдвинут в общественную жизнь много лет назад Агриппиной и теперь был главным инструментом ее политической власти. Паллас был государственным казначеем, и он накопил такое огромное состояние, управляя государственными финансами, что однажды, когда Клавдий жаловался на плачевное состояние своей казны, кто-то ответил, что он скоро стал бы достаточно богатым, если бы только смог убедить своего казначея принять его в товарищество.

Паллас отклонялся.
Его уход.

Паллас, как уже было сказано, первоначально выдвинулся в общественную жизнь под влиянием Агриппины, и он всегда был главной опорой Агриппины во всех ее политических планах. Он очень эффективно содействовал ее браку с Клавдием и сотрудничал с ней во всех ее последующих мероприятиях, и теперь Нерон считал его главным сторонником и союзником своей матери. Соответственно, Нерон решил отстранить его от должности; и чтобы побудить его мирно уйти в отставку, было решено, что не следует проводить никаких расследований состояния его счетов, но все должно рассматриваться как сбалансированное и улаженное. Паллас согласился с этим предложением. На протяжении всей своей официальной карьеры он жил в большом великолепии, и теперь, сложив с себя полномочия, он покинул императорские

дворцы во главе длинной свиты и с такой помпой и парадом, что привлек всеобщее внимание. Это событие было расценено общественностью как заявление Нерона о том, что отныне править будет он сам, а не его мать; и Агриппина, конечно, сразу на много ступеней упала с того высокого положения, которое она занимала в глазах общества.

Горькие упреки Агриппины.

Она, конечно, была сильно разгневана, и, хотя была совершенно беспомощна в отношении сопротивления, она металась по дворцу, выражая самые громкие и яростные выражения негодования и злости.

Ее угрозы.

Она заявляет, что добьется низложения Нерона.

Во время этого пароксизма Агриппина горько упрекала своего сына в том, что она называла его жестокой неблагодарностью. По ее словам, именно ей он был обязан своим возвышением. В течение долгих лет она прилагала неустанные усилия, шла на величайшие жертвы и даже совершала самые чудовищные преступления, чтобы возвысить его до того высокого положения, которого он достиг; и теперь, как только он достиг его и убедился, как ему казалось, в своей опоре, его первым поступком было подло и неблагодарно выступить против руки, поднявшей его. Но, несмотря на его воображаемую защищенность, она, по ее словам, научит его, что ее власти все еще следует опасаться. Британик был все еще жив, и, в конце концов, он был законным наследником, и поскольку ее сын показал себя настолько недостойным усилий и жертв, на которые она пошла ради него, она немедленно примет меры, чтобы вернуть Британику то, что она так несправедливо у него отняла. Она немедленно разгласила бы все ужасные тайны, связанные с возвышением Нерона. Она расскажет об искусствах, с помощью которых был заключен ее брак с Клавдием и обеспечено усыновление Нерона в качестве сына и наследника Клавдия. Она призналась бы в убийстве Клавдия и узурпации с ее стороны императорской власти в пользу своего сына Нерона. В результате Нерон был бы свергнут, а его преемником стал бы Британик, и таким образом низкая неблагодарность и предательство по отношению к своей матери, которые проявил Нерон, были бы отомщены. Она заявила, что немедленно приведет этот план в исполнение. Она отведет Британика в лагерь и обратится к армии от его имени. И Бурр, и Сенека присоединятся к ней, и ее непослушный и вероломный сын будет немедленно лишен своей несправедливо приобретенной власти.

Вероятный характер и значение этих угроз.

Эти слова Агриппины, однако, не были выражением трезвой цели, действительно и честно высказанной. Это были дикие и бездумные угрозы и доносы, которые в таких случаях порождаются безумием беспомощной и бессильной ярости. Совершенно маловероятно, что у нее было какое-либо серьезное намерение прибегнуть к таким отчаянным мерам, какими она угрожала; ибо, если бы она действительно вынашивала такой замысел, она бы тщательно хранила его в секрете, готовясь привести его в исполнение.

Тем не менее эти угрозы и доносы, хотя они явно были вызваны слепой и временной яростью, которая, как можно было разумно предположить, вскоре утихнет, произвели глубокое впечатление на Нерона. Во-первых, он был зол на свою мать за то, что она осмелилась произнести их вслух. Тогда, по крайней мере, была вероятность, что она действительно возьмется привести их в исполнение, поскольку никто не мог предвидеть, к чему может

привести ее отчаянное безумие. Кроме того, даже если бы негодование Агриппины утихло и она, казалось, полностью отказалась бы от всякой мысли когда-либо привести в исполнение свои угрозы, Нерон крайне не желал оставаться таким образом во власти своей матери, постоянно подвергаясь новым вспышкам ее враждебности, всякий раз, когда ее гнев или каприз могли снова возбудить ее. Поэтому угрозы, которые произносила его мать, делали его чрезвычайно беспокойным.

Игра в "кто станет королем?"

Примерно в это время произошло обстоятельство, которое, хотя и было само по себе очень незначительным, значительно усилило ревность и страх по отношению к Британику, которые был склонен испытывать Нерон. По-видимому, среди других развлечений, которыми общество привыкло развлекать себя на светских раутах, которые время от времени проводились в императорском дворце, была некая игра, в которую они обычно играли, под названием "Кто станет королем?". Игра состояла в том, чтобы выбрать одного из участников по жребию королем, а затем потребовать от всех остальных подчиняться командам, какими бы они ни были, которые мог отдавать выбранный таким образом король. Конечно, успех игры зависел от искусства и изобретательности короля в предписании своим различным подданным делать такие вещи, которые могли бы максимально развлечь компанию. В чем заключалась неустойка, которую требовали правила игры в случае неповиновения, не указано; но каждый считался обязанным подчиняться командам, которые были возложены на него, при условии, конечно, что требуемое было в его силах.

Приказы Нерона Британику.

Сам Нерон, по-видимому, привык участвовать в этих забавах, и однажды вечером, когда вся компания играла в них вместе в его дворце, ему выпало стать королем. Когда подошла очередь Британика получать приказы, Нерон велел ему выйти на середину комнаты и спеть для собравшихся песню. Это было очень суровое требование для такого молодого человека, как Британик, и столь непривычного принимать активное участие в празднествах столь веселой компании; и предполагалось, что мотивом, побудившим Нерона сделать это, было чувство недоброжелательности и желание подразнить своего брата, поставив его в неловкое положение, в котором он был бы вынужден либо прервать игру, отказавшись подчиняться приказам короля, либо выставить себя на посмеище, предприняв бесплодную попытку спеть песню.

Однако, ко всеобщему удивлению, Британик поднялся со своего места без каких-либо видимых колебаний или смущения, вышел на площадку и занял свое место. Внимание всей компании было приковано к нему. Все звуки стихли.

Песня, которую пел Британик.

Он начал петь. Песня представляла собой плач, описывающий в жалобных словах и скорбной музыке ситуацию и горести молодого принца, неправомочно лишенного трона своих предков.^[B] Вся компания слушала с глубоким вниманием, очарованная поначалу безыскусственной простотой музыки, грацией и красотой мальчика. Когда Британик продолжил свою песню и значение ее в применении к его собственному случаю начало проясняться, все

собрание прониклось к нему всеобщей симпатией, и когда он закончил и вернулся на свое место, зал наполнился приглушенным ропотом аплодисментов. Воздействие этой сцены на разум Нерона, конечно, заключалось только в пробуждении чувства досады и гнева. Он наблюдал за происходящим в угрюмом молчании, мысленно произнося самые свирепые угрозы и обличения в адрес объекта своей ревности, на которого он теперь был вынужден смотреть, более чем когда-либо прежде, как на опасного и грозного соперника. Фактически он решил, что Британик должен умереть.

Нерон решает прибегнуть к яду.

Обдумывая, какие средства ему следует предпринять для достижения своей цели, Нерону показалось наиболее разумным прибегнуть к яду. Не было никакого предлога для предъявления юному принцу какого-либо уголовного обвинения, и Нерон не осмелился прибегнуть к открытому насилию. Поэтому он решил прибегнуть к яду и нанять Локусту для его приготовления.

Поллион и Локуста.

План поначалу терпит неудачу.

Читатель, вероятно, помнит, что Локуста была женщиной, которую Агриппина наняла для убийства своего мужа Клавдия. Она все еще находилась под стражей как осужденная, приговоренная к смертной казни за свои преступления. Она находилась на попечении некоего капитана по имени Поллион, офицера преторианской гвардии. Нерон послал за Поллионом и приказал ему раздобыть у своего пленника ядовитое снадобье, подходящее для намеченной цели. Снадобье было приготовлено, и вскоре после этого его ввели. По крайней мере, это было передано определенным слугам, которые были наняты при особе Британика, с приказом, чтобы они это делали. Ожидаемого эффекта, однако, произведено не было. Было ли это из-за того, что зелье, приготовленное Локустой, было слишком слабым, или из-за того, что на самом деле оно применялось не теми, кто его получал, но никакого результата не последовало, и Нерон пришел в сильную ярость. Он послал за Поллионом и обрушился на него с упреками и угрозами, а что касается Локусты, то он объявил, что она должна быть немедленно предана смерти. По его словам, они оба были жалкими трусами, которым не хватило твердости выполнить свой долг. В ответ Поллион самым серьезным образом заверил его в своей готовности выполнить все, что прикажет его господин. Он заверил Нерона, что неудача их попытки произошла исключительно по какой-то случайной причине, и что если он даст Локусте еще одну возможность провести испытание, он гарантирует, что она приготовит смесь, которая убьет Британика так же быстро, как это сделал бы кинжал.

Вторая попытка.

Вторая подготовка.

Нерон приказал, чтобы это было сделано немедленно. Послали за Локустой, и ее заперли вместе с Поллионом в покоях, примыкающих к покоям императора, с указанием приготовить микстуру там, а затем немедленно ввести ее. Их жизни зависели от результата. Вскоре был приготовлен яд. Однако существовала серьезная трудность в способе его применения, поскольку можно было ожидать, что зелье, столь внезапное и сильное по своему характеру, каким оно должно было быть, окажет немедленное действие на дегустатора и, таким образом,

вызовет тревогу, которая помешает Британику принять его. Чтобы избежать этой трудности, Поллион и Локуста хитро придумали следующий план.

Способ введения яда.

Британик умирает.

Они смешали приготовленный яд с холодной водой и налили его в кувшин, в котором обычно хранилась холодная вода в комнате, где Британик должен был ужинать. Когда пришло время, вошел сам Нерон и занял свое место на кушетке, стоявшей в комнате, чтобы наблюдать за происходящим. Принцу принесли бульон на ужин. Слуга, в чьи обязанности входило это блюдо, попробовал его, как обычно, а затем передал в руку принца. Британик попробовал и нашел, что оно слишком горячее. Это было сделано специально. Он вернул его служащему, чтобы тот охладил. Служитель отнес его в кувшин и охладил отравленной водой, а затем снова вернул Британику, не попросив дегустатора попробовать его еще раз. Британик выпил бульон. Через несколько минут наступили фатальные последствия. Несчастная жертва внезапно упала в обморок. Его глаза застыли, конечности были парализованы, дыхание было коротким и судорожным. Санитары бросились к нему, чтобы оказать помощь, но его жизнь быстро уходила, и прежде чем они смогли оправиться от шока, который вызвала у них его внезапная болезнь, они обнаружили, что он перестал дышать.

Волнение и отчаяние Агриппины.

Это событие, конечно, вызвало большое волнение и суматоху во всем дворце. Немедленно была вызвана Агриппина, и когда она стояла над умирающим ребенком, ее охватили ужас и отчаяние. Нерон, с другой стороны, казался совершенно невозмутимым. "Это всего лишь один из его эпилептических припадков", - сказал он. "Британик привык к ним с младенчества. Он скоро поправится".

Однако, как только больше не оставалось места для сомнений в том, что Британик мертв, Нерон немедленно начал приготовления к погребению тела. Угрызения совести, которые, несмотря на свою порочность, он не мог не испытывать из-за того, что совершил такое преступление, побуждали его с нетерпением убрать с глаз долой все следы и памятные знаки этого преступления; и, кроме того, он боялся ждать обычного срока, а затем заняться приготовлениями к публичным похоронам, чтобы римляне не заподозрили правды в отношении смерти Британика и не образовалась партия, мстящая за его несправедливость. Он знал, что любой тенденции такого рода, которая могла бы существовать, в значительной степени способствовало бы возбуждение от публичных похорон. Поэтому он решил, что тело должно быть немедленно похоронено.

Действие, производимое ядом.

Средство.

Была еще одна причина для этой отправки. По-видимому, одним из последствий действия яда, который ввела Локуста, было то, что тело жертвы почернело от него вскоре после смерти. Это изменение цвета, фактически, начало проявляться на лице трупа Британика еще до того, как пришло время погребения; и Нерон, чтобы уберечься от разоблачения, которым грозило это явление, приказал выкрасить лицо в естественный цвет с помощью косметики, какой в те дни привыкли пользоваться придворные дамы. Благодаря этому лицу умершего был возвращен его

надлежащий цвет, и впоследствии оно больше не претерпевало изменений. Тем не менее императору, естественно, не терпелось предать тело земле.

Погребение Британика.

Буря.

Соответствующие приготовления были сделаны в тот же вечер, и посреди ночи тело Британика было похоронено на Марсовом поле, обширном плацу в окрестностях города. В дополнение к ночной темноте поднялась сильная буря, и пока продолжалось погребение, лил проливной дождь. Поэтому очень немногие жители города знали о том, что произошло, до следующего дня. Однако яростная буря, которая в одном отношении способствовала осуществлению замыслов Нерона, способствуя секретности погребения, в другом отношении сильно сработала против него, поскольку лицо трупа стало настолько мокрым от проливного дождя, что косметический состав был смыт, и стала видна почерневшая кожа. Таким образом, служащие, которые заботились о теле, узнали, что мальчик был отравлен.

Провозглашение Нерона.

На следующее утро после похорон император издал прокламацию, в которой объявил о смерти и погребении своего брата и призвал римский сенат и римский народ к сочувствию и поддержке в связи с тяжелой утратой, которую он перенес.

На момент смерти Британику было четырнадцать лет.

Глава VIII.

Судьба Агриппины.

55-60 гг. н. э.

Положение Агриппины.

Ее душевное состояние.

Как бы то ни было с другими, сама Агриппина не была обманута ложными предложениями, которые Нерон выдвигал в объяснение смерти своего брата. Она слишком хорошо понимала суть дела, и это событие наполнило ее разум вихрем противоречивых эмоций. Несмотря на ужасные ссоры, нарушавшие ее отношения с императором, он все еще был ее сыном — ее первенцем, - и она любила его как такового, даже несмотря на негодование и враждебность, которые время от времени пробуждало в ней разочарованное честолюбие. Теперь ее честолюбивые замыслы потерпели более горькое разочарование, чем когда-либо. Со смертью Британика последнее звено ее власти над Нероном, казалось, было разорвано навсегда. Рука, от которой он пал, все еще принадлежала ее сыну — сыну, к которому она не могла не привязаться с материнской нежностью, в то время как чувствовала себя глубоко уязвленной тем, что считала его жестокой

неблагодарностью по отношению к ней, и раздосадованной и взбешенной тем, что обнаружила, что ее так безнадежно обошли во всех ее планах.

Взгляды Нерона по отношению к своей матери.

Что касается самого Неро, то у него больше не было никакой надежды снова быть в хороших отношениях со своей матерью. Он ясно видел, что ее планы были совершенно несовместимы с его, и что для успешного осуществления своих собственных замыслов он должен теперь завершить начатую работу и ограничить влияние своей матери всеми доступными ему средствами. Других лиц он пытался умиротворить. Он сделал великолепные подарки видным деятелям Рима в качестве взяток, чтобы помешать им возбудить расследование в связи со смертью Британика. Кому-то он подарил земельные владения, кому-то денежные суммы, а кого-то все же продвинул на высокие посты гражданского или военного командования. Тех, кого он больше всего боялся, он удалил из Рима, назначив их на почетные и прибыльные должности в отдаленных провинциях.

Планы и меры, принятые Агриппиной.

Между тем сама Агриппина не сидела сложа руки. Как только она оправилась от первого потрясения, вызванного смертью Британика, она начала думать о мести. В пределах границ, которые налагали на нее подозрительность и бдительность Нерона, она сформировала небольшой круг друзей и приверженцев и усердно, хотя и тайно, разыскивала всех, кто, как она предполагала, был недоволен правительством Нерона. Она особенно привязалась к Октавии, которая, будучи дочерью Клавдия, унаследовала теперь, после смерти Британика, все наследственные права, которыми он был наделен. Она собирала деньги, насколько это было в ее силах, из всех оставшихся у нее ресурсов и пользовалась любой возможностью, чтобы завязать знакомство и добиться расположения всех тех офицеров армии, которые были доступны ее влиянию. Одним словом, она, казалось, обдумывала какой-то тайный план по возвращению своего упавшего состояния, и Нерон, который ревниво и подозрительно следил за всеми ее движениями, начал беспокоиться, не зная, до каких отчаянных крайностей могут довести ее негодование и честолюбие.

Неро делает из своей матери закрытую даму.

До этого времени Агриппина жила в императорском дворце вместе с Нероном, составляя вместе со своей свитой часть его семьи и, конечно, в некотором смысле разделяя официальные почести, оказываемые ему. Однако теперь Нерон пришел к выводу, что он отстранит ее от этой должности и предоставит ей отдельное заведение, чтобы оно соответствовало по своему назначению второстепенному и подчиненному положению, к которому он намеревался отныне приурочить ее. Соответственно, он выделил ей определенный особняк в городе, который ранее занимала какая-то ветвь императорской семьи, и перевез ее туда со всей ее свитой. Однако он уволил со службы у нее под различными предлогами тех офицеров и приверженцев, которые, по его мнению, были наиболее преданы ее интересам и наиболее склонны участвовать вместе с ней в заговорах против него. Места тех, кого он таким образом заменил, были заняты людьми, на которых он мог положиться в своем подчинении ему. Он также уменьшил число слуг и охраны Агриппины; он снял часовых, которые привыкли охранять ворота ее покоев, и распустил определенный отряд немецких солдат, которые до сих пор служили под ее командованием, в качестве своего рода лейб-гвардии. Одним словом, он удалил ее со сцен императорской

помпезности и великолепия, в которых она привыкла вращаться, вместо этого поставил ее в положение частной римлянки.

Агриппина оказывается покинутой и без друзей.

Несчастливая Агриппина вскоре обнаружила, что эта перемена в ее положении сильно изменила степень внимания, которым ее одаривала публика. Круг ее приверженцев и друзей постепенно сокращался. Посетителей у нее было немного. Император сам иногда навещал свою мать, но его всегда сопровождала свита, и после краткой официальной беседы он удалялся так же торжественно, как и пришел, придавая своему визиту характер простой обязанности государственного этикета. Одним словом, Агриппина почувствовала себя покинутой и лишенной друзей, и ее разум постепенно погрузился в состояние безнадежного уныния, досады и огорчения.

Раскрыт заговор.

Некоторое время все продолжалось в таком состоянии, пока, наконец, однажды ночью, когда Нерон пил и кутил на пиру в своем дворце, хорошо известный придворный по имени Парис, один из главных сподвижников и фаворитов Нерона, не вошел в апартаменты и сообщил императору с выражением глубокой озабоченности на лице, что у него есть новости о самом серьезном моменте, которые он должен сообщить ему. Нерон удалился со сцены празднества, чтобы получить сообщение, и был проинформирован Парисом о том, что был раскрыт глубоко продуманный и опасный заговор, который составили Агриппина и некоторые ее сообщники. Целью заговорщиков, как утверждал Парис, было низложение Нерона и возведение на высшую должность вместо него некоего потомка Августа Цезаря по имени Плавт. Совершив эту революцию, Агриппина должна была выйти замуж за нового императора и таким образом восстановить свою былую власть.

Заявление Парижа.

Заявление, сделанное Парисом, было очень полным во всех деталях. Были названы имена главных заговорщиков и объяснены все планы. Главным свидетелем, на основании которого было выдвинуто обвинение, была знаменитая придворная дама, близкая знакомая и гостья Агриппины, по имени Силана. Силана и Агриппина были очень теплыми подругами, но недавно между ними вспыхнула ужасная ссора из-за некоторого вмешательства со стороны Агриппины, направленного на то, чтобы помешать вступлению в силу брака, который был частично заключен между Силаной и выдающимся римским гражданином. Силана была выведена из себя этой дурной службой, и результатом стало откровение, которое она сделала. Действительно ли был составлен такой заговор и Силана была вынуждена выдать тайну из-за травмы, которую нанесла ей Агриппина, воспрепятствовав ее браку, или же она полностью выдумала эту историю в порыве отчаянной мести, никогда не было известно до конца. Историки того времени склоняются к последнему мнению.

Нерон сильно встревожен.

Созван совет.

Буррус защищает Агриппину.

Как бы то ни было, Нерон был сильно встревожен сообщением, которое сделал ему Парис. Он немедленно прекратил свои празднества и кутежи, отпустил своих гостей и созвал совет из

своих самых доверенных советников, чтобы обсудить, что следует предпринять. Он изложил дело этому совету и объявил о своем решении немедленно вынести смертный приговор своей матери и Плавту и немедленно послать офицеров для исполнения указа в качестве первого шага, который необходимо предпринять. Беррус, однако, решительно отговорил его от столь опрометчивого поступка. "В настоящее время это всего лишь обвинения, - сказал он, -. У нас пока нет доказательств. Осведомитель пришел к вам глубокой ночью с этой дикой и невероятной историей, и если мы сразу примем как должное, что это правда, и позволим себе действовать под влиянием волнения и тревоги, то впоследствии пожалеет о своей опрометчивости, когда последствия не удастся исправить. Кроме того, Агриппина - ваша мать; и поскольку право быть выслушанным в ответ на обвинение принадлежит самому скромному человеку в государстве, когда его обвиняют в преступлении, было бы чудовищным преступлением лишить матери императора этой привилегии. Поэтому отложите вынесение решения по этому делу до тех пор, пока мы не узнаем факты более определенно. Я обязуюсь привести в исполнение смертный приговор Агриппине, если после справедливого судебного разбирательства это обвинение против нее будет доказано".

Такими доводами и увещеваниями Неро был в некоторой степени умиротворен, и было решено отложить принятие каких-либо решительных мер в чрезвычайной ситуации до утра. Как только рассвело, Бурр и Сенека в сопровождении нескольких слуг, которые должны были выступить свидетелями допроса, были отправлены в дом Агриппины, чтобы изложить ей обвинение и услышать, что она скажет.

Возмущенный ответ Агриппины на это обвинение.

Агриппина сначала была несколько удивлена, что ее вызвали в столь ранний час на аудиенцию к столь серьезному поручению; но ее гордый дух стал таким свирепым и отчаявшимся из-за обращения, которому она подверглась со стороны своего сына, что у нее были основания опасаться. Поэтому она невозмутимо выслушала тяжелое обвинение, которое Бурр выдвинул против нее; и когда он сделал паузу, чтобы выслушать ее ответ, вместо того, чтобы извиняться и защищаться и осуждать неудовольствие императора, она разразилась самыми суровыми и гневными нападками на своего сына за то, что он хоть на мгновение выслушал столь дикую и неправдоподобную клевету против нее. В том, что Силана, которая была, по ее словам, распутной и беспринципной женщиной и, следовательно, не могла иметь представления о силе и верности материнской привязанности, считала возможным, чтобы мать строила заговоры против единственного сына, не было ничего странного; но что сам Нерон, ради которого она приложила столько усилий и подверглась таким опасностям, и интересам которого она отдала и пожертвовала всем, что могло быть дорого сердцу женщины, мог поверить таким рассказам и на самом деле замыслил убийство своей матери на месте преступления. вера их была непереносима. "Разве он не знает хорошо, - сказала она голосом, почти невнятным от волнения и негодования, - что, если каким-либо образом Британик, или Плавт, или любой другой человек придут к власти, моя жизнь будет немедленно поплачена за то, что я уже сделала для него? Может ли он вообразить, что после тех глубоких и отчаянных преступлений, которые я совершил ради него, чтобы возвысить его до его нынешней власти, я мог бы закрепить свое собственное уничтожение, выдвинув на его место кого-либо из его соперников и врагов? Возвращайся и

скажи ему это, и более того, скажи, что я требую у него аудиенции. Я его мать, и я имею право ожидать, что он сам увидит меня и услышит то, что я должна сказать".

Возвращение уполномоченных к Нерону.

Уполномоченные, которых Неро послал с обвинениями, были несколько удивлены, получив в ответ эти гневные обличения и инвективы вместо кроткой и неуверенной защиты, которой они ожидали. Они также были поражены возвышенной и страстной энергией, с которой говорила Агриппина. Они ответили ей успокаивающими и примирительными словами, а затем вернулись к Неро и сообщили о результатах своей беседы.

Неро убежден в невинности своей матери.

Нерон согласился увидеться со своей матерью. В его присутствии она приняла тот же тон гордой и оскорбленной невинности, который характеризовал ее беседу с посланцами. Она презирала попытки как-либо оправдать себя, но *предполагала*, что она невинна, и требовала, чтобы ее обвинители были наказаны как лица, виновные в самой чудовищной клевете. Нерон был убежден в ее невинности и уступил ее требованиям. Силана и двое других ее обвинителей были изгнаны из Рима. Еще один был наказан смертью.

Таким образом, между Нероном и его матерью снова установился своего рода временный и несовершенный мир.

Жизненный путь Нерона.

Уличные беспорядки.

Такое положение вещей продолжалось примерно в течение трех лет. В течение этого времени государственные дела империи, которыми руководили государственные министры и военачальники, которым Нерон их доверил, шли со сносным процветанием и успехом, в то время как во всем, что касалось личного поведения и характера, состояние императора становилось с каждым днем все более плачевным. Он проводил свои дни в лени и чувственном оцепенении, а ночи - в самом диком буйстве и разврате. Он переодевался рабом и в полночь с группой своих товарищей, одетых подобным же образом, совершал вылазки на улицы города, нарушая ночь беспорядками и шумом. Иногда они выходили на улицу в более ранний час, — пока люди были на улицах и магазины были открыты, — и развлекались тем, что хватали товары, которые, по их мнению, были выставлены на продажу, и нападали на все, что попадалось им на пути. Во время этих забав император и его свита иногда сталкивались с другими партиями; и в последовавших за этим потасовках с Нероном часто обращались очень грубо — его противники не знали, кто он такой. Однажды он был сбит с ног и очень серьезно ранен; и в результате этого приключения его лицо долгое время было обезображено шрамом.

Хотя на эти оргии Нерон обычно ходил переодетым, однако, поскольку впоследствии он и его товарищи привыкли хвастаться своими подвигами, жителям города вскоре стало широко известно, что их молодой император имел обыкновение участвовать в этих ночных потасовках. Конечно, каждый дикий и беспутный молодой человек в Риме горел честолюбивым желанием подражать примеру, который подавал ему столь высокий авторитет. В моду вошли полуночные бунты. По мере того как сторон становилось все больше, драки, происходившие на улицах, становились все более и более серьезными, пока, наконец, Нерон не привык брать с собой группу переодетых солдат и гладиаторов, которым было приказано следовать за ним по первому

зову, чтобы быть готовыми немедленно прийти ему на помощь, когда бы ему ни потребовалась их помощь.

Агриппина живет уединенно.

Год за годом проходил таким образом, Нерон все время предавался самым грубым чувственным удовольствиям и с каждым днем становился все более безрассудным и отчаявшимся. Его мать жила в течение этого периода в относительном уединении. Она пыталась проявлять некоторую сдержанность по отношению к своему сыну, но безуспешно. Она была сильно привязана к Октавии, жене Нерона, и защитила бы ее, если бы могла, от обид, которые обрушило на нее поведение Нерона как мужа.

Поппея.

Ее влияние на Нерона.

Ее насмешки и упреки.

В конце концов молодой император, продолжая свой круг порочных удовольствий, завязал близость с некой придворной дамой по имени Поппея, женой Отона, одного из друзей Нерона по удовольствиям. Нерон отослал Отона на какое-то отдаленное свидание, чтобы он мог беспрепятственно наслаждаться обществом Поппеи. В конце концов Поппея настолько овладела разумом императора, что полностью отвлекла его от исполнения долга по отношению к жене, и она предложила, чтобы они оба развелись, а затем поженились друг на друге. Нерон был склонен согласиться с этим предложением, но Агриппина решительно воспротивилась ему. Некоторое время Нерон колебался между влиянием Агриппины и чувством долга, с одной стороны, и соблазнами Поппеи - с другой. В дополнение к влиянию своих уговоров и улыбок, она пыталась подействовать на мальчишескую гордость Нерона, дразня его тем, что она называла его унижительным и недостойным мужчиной подчинением матери. Как долго, спросила она, он должен оставаться, как ребенок, под материнской опекой? Она удивлялась, как он мог выносить такое постыдное рабство. По ее словам, он был могущественным монархом, правящим половиной мира, но на самом деле он был всего лишь мальчиком в ясли, который ничего не мог сделать без разрешения своей матери. По ее словам, ей было стыдно видеть его в таком унижительном состоянии; и если он не предпримет каких-либо решительных мер, чтобы освободиться от своих цепей, она заявила, что оставит его навсегда и уедет со своим мужем в какой-нибудь отдаленный уголок мира, где она больше не сможет быть свидетельницей его позора.

Их влияние на разум Нерона.

Воздействие этих насмешек на разум Нерона было в значительной степени усилено гордым и властным духом, который проявляла по отношению к нему его мать и который, казалось, становился все более и более суровым из-за растущего отчаяния, которое поведение ее сына и ее собственное безнадежное положение, казалось, пробуждали в ее уме. Одним словом, ссора между императором и его матерью с каждым днем становилась все более ожесточенной и безнадежной. В конце концов он полностью избегал ее, и, наконец, когда все оставшиеся искры сыновнего долга погасли, он начал обдумывать какой-то тайный план, как убраться со своего пути.

Нерон начинает желать смерти своей матери.

Он прокручивал в уме различные проекты для достижения этой цели. Он не осмеливался прибегнуть к открытому насилию, поскольку у него не было никаких обвинений против своей матери, которые могли бы оправдать вынесенный ей уголовный приговор; и он опасался того эффекта, который произвело бы на общественное мнение зрелище такого противоестественного деяния, как казнь матери по приказу ее сына. Он не мог довериться яду. Агриппина была прекрасно знакома со всем, что касалось искусства отравления, и, несомненно, была бы полностью настороже против любой попытки такого рода, которую он мог бы предпринять. Кроме того, он предположил, что с помощью определенных противоядий, которые она привыкла использовать, ее организм был постоянно защищен от действия всех видов ядов.

Великий военно-морской праздник в Мизене.

Пока Нерон прокручивал все это в уме, представился случай устроить большое военно-морское торжество в Байе, красивой бухте к югу от Рима, недалеко от того места, где сейчас находится Неаполитанский залив. Байя прославлялась в древние времена, как, собственно, и сейчас, красотой своего расположения и была местом большого отдыха римской знати. В устье залива располагался небольшой, но хорошо построенный городок, а холмы и долины в окрестностях, а также каждый мыс вдоль берега были украшены виллами и загородными домиками, которые служили в качестве летних резиденций богатым жителям города. Байи были также крупной военно-морской базой, и в то время там находился флот, — или, скорее, на мысу Мизена, в нескольких милях дальше, — под командованием одного из доверенных слуг Нерона по имени Аницет. Военно-морской праздник должен был состояться в связи с этим флотом. Это был ежегодный фестиваль, который должен был продолжаться пять дней.

Аницет.

Предложение Аницета.

Аницет был личным слугой Нерона в его младенчестве и всегда жил в большой близости с ним. По той или иной причине он также был злейшим врагом Агриппины, поскольку, когда Нерон был ребенком, всегда привык принимать участие в маленьких спорах, которые время от времени возникали между ним и его матерью. Аницет, конечно, был готов с готовностью посочувствовать Нерону в ненависти, которую он теперь лелеял к Агриппине, и когда он узнал, что Нерон желает изобрести какой-нибудь способ добиться ее смерти, он составил план, который, по его словам, достигнет цели очень безопасно. Он предложил пригласить Агриппину в Байи, а затем, в ходе церемоний и маневров, связанных с военно-морским представлением, прокатить ее по заливу на барже или галере. Он сказал, что построит баржу так, чтобы она развалилась на куски в море, заранее позаботившись о спасении жизнью остальных, но оставив Агриппину тонуть.

Неро этим доволен.

Неро был очень доволен этим устройством и решил сразу же принять этот план. Чтобы открыть путь для осуществления этого плана, он притворился, когда приблизилось время праздника, что желает помириться со своей матерью и что теперь он готов согласиться с ее желаниями и планами. Он умолял ее забыть всю свою прошлую недоброжелательность к ней и, заверив, что его чувства к ней теперь полностью изменились, расточал ей выражения самого нежного уважения. Мать всегда очень легко ввести в заблуждение подобными протестами своевольного

сына, и Агриппина верила всему, что говорил ей Нерон. Одним словом, примирение, казалось, было полным.

Меры по его введению в действие.

Наконец, когда приблизилось время военно-морского праздника, Нерон, находившийся в то время в Байях, послал своей матери приглашение приехать и вместе с ним наблюдать за зрелищем. Агриппина с готовностью согласилась принять приглашение. В это время она находилась в Анции, месте, как следует помнить, где родился Нерон. Соответственно, она отплыла отсюда на своей собственной галере и направилась на юг. Она высадилась на одной из вилл в окрестностях Байи. Нерон был готов встретить ее на берегу. Он принял ее со всеми проявлениями уважения и привязанности. Он предоставил ей жилье в Байе, и там была готова великолепная баржа, чтобы доставить ее туда; план состоял в том, чтобы она поднялась на борт этой баржи и оставила свою собственную галеру, — то есть ту, на которой она прибыла с моря, — на якоре у виллы, где она высадилась. Баржа, на которую таким образом пригласили Агриппину, была коварной ловушкой, устроенной Аникетом для ее уничтожения. Однако, судя по всему, это было великолепное судно, очень богато и красиво украшенное, как будто специально предназначенное для того, чтобы оказать честь выдающемуся пассажиру, которого оно должно было перевозить.

Агриппина отправляется в Байи.

Однако Агриппина, казалось, не была склонна плыть на барже. Она предпочла добраться до Байи по суше. Возможно, несмотря на кажущееся дружелюбие Нерона, она все еще испытывала некоторые опасения и боялась полностью довериться его власти, — или, возможно, она предпочла закончить свое путешествие по суше только потому, что, совершая переход из Анция, устала от моря. Как бы то ни было, Нерон сразу согласился с ее решением и предоставил что-то вроде носилок, чтобы доставить ее в Байи по суше. На этом носилках носильщики доставили ее соответственно в Байе и там поселили в отведенных для нее покоях.

Не было никакой благоприятной возможности вывезти Агриппину на море, пока не пришло время ее возвращения в Анций. Во время ее пребывания в Байях Нерон уделял ей самое пристальное внимание. Он готовил для нее великолепные банкеты и развлекал ее большим разнообразием развлечений. В своей беседе он иногда обращался к ней с привычной игривостью и весельем, а в другое время искал случая серьезно поговорить с ней об общественных делах в частной и доверительной манере. Агриппина была полностью обманута этими указаниями, и ее сердце наполнилось гордостью и радостью при мысли, что она вновь завоевала любовь и доверие своего сына.

Приготовления к уничтожению Агриппины.

Нерон и Аничет, наконец, решили привести свой план в исполнение, убедив Агриппину подняться на борт их баржи, чтобы вернуться в Анций, когда придет время, вместо того, чтобы возвращаться на ее собственном судне. Другие их попытки уговорить ее выйти на воду провалились, и это была единственная возможность, которая теперь оставалась. Было желательно, чтобы эта посадка произошла ночью, поскольку дело, которое они замыслили, могло быть более эффективно совершено под покровом темноты. Соответственно, во второй половине того дня, когда Агриппина должна была вернуться, Нерон приготовил для нее пир и затянул сопровождавшие его празднества и развлечения до позднего вечера, так что уже

совсем стемнело, когда его мать смогла уйти. Затем Аницет ухитрился направить одно из судов своего флота против галеры, на которой Агриппина прибыла из Анция, когда та стояла на якоре у берега в том месте, где она высадилась. Камбуз был сломан и выведен из строя в результате столкновения. Аницет пришел к Агриппине, чтобы сообщить о несчастье, с выражением глубокой озабоченности на лице; но добавил, что баржа, которую император приготовил для нее, к ее услугам, и предложил заменить ею ту, которая была повреждена. Казалось, другого выхода не было, и Агриппина, с большой любовью попрощавшись с сыном, весело поднялась на борт прекрасного, но коварного судна, совершенно не подозревая об опасности.

Неро сердечно прощается со своей матерью.

Было замечено, что Нерон проявил крайнюю степень нежного уважения к своей матери, прощаясь с ней по этому случаю. Он долго висел у нее на шее и целовал ее снова и снова, удерживая этими ласковыми словами на берегу, словно не желая отпускать. После смерти Агриппины эта сцена запомнилась тем, кто был ее свидетелем, но, размышляя над ней, они не могли решить, были ли все эти знаки привязанности притворными, как относящиеся к той роли, которую он так лицемерно разыгрывал, или же он действительно почувствовал в последний момент некое сыновнее смягчение, которое побудило его на некоторое время задержать свою мать на краю ямы, которую он готовил для ее уничтожения. Однако из всего, что мы теперь знаем о личном характере, сформировавшемся у Нерона в этот период, вероятно, что первое предположение является правильным.

Агриппина и ее сопровождающая на борту баржи.

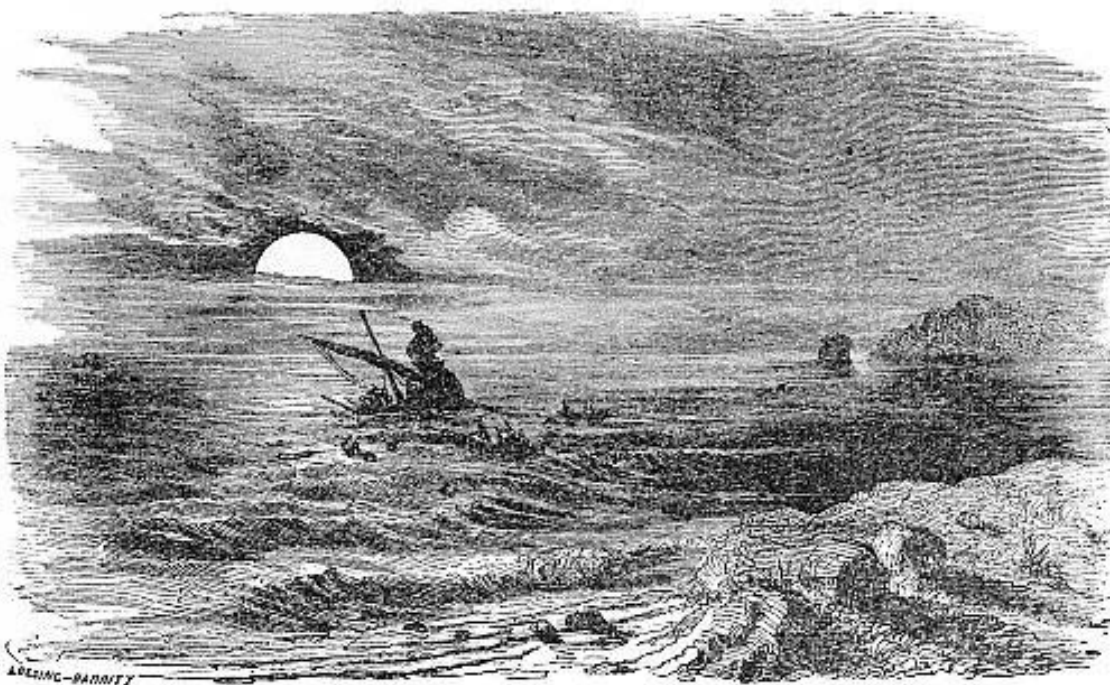
Заговору, каким бы искусным он ни был, не суждено было увенчаться успехом. Судно мягко отошло от берега, подгоняемое гребцами. Стояла ясная звездная ночь. Море было гладким, а воздух - спокойным. Агриппина заняла свое место на приготовленном для нее ложе под чем-то вроде балдахина или тента, каркас которого сверху был тайно начинен свинцом. Здесь ее сопровождала одна из ее фрейлин по имени Ачерония Полла, которая лежала у ног своей госпожи и развлекала ее беседой, пока лодка скользила по своему пути. Они говорили о Нероне — о добром внимании, которое он оказывал Агриппине, и о различных преимуществах, которые должны были последовать из столь счастливо состоявшегося примирения. Таким образом, прошли часы, и баржа двинулась дальше, пока не достигла места, которое было определено для того, чтобы разбить ее и сбросить Агриппину в море. Выбранное место находилось так близко к суше, что позволяло морякам спастись вплавь, но все же достаточно далеко, как предполагалось, чтобы сделать гибель Агриппины неизбежной. Несколько моряков были посвящены в тайну и в какой-то степени подготовлены к тому, что должно было произойти. Другие ничего не знали, и от них ожидали, что они спасутся, как только смогут, когда окажутся выброшенными в море.

Результат покушения.

Агриппине чудом удалось спастись.

По данному сигналу крепления навеса были ослаблены, и нагруженная конструкция внезапно с тяжелым грохотом рухнула, унося с собой другие части судна. Один человек был раздавлен тяжестью падающих обломков и мгновенно убит. Агриппина и ее фрейлина были спасены столбиками кровати или кушетки, на которой полулежала Агриппина, которые оказались в

таком положении, что они удерживали надвигающуюся массу в достаточной степени, чтобы позволить дамам выползти из-под нее. Разрушение палубы и фальшбортов баржи также было менее масштабным, чем предполагалось, так что Агриппина не только избежала быть раздавленной обломками, но и поначалу спасла себя от того, чтобы ее сбросили в море. Тогда люди, посвященные в тайну заговора, немедленно подняли громкий крик и замешательство, и попытались опрокинуть баржу, взобравшись на один ее борт, в то время как другие, которые не понимали, в чем дело, делали все, что могли, чтобы спасти ее. Тем временем шум криков достиг берега, и рыбацкие лодки начали отчаливать с целью прийти на помощь терпящему бедствие судну. Однако до того, как они прибыли, лодка была перевернута, Агриппина и Ацерония выброшены в море, а люди, посвященные в тайну заговора, воспользовавшись темнотой и неразберихой, пытались решить судьбу своих жертв, избивая их шестами и веслами, пока они барахтались в воде.

Попытка Аницета.

Агриппина и Ацерония в море.
Агриппина сбегает.

В случае с Ацеронией эти усилия увенчались успехом, поскольку она в ужасе издавала громкие и непрерывные крики и таким образом навлекла на себя удары убийц. Агриппине, с другой стороны, хватило присутствия духа промолчать. Она получила сильный удар по плечу, который нанес серьезную рану. В остальном она осталась невредимой, и ей удалось, отчасти благодаря плавучести своего платья, а отчасти благодаря усилиям, которые она прилагала, чтобы плыть, удержаться на плаву, пока ее не подобрала рыбаки и не доставили на берег. Ее отвезли на принадлежащую ей виллу, которая находилась недалеко от места, где произошла катастрофа.

Ее послание Неро.

Как только Агриппина немного оправилась от ужаса и возбуждения, вызванных этой сценой, и у нее появилось время обдумать ее обстоятельства, она пришла к убеждению, что произошедшее было не несчастным случаем, а результатом глубоко продуманного замысла разрушить ее жизнь. Однако она сочла самым благоразумным на некоторое время скрыть свое мнение. Поэтому, как только она благополучно добралась до своей виллы и ее рана была перевязана, она отправила гонца в Байи, чтобы сообщить Нерону о случившемся. Судно, на которое она села, потерпело крушение в море, сказала она, и она чудом избежала гибели. Она получила серьезную травму от какой-то упавшей перекладки, но наконец благополучно добралась до своего дома в Анции. Однако она умоляла сына не навещать ее, поскольку больше всего ей нужен был покой. По ее словам, она послала гонца сообщить ему о случившемся только для того, чтобы он мог вместе с ней порадоваться знаменательному вмешательству божественного провидения, благодаря которому она была спасена от столь неминуемой опасности.

Тревога Неро при известии о побеге его матери.

Тем временем Нерон нетерпеливо и тревожно ожидал в своем дворце в Байях прибытия гонца от Аничета, который сообщит ему, что его заговор удался и что его мать утонула. Вместо этого слух о ее побеге дошел до него незадолго до прибытия гонца Агриппины и поверг его в ужас. Люди пришли с побережья и сообщили ему, что баржа, на которой плыла его мать, потерпела крушение и что Агриппина едва спаслась. Подробности ему были сообщены не полностью, но он предположил, что Агриппина, должно быть, узнала, что это происшествие было результатом преднамеренной попытки уничтожить ее, и поэтому он был очень встревожен. Он боялся отчаянного духа негодования и мести, который, как он предполагал, пробудился в сознании его матери.

Консультация с Сенекой и Буррусом.

Он немедленно послал за Бурром и Сенекой и изложил им все обстоятельства дела. Он выдвинул самые жестокие обвинения против своей матери, оправдывая свою попытку уничтожить ее. Он сказал, что уже давно был убежден, что для него не может быть ни мира, ни безопасности, пока она жива, и теперь, во всяком случае, с тех пор, как он взялся за работу по ее уничтожению и предпринял такую попытку, у него не осталось иного выхода, кроме как идти дальше и закончить то, что он начал. "Она должна умереть сейчас, - сказал он, - или она наверняка изобретет какой-нибудь способ уничтожить меня".

Сенека и Бурр молчали. Они не знали, что сказать. Они очень ясно видели, что наступил кризис, концом которого будет то, что тот или иной должен погибнуть, и, следовательно, единственный вопрос, который им предстояло решить, заключался в том, кто должен быть жертвой - мать или сын. Наконец, после долгой и торжественной паузы, Сенека посмотрел на Бурра и спросил, можно ли положиться на солдат под его командованием в том, что они казнят Агриппину. Бурр покачал головой. Солдаты, по его словам, испытывали такое почтение к семье Германиков, из которой происходила Агриппина, что они не стали бы совершать такую кровавую работу над кем-либо из ее представителей. "Кроме того, - сказал он, - Аничет взял на себя эту обязанность. На него возложено завершить то, что он начал".

Аничет берется закончить свою работу.

Аницет с готовностью взялся за эту задачу. На самом деле у него был в этом личный интерес, поскольку после того, что произошло, он хорошо понимал, что для него не может быть никакой безопасности, пока жива Агриппина. Нерон, казалось, был вне себя от радости, обнаружив, что Аницет с такой готовностью идет навстречу его желаниям. "Действуй быстро, - сказал он, - делай то, что должен. Возьми с собой в помощники кого пожелаешь. Если ты выполнишь эту работу, я буду считать, что обязан своей империей твоей верности".

Аницет отправляется на виллу Агриппины.

Аницет, получив таким образом свое назначение, приказал небольшому отряду из флота сопровождать его и направился на виллу, где укрылась Агриппина. Он обнаружил толпу деревенских жителей, собравшихся у ворот виллы. Их привлекла туда весть о несчастье, случившемся с Агриппиной, им было любопытно узнать все подробности случившегося или, возможно, желая поздравить Агриппину со спасением. Когда эти крестьяне увидели приближающийся вооруженный отряд Аницета, они не знали, что это означало, но были сильно встревожены и разбежались во все стороны.

Стражники у ворот виллы Агриппины оказали некоторое сопротивление солдатам, но вскоре они были сбиты с ног; ворота распахнулись, и Аницет вошел во главе своего отряда морских пехотинцев. Агриппина, которая в это время находилась на своей кровати во внутренней комнате, услышала шум и суматоху и была сильно встревожена. Несколько друзей, которые были с ней, услышав шаги вооруженных людей на лестнице, в смятении выбежали из комнаты через отдельную дверь, оставив Агриппину наедине со своей служанкой. Служанка, немного помедлив, тоже убежала, и Агриппина, исчезая, сказала ей: "Ты тоже собираешься покинуть меня?" В тот же момент Аницет распахнул входную дверь и вошел в сопровождении двух своих офицеров. Трое вооруженных мужчин с выражением свирепой и безжалостной решимости на лицах подошли к постели Агриппины.

Агриппина была сильно напугана, но сохранила некоторое внешнее самообладание и, приподнявшись на постели, пристально посмотрела на своих убийц.

- Вы пришли от моего сына? - спросила она.

Они не ответили.

Разговор.

"Если вы пришли узнать, как я себя чувствую, - сказала она, - скажите ему, что мне лучше и скоро я совсем поправлюсь. Я не могу поверить, что он мог послать вас, чтобы причинить мне какое-либо насилие или вред".

Агриппина убита.

В этот момент один из убийц ударил несчастную мать своей дубинкой. Рука, однако, самого закаленного и безжалостного чудовища обычно поначалу немного подкашивается при выполнении подобной работы, и удар нанес Агриппине лишь незначительную рану. Однако она сразу поняла, что все потеряно - что наступил горький момент смерти, — но вместо того, чтобы поддаться эмоциям ужаса и отчаяния, которые, как можно было ожидать, должны были

переполнить сердце женщины в подобной ситуации, ее свирепый и неукротимый дух пробудился к новой жизни и силе в этой ужасной ситуации. Когда убийцы приблизились к ней с поднятыми в воздух мечами, готовясь ударить ее, она сбросила с себя постельное белье, чтобы обнажить себя, и призвала своих убийц ударить ее в утробу. "Именно там, - сказала она, - должен быть нанесен удар ножом, когда мать должна быть убита своим сыном". Она была мгновенно пронзена насквозь, получив множество ран во всех частях тела, и умерла, барахтаясь в крови, которая потекла на кушетку, на которой она лежала.

Нерона переполняют угрызения совести и ужас.

Аницет и его товарищи, когда дело было сделано, некоторое время смотрели на безжизненное тело, а затем, снова собрав солдат, которых они оставили у ворот, вернулись в Байи с этой вестью. Первым чувством, которое Неро испытал, услышав, что все кончено, было облегчение. Однако вскоре он обнаружил, что каким бы чудовищем он ни был, его совесть еще не была настолько оуплена, чтобы он мог совершить подобный поступок, не вызвав ее бича. Как только он начал размышлять о том, что натворил, его душу переполнили раскаяние и ужас. Остаток ночи он провел в ужасных мучениях, иногда сидя молча и неподвижно, уставившись в пустоту, как будто его способности были сбиты с толку и потеряны, а затем внезапно вскакивал, изумленный и дрожащий, и дико озирался по сторонам, словно охваченный внезапным безумием. Его дикий и жуткий вид, конвульсивная жестикуляция, бессвязный бред и стоны свидетельствовали об ужасе, который он пережил, и были настолько ужасны, что его офицеры и сопровождающие шарахались от его присутствия и не знали, что делать.

Он становится более спокойным.

Наконец они послали одного за другим, чтобы попытаться успокоить его. Однако их усилия не увенчались большим успехом. Когда наступило утро, оно принесло с собой некоторую степень успокоения; но ужасное бремя вины, давившее на разум Неро, все еще делало его невыразимо несчастным. Он сказал, что больше не мог оставаться на месте, поскольку все, что он видел: виллы, корабли, море, берег и все другие предметы вокруг него, были настолько связаны в его сознании с мыслью о его матери и воспоминанием о его ужасном преступлении, что он не мог их вынести.

Мертвое тело.

Тем временем, как только слуги и прислуга на вилле Агриппины обнаружили, что Аницет и его отряд ушли, они вернулись в покои своей госпожи и с невыразимым ужасом взирали на зрелище, которое их там ожидало. Аницет оставил нескольких своих людей позаботиться о захоронении тела, поскольку было важно, чтобы оно было убрано с глаз долой без промедления, поскольку можно было ожидать, что все, кто увидит его, будут возмущены до крайности против исполнителей такого преступления. Лицо в состоянии покоя, которое оно приняло после смерти, казалось чрезвычайно красивым и, казалось, обращалось с немой, но трогательным призывом к сочувствию каждого зрителя. Следовательно, необходимо было поторопиться. Кроме того, сами солдаты были нетерпеливы. Они хотели поскорее покончить со своей ужасной работой и уйти.

Сожжение тела Агриппины.

Соответственно, они соорудили погребальную кучу в саду виллы, используя для этой цели те материалы, которые попались под руку, а затем перенесли тело Агриппины на кровать, на которой оно лежало, и положили все вместе на эту кучу. Костры были разожжены. Солдаты наблюдали за ним, пока куча почти не сгорела, а затем ушли, оставив убитых горем слуг Агриппины у тлеющих углей.

Глава IX.

Крайняя порочность.

62-64 гг. н. э.

Жестокость преступления Нерона, заключавшегося в убийстве Агриппины.

В сопутствующих обстоятельствах, связанных с убийством Нероном своей матери, не было ничего, что могло бы хоть в малейшей степени смягчить этот поступок. Это не было актом самозащиты. Агриппина не причиняла ему и не собиралась причинять ему никакого вреда. Это не был акт поспешного насилия, вызванный внезапной страстью. Это не требовалось по какой-либо политической необходимости как средство для достижения какой-то великой и желанной общественной цели. Это было хладнокровное, преднамеренное и хорошо продуманное преступление, совершенное исключительно с целью убрать с пути совершившего его препятствие для совершения другого преступления. Нерон хладнокровно убил свою мать просто потому, что она мешала его планам развестись со своей невинной женой и жениться по прелюбодеянию на другой женщине.

Послания Нерона сенату.

Действия сената.

В течение некоторого времени после совершения этого великого преступления разум Нерона терзали ужасные страхи, и он постоянно, днем и ночью, испытывал муки раскаяния и ужаса. Он не осмеливался вернуться в Рим, не зная, до какой высоты может дойти народное негодование, которое, естественно, было бы вызвано столь чудовищным поступком, и каковы были бы последствия для него, если бы он появился в городе. Соответственно, он некоторое время оставался на побережье в Неаполе, городе, в который он удалился из Байи. Отсюда он отправлял различные послания в римский сенат, объясняя и оправдывая то, что он называл казнью своей матери. Он сделал вид, что признал ее виновной в изменническом заговоре против него и против государства и что ее смерти настоятельно требовали как единственного средства обеспечения общественной безопасности. Сенаторы ненавидели Нерона и питали отвращение к его преступлениям; но они были охвачены благоговейным страхом перед ужасной властью, которую он осуществлял над ними через армию, которая, как они знали, была полностью подчинена его воле, и их ужасал его безжалостный и отчаянный характер. Они приняли резолюции, одобряющие то, что он сделал. Его офицеры и фавориты в Риме прислали ему весточку о том, что в столице с отвращением относятся к памяти Агриппины и что, уничтожив ее, он, по общему мнению, оказал большую услугу государству. Эти представления в какой-то мере успокоили его, и в конце концов он вернулся в город.

Нерон разводится с Октавией и женится на Пoppее.

В свое время он развелся с Октавией и женился на Пoppее. Октавия, однако, все еще оставалась в Риме, проживая в отведенных ей апартаментах в одном из императорских дворцов. Ее высокое происхождение и выдающееся положение, а главное, сочувствие, которое испытывали к ней в ее несчастьях, сделали ее объектом большого внимания. Народ возложил гирлянды на ее статуи в общественных местах города и снес те, что были установлены по приказу Нерона на статуях Пoppей. Эти и другие проявления народных чувств распалили ненависть и ревность Пoppей до такой степени, что она подкупила одного из слуг Октавии обвинить свою госпожу в позорном преступлении. После такого обвинения других женщин, находившихся на службе у Октавии, вздернули на дыбу, чтобы заставить их свидетельствовать против нее. Они, однако, несмотря на пытки, продолжали настаивать на ее невиновности. Тем не менее Пoppей настаивала на том, чтобы ее осудили, и в конце концов, чтобы скомпрометировать дело, Нерон согласился изгнать ее из города.

Октавия изгнана из Рима.

Аницет.

Ее отправили на виллу на берегу моря, по соседству с тем местом, где стоял Аницет со своим флотом. Но Пoppей не позволила ей жить спокойно даже в изгнании. Вскоре она выдвинула против нее обвинение в организации заговора против правительства Нерона и в подкупе Аницета с целью заручиться сотрудничеством флота в осуществлении предательских замыслов. Сам Аницет засвидетельствовал истинность этого обвинения. Он сказал, что Октавия разработала такой план и что она лично полностью отдалась ему, чтобы побудить его присоединиться к нему. Соответственно, Октавия была приговорена к смерти.

Несмотря на показания Аницета, в то время Октавия не считалась виновной по тому обвинению, по которому ее осудили. Предполагалось, что Аницет был побужден обещаниями и взятками Нерона и Пoppей сфабриковать эту историю, чтобы у них был предлог предать Октавию смерти. Как бы то ни было, несчастная принцесса была осуждена, и вынесенный ей приговор гласил, что она должна умереть.

Несчастливая судьба Октавии.

Обвинения против нее.

Жизнь Октавии, каким бы высоким ни было ее положение по отношению к земному величию, была полна непрерывных страданий и печали. Она была замужем за Нероном, когда была совсем ребенком, и в течение всего периода ее связи с мужем он относился к ней с постоянной недоброжелательностью и пренебрежением. В конце концов она была жестоко разведена с ним и изгнана из своего родного города по обвинению самого позорного характера, хотя и полностью ложному, — и до того, как против нее было выдвинуто это последнее обвинение, казалось, что перед ней не было ничего, кроме перспективы провести остаток своих дней в жалком и безнадежном изгнании. Она все еще цеплялась за жизнь, и когда посланцы Нерона пришли сказать ей, что она должна умереть, ее охватили волнение и ужас.

Она приговорена к смерти.

Она умоляла их со слезами и агонией сохранить ей жизнь. Она сказала, что никогда не доставит императору никаких хлопот или каким-либо образом вмешается в его планы. Она добровольно

отказалась от всех притязаний на то, чтобы быть его женой, и всегда будет считать себя всего лишь его сестрой. Она будет жить в уединении в любом месте, которое Нерон назначит ей местом жительства, и никогда не причинит ему ни малейшего беспокойства. Палачи прервали эти мольбы, схватив несчастную принцессу посреди толпы, связали ей руки и ноги ремнями и вскрыли вены. Однако при таком обращении она потеряла сознание, и когда вены были вскрыты, несчастная жертва лежала пассивная и бесчувственная в руках своих палачей, и кровь не текла. Поэтому они отнесли ее в баню, которая оказалась наготове неподалеку, и, заперев ее в ней, оставили задыхаться от пара.

Крайняя порочность.

Таким образом, великое преступление, венчавшее жизнь Нерона, — ибо убийство Агриппины, прелюбодейный брак с Поппеей и последующее убийство Октавии следует рассматривать как одно, хотя и сложное преступление, — было совершенным. Это было преступление высшей степени жестокости. Открыть путь к прелюбодейному браку преднамеренным и жестоким убийством матери, а затем скрепить его убийством невинной жены, очерняя в то же время память о ней позором, совершенно незаслуженным, представляет собой преступление, которое по своей противоестественной и чудовищной чудовищности должно рассматриваться как стоящее во главе всего, чего когда-либо достигла человеческая развращенность.

Нерон приходит в себя от угрызений совести.

Его различные преступления.

Нерон постепенно оправился от угрызений совести и ужаса, с которыми совершение этих злодеяний поначалу повергло его в ужас; и, чтобы ускорить свое освобождение, он безрассудно бросался во всевозможные буйства и излишества и в конце концов настолько закалил себя в преступлениях, что в течение оставшейся части своей жизни совершал самые отвратительные поступки без каких-либо видимых угрызений совести. В конце концов он убил саму Поппею ударом ноги, который нанес ей в порыве страсти в то время, когда обстоятельства сложились для нее так, что насилие вызвало преждевременную и неестественную болезнь. Позже он приказал своим рабам утопить ее сына в море, когда тот был на рыбалке, потому что понимал, что мальчик, играя с другими детьми, часто разыгрывал роль императора. Он отравил своего генерала Берруса. Он послал ему яд под предлогом, что это медицинское средство от отека горла, которым страдал Беррус. Под таким впечатлением Беррус выпил настойку и умер. Подобными средствами он уничтожил в течение своей жизни большое количество своих родственников и государственных чиновников, так что едва ли был хоть один человек, вступивший с ним в какую-либо близкую связь, которая рано или поздно не закончилась бы насильственным путем.

Общественные дела оставлены без внимания.

В течение всего своего правления Нерон почти полностью пренебрегал государственными делами империи, очевидно, рассматривая огромную власть и огромные ресурсы, находившиеся в его распоряжении, лишь как средство для более полного удовлетворения своих личных склонностей и страстей. Единственным честолюбием, которое, казалось, когда-либо двигало им, было стремление к славе певца и актера на сцене.

Его выступления на сцене.

Музыкальное образование.

Успех Нерона.

Его обученные аплодисменты.

Правила и распорядок в театре.

В то время, когда он начинал свою карьеру, считалось совершенно недостойным любого римлянина высокого ранга выступать в любом публичном представлении подобного рода; но Нерон, имея в юности высокое представление о своих достоинствах как певца, с большим усердием посвятил себя совершенствованию своего голоса, и, поскольку льстецы, которые, конечно же, всегда были рядом с ним, поощряли его в том, что он делал, его интерес к музыкальному искусству со временем превратился в экстравагантную страсть. Он с величайшим терпением подвергался строгим тренировкам, обычным в те времена для развития и улучшения голоса; таким как длительное лежание на спине со свинцовой тяжестью на груди, чтобы заставить мышцы грудной клетки подвергаться чрезвычайному напряжению с целью их укрепления, а также приему различных лекарств для очищения голоса и расслабления организма. Он был настолько доволен успехом этих усилий, что начал испытывать огромное желание выступать публично на сцене. Соответственно, он начал принимать меры для этого. Впервые он появился на частных выставках, в императорских дворцах и садах, где присутствовали только знать Рима и приглашенные гости. Однако он постепенно расширял свою аудиторию и, наконец, вышел на общественную сцену — сначала, однако, для того, чтобы подготовить общественное сознание к тому, что в противном случае они сочли бы большим унижением, побуждая сыновей некоторых представителей высшей знати участвовать в подобных развлечениях. Он был так доволен успехом, который, как он себе представлял, постиг его в этой карьере, что посвятил подобным выступлениям большую часть своего времени в течение всей своей жизни. Конечно, его любовь к аплодисментам в его театральной карьере возросла слишком быстро, чтобы удовлетворяться естественными и обыденными средствами ее удовлетворения, и, соответственно, он самым абсурдным образом организовал создание для своих выступлений вымышленной и фальшивой знаменитости. Одно время у него был наемный отряд из пяти тысяч человек, которые аплодировали ему в огромных цирках и амфитеатрах, где он выступал. Этим людей регулярно обучали искусству аплодировать, как будто это было искусство, которым можно овладеть путем учебы и наставлений. Фактически, это было искусством в том виде, в каком они его практиковали, — разные виды аплодисментов были назначены для разных видов заслуг, и от исполнителей требовалась предельная точность в согласованности их действий и в их повиновении сигналам. Он также требовал, чтобы в те дни, когда ему предстояло выступить, двери театра были закрыты, когда публика в сборе, и ни под каким предлогом не допускался никакой выход. Такие правила, конечно, вызывали много нареканий и насмешек, особенно потому, что сеансы на этих зрелищах иногда были затяжными и утомительными до последней степени. Даже внезапная болезнь не была достаточной причиной для того, чтобы позволить зрителю уйти, и поэтому говорили, что люди иногда симулировали смерть, чтобы их проводили на похороны. Говорили, что в некоторых случаях роды происходили в театрах, матери неосторожно приходили вместе с толпой посмотреть на зрелище, должным образом не обдумав, каков может быть эффект возбуждения, а затем им не разрешали удалиться.

Скачки и игры.

Неро обычно выходит победителем.

Помимо пения и игры на сцене, Неро принимал участие во всех других общественных развлечениях. Он участвовал в качестве конкурента за приз в скачках и играх всех видов. Конечно, он всегда выходил победителем. Эта цель достигалась иногда при тайном попустительстве других участников, а иногда и путем открытого подкупа судей. Нелепое тщеславие и самомнение Нерона, казалось, были полностью удовлетворены получением приза, не обращая никакого внимания на вопрос о том, заслужен ли он его. Иногда он возвращался из поездок по чужим городам, где выступал на сцене на больших публичных празднествах, и с триумфом въезжал в Рим, с гирляндами, коронами и другими наградами, которые он завоевал, шествуя перед ним в процессии, в манере, в которой выдающиеся полководцы имели обыкновение демонстрировать трофеи своих военных побед, возвращаясь из зарубежных кампаний.

Его личное поведение и характер.

Его ночные потасовки.

На самом деле Нерон вообще появлялся перед публикой только в совершении подобных жалких безумств, а в своем личном поведении и характере он очень быстро опустился, после того как пришел к власти, до самой низкой степени расточительности и порока. Проведя вечер в пьянстве и разврате, он, как уже говорилось, в полночь выходил на улицы, чтобы смешаться там с самыми мерзкими мужчинами и женщинами города в драках и беспорядках. Во время этих прогулок он нападал на мирные группы, которых случайно встречал на улицах, и, если они оказывали сопротивление, он и его товарищи избивали их и сбрасывали в каналы или открытую канализацию. Иногда в этих боях он сам терпел поражение, и однажды он был очень близок к тому, чтобы расстаться с жизнью, будучи почти убитым ударами, нанесенными ему неким римским сенатором, жену которого он оскорбил, когда она шла со своим мужем по улице. Сенатор, конечно, его не знал. Он обычно ходил в театр переодетым, в компании с бандой товарищей, похожих по характеру на него самого, и высматривал возможности спровоцировать там беспорядки. Всякий раз, когда ему удавалось довести эти беспорядки до настоящего насилия, он вмешивался в драку и бросал в людей камни и обломки сломанных скамеек и мебели.

Беспорядки и излишества.

Его великие пиры.

Искусственное озеро.

Через некоторое время, когда он стал более смелым и отчаянным в своем злодействе, он начал сбрасывать всякую маскировку и, наконец, казалось, действительно получал гордость и удовольствие, демонстрируя сцены буйства и излишеств, в которых он участвовал, самым наглым образом на глазах у публики. Он устраивал большие пиршества в общественных амфитеатрах и на арене цирка и пьянствовал там в компании самых распутных мужчин и женщин города — зрелище для всего населения. В одной части города находилось большое искусственное озеро или водохранилище, построенное с целью демонстрации имитационных представлений маневров флотов и морских сражений для развлечения людей на больших общественных праздниках. Конечно, на берегу этого озера было множество рядов сидячих мест для размещения зрителей. Нерон завладел этим сооружением для некоторых своих кутежей, чтобы получить больше простора для шоу. В таких случаях воду сливали и закрывали ворота, а затем устилали дно резервуара, чтобы освободить место для столов.

Огромные суммы денег, потраченные Нероном.

Его любимцы.

Его экскурсии в Остию.

Суммы денег, которые Нерон тратил в погоне за чувственными удовольствиями, были неисчислимы. На самом деле его расточительности не было границ. Разумеется, в его распоряжении были все сокровища империи, и, кроме того, он нажил огромные суммы путем штрафов, конфискации и деспотических поборов различного рода; и поскольку он не предпринимал никаких общественных предприятий — редко участвовал в иностранных войнах и редко предпринимал какие-либо полезные строительства в городе, — огромные ресурсы, находившиеся в его распоряжении, были полностью потрачены на показную личную жизнь и чувственные удовольствия. Пышность и великолепие его пиров, его процессий, его увеселительных поездок и суммы, которые он, как говорят, расточал иногда деньгами и драгоценностями, а иногда виллами, садами и экипажами своим любимцам, как мужчинам, так и женщинам, почти невероятны. Во время некоторых увеселительных экскурсий, которые он совершал к устью Тибра, вдоль берегов реки на всем пути от реки до моря стояли палатки и дорогие шатры. В этих шатрах были устроены роскошные развлечения, а также кровати и кушетки для отдыха; и всем им прислуживали красивые девушки, которые стояли у дверей, приглашая Нерона и его спутников сойти на берег, когда они проплывали по реке на своих баржах. Он ловил рыбу золотой сетью, которая тянулась шелковыми шнурами насыщенного алого цвета. Время от времени он совершал грандиозные увеселительные поездки по Италии или в Грецию в стиле королевских путешествий. В этих экспедициях у него иногда было не менее тысячи повозок для перевозки своего багажа — мулы, которые тянули их, были все подкованы серебром, а их погонщики были одеты в алые одежды самого дорогого качества. Кроме того, во время этих экскурсий его сопровождала многочисленная свита лакеев и слуг-африканцев, которые носили на руках богатые браслеты и восседали на лошадях в великолепных пополах.

Сожжение Рима.

Нерона обвиняют в поджоге.

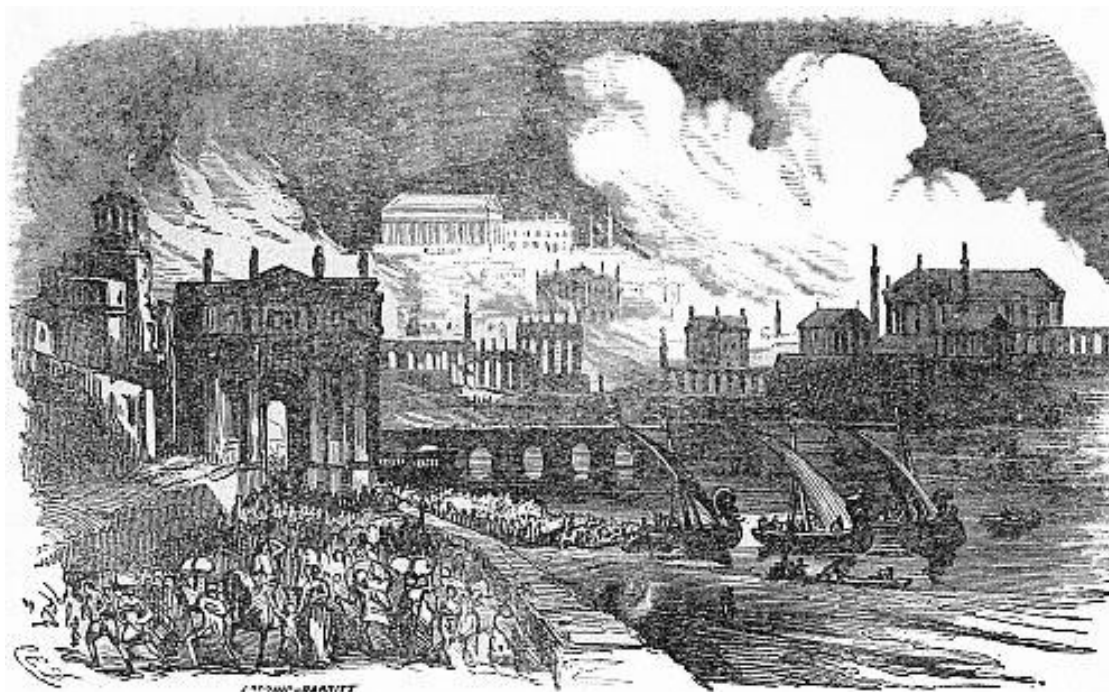
Его вероятные мотивы.

Он приходит посмотреть на пожар.

Он празднует это событие песней.

Одним из самых замечательных событий, произошедших во время правления Нерона, было то, что получило название сожжения Рима, — большой пожар, в результате которого была разрушена большая часть города. В то время очень широко распространялось мнение, что это разрушение было делом рук самого Нерона, плодом его безрассудной и умышленной развращенности. Правда, нет никаких убедительных доказательств того, что пожар был устроен по приказу Нерона, хотя один из историков того времени утверждает, что когда начался пожар, были замечены приближенные слуги, принадлежавшие к дому Нерона, которые ходили от дома к дому с горючими предметами и факелами, распространяя пламя. Сам он в то время находился в Анции и приехал в Рим только после того, как пожар бушевал уже много дней. Если это правда, что пожар был делом рук Нерона, то не предполагается, что он замыслил вызвать столь масштабный пожар. Возможно, он намеревался разрушить лишь несколько зданий, занимавших территорию, которую он хотел занять для расширения своих дворцов; хотя некоторые авторы утверждали, что на самом деле он намеревался разрушить большую

часть города, чтобы обессмертить свое имя, отстроив его в новом и более великолепном виде. К этим мотивам, если это действительно были его мотивы, несомненно, примешивалось чувство злорадного удовлетворения от всего, что могло привести в ужас и мучить несчастных подданных его власти. Когда он приехал в Рим из Анция в то время, когда пожар был в самом разгаре, он обнаружил, что весь город представляет собой сцену неопишемого ужаса и отчаяния. Тысячи людей были сожжены заживо или раздавлены под руинами рухнувших домов. Улицы были завалены горами сожженных и сломанных товаров и мебели. Множество людей, почти изнемогающих от усталости, отчаянно трудились в безнадежных попытках потушить пламя или спасти хоть какие-то остатки своего имущества, а обезумевшие матери, дикие и измощенные от ужаса и отчаяния, бродили взад и вперед в поисках своих детей, — некоторые стонали от боли, а некоторые оглашали воздух громкими и неистовыми криками. Нерона эта сцена развлекала так, словно это было великое драматическое зрелище. Он пошел в один из театров и, заняв свое место на сцене, развлекался там пением и исполнением знаменитого сочинения на тему сожжения Трои. По крайней мере, в городе говорили и в целом верили, что он это сделал, и умы людей были возбуждены против бесчеловечного монстра до высшей степени негодования. На самом деле, Нерон, похоже, наконец решил, что зашел слишком далеко, и начал всерьез прилагать усилия, чтобы хоть отчасти избавить народ от его страданий. Он приказал установить на плацу большое количество палаток для временного укрытия и привез в город свежие запасы кукурузы, чтобы спасти людей от голода. Однако эти меры милосердия были приняты слишком поздно, чтобы восстановить его репутацию. Люди приписывали страдания, вызванные этим ужасным бедствием, его отчаянной злобности, и он стал объектом всеобщего проклятия.

Сожжение Рима.

Глава X.

Заговор Пизона.

65 г. н. э.

Происхождение и природа заговора Пизона.

Хотя народ Рима в целом был настолько потрясен ужасом перед властью Нерона, что в течение длительного периода никто не осмеливался оказывать какое-либо открытое сопротивление его воле, все же его эксцессы и жестокости возбуждали в умах людей великое множество тайных чувств негодования и отвращения. В какой-то период его правления некоторыми ведущими людьми государства был составлен отчаянный заговор с целью свергнуть и уничтожить тирана. Этот заговор был очень обширным и очень грозным. Однако он был случайно обнаружен до того, как стал полностью зрелым, и поэтому потерпел неудачу. Он известен в истории как Заговор Пизона, получивший свое название в честь главного его руководителя Кая Кальпурния Пизона.

Однако не предполагается, что Пизон был стопроцентным инициатором заговора, и на самом деле неизвестно, кто был его инициатором. В заговор было вовлечено большое количество выдающихся людей — людей, которые, обладая очень разными характерами и занимая очень разное положение в жизни, вероятно, были побуждены различными мотивами принять участие в заговоре. Однако заговор такого рода против такого безжалостного тирана, как Нерон, представляет собой предприятие столь ужасной опасности и в случае неудачи влечет за собой такие ужасные последствия для всех, кто в нем замешан, что люди редко прибегают к подобному плану, пока не доведены до отчаяния и почти обезумели от перенесенных обид.

Лукан, латинский поэт.

Его ссора с Нероном.

И все же раздражение, которое эти заговорщики испытывали против Нерона, по-видимому, было вызвано, по крайней мере в некоторых случаях, причинами, которые мы сейчас должны считать довольно неадекватными. Например, одним из наиболее активных членов этой тайной лиги был знаменитый латинский поэт Лукан. В начале своей жизни Лукан был одним из главных льстецов Нерона, написав гимны и сонеты в его честь. Наконец, как было сказано, состоялось какое-то публичное мероприятие, на котором должны были публично декламироваться стихи за приз. Неро, который воображал себя непревзойденным во всех человеческих искусствах или достижениях, предложил на конкурс несколько собственных стихотворений. Приз, однако, был присужден Лукану. Соответственно, разум Нерона был полон зависти и ненависти к своему сопернику, и вскоре он нашел какой-нибудь предлог, чтобы запретить Лукану когда-либо снова публично декламировать какие-либо стихи. Это, конечно, в свою очередь вывело Лукана из себя и стало причиной его участия в заговоре.

Lateranus.

Знаменитость с его именем.

Церковь святого Иоанна Латеранского.

Другим из заговорщиков был некий римский аристократ, фамилия которого с тех пор стала очень широко известна во всех частях цивилизованного мира благодаря поместью в городе, с

которым она была связана, — каковое поместье и некоторые возведенные на нем здания впоследствии стали широко известны в церковной истории Рима. Звали этого дворянина Плавтий Латеран. Когда Латеран был казнен при раскрытии заговора способом, который будет описан ниже, его имущество было конфисковано. Таким образом, дворец и территория перешли в собственность римских императоров. Со временем император Константин передал это место папе римскому, и с того периода оно оставалось резиденцией сменявших друг друга понтификов в течение тысячи лет. На земле была построена церковь, названная базиликой святого Иоанна Латеранского, где проводились многие древние соборы, известные в церковной истории как Латеранские соборы. Эта церковь до сих пор используется для некоторых церемоний, связанных с инаугурацией папы римского, но сейчас дворец необитаем. Однако в своих руинах он представляет собой обширный и внушительный, хотя и заброшенный вид.

Латеран был беспринципным и распутным человеком, и вследствие определенных преступлений, которые он совершил в связи с Мессалиной во время правления Клавдия, он был приговорен к смертной казни. Смертный приговор не был приведен в исполнение, хотя Латеран был лишен своего сана и обречен жить в отставке и позоре. После смерти Клавдия и восшествия на престол Нерона Латеран был полностью помилован и восстановлен в своем прежнем звании и должности с помощью Нерона. Можно было бы предположить, что благодарность за эти милости помешала бы Латерану присоединиться к подобному заговору против своего благодетеля, но благодарности очень мало места в сердцах тех, кто обитает при дворах и дворцах таких тиранов, как Нерон.

Фений Руфус.

Человеком, на которого заговорщики больше всего полагались в плане эффективной военной помощи, поскольку такая помощь могла понадобиться в их предприятии, был некий Фений Руф, капитан императорской гвардии. Он был человеком очень решительного характера и пользовался очень высоким уважением народа Рима. Он не был одним из зачинщиков заговора, но присоединился к нему позже; и когда новость о его присоединении к нему была доведена до остальных, это их очень ободрило, поскольку они придавали большое значение присоединению такого человека к их делу. Теперь они немедленно начали принимать меры для осуществления своих планов.

Женщина, посвященная в тайну.

В тайне этого заговора была женщина, хотя, как она узнала об этом, похоже, никто не знал. Ее звали Эпихарис. В то время как осуществление планов сообщников откладывалось, Эпихарид тайно приходил к главным заговорщикам, сначала к одному, а затем к другому, и призывал их к действию. Никто из участников заговора не признался, что они предоставили ей какую-либо информацию по этому вопросу, и как она получила эту информацию, никто не мог сказать. У нее был дурной характер, и, как это часто бывает с такими женщинами, она была жестокой и неумолимой в своей ненависти. Она ненавидела Нерона, и была так раздражена задержкой заговорщиков, что предпринимала неоднократные и серьезные попытки подстегнуть их.

Планы и договоренности заговорщиков.

Заговорщики тем временем проводили различные тайные совещания, чтобы выработать свои планы и завершить подготовку к их осуществлению. Они намеревались уничтожить Нерона каким-либо насильственным путем, а затем добиться провозглашения Пизона императором вместо него. Пизон был человеком, хорошо подходящим для их целей в этом отношении. Он был высок и грациозен, и его внешность была во всех отношениях привлекательной. Его ранг был очень высок, и все жители города высоко ценили его за многие великодушные и благородные качества, которыми он обладал. Кроме того, он был связан узами родства с самыми знатными семьями Рима и занимал во всех отношениях столь заметное положение и пользовался таким расположением народа, что заговорщики полагали, что его возвышение на трон империи может быть легко осуществлено, если убрать с дороги самого Нерона. Таким образом, убийство Нерона было первым шагом.

Смелые предложения Флавия.

Дворец будет подожжен.

После долгих дебатов и многочисленных консультаций относительно наилучшего курса действий, было решено принять предложение некоего Субрия Флавия, который взялся убить императора на улице, ночью, в то время, когда он бродил по своим кутежам. Флавий, на самом деле, был очень смел и решителен в своих предложениях, хотя и испытывал недостаток, как оказалось в конце концов, в их исполнении. Он предложил заколоть Нерона в театре, когда тот шел на сцене, посреди всех собравшихся там тысяч зрителей. По-видимому, заговорщики сочли это излишне смелым и отчаянным способом достижения поставленной цели, и план был соответственно отклонен. Затем Флавий предложил поджечь дворец как-нибудь ночью, когда Нерон будет в городе, а затем, в возникшей бы неразберихе, когда внимание сопровождавших Нерона стражников будет привлечено к огню, убить императора на улице. Заговорщики согласились с этим планом, и Флавию было предоставлено выбрать благоприятное время для его осуществления.

Эпихарис нетерпелива.

Однако время шло, а ничего не делалось. Благоприятный момент, которого ждал Флавий, не наступал. Тем временем Эпихарис становился все более и более нетерпеливым из-за задержки. Она убеждала заговорщиков выполнять свою работу и в самых решительных выражениях упрекала их в нерешительности и малодушии. Наконец, обнаружив, что ее брань и упреки бесполезны, она решила оставить их и посмотреть, что она сама может сделать для достижения цели.

Она поступает во флот.

Соответственно, она покинула Рим и направилась на юг вдоль побережья, пока не прибыла в Мизену, которая, как уже было сказано, в то время была главной военно-морской базой империи. Эпихария отправилась к некоторым офицерам флота, многих из которых она знала, и в очень секретной и осторожной форме сообщила им о природе заговора, который был составлен в Риме с целью свержения Нерона и возведения Пизона на трон империи вместо него. Однако, прежде чем сообщать сведения о заговоре каким бы то ни было лицам, Эпихарид тайно и конфиденциально беседовал с ними, чтобы узнать, как они относились к Нерону и его правительству. Если она и нашла их расположенными к себе, то ничего не сказала. С другой стороны, если кто-либо проявлял недовольство правительством или какую-либо враждебность к

нему, она осторожно сообщала ему о планах, которые вынашивались в Риме для его свержения. Однако во время этих бесед она следила за тем, чтобы при ней никогда не присутствовало более одного человека одновременно, и не раскрывала ни одного имени заговорщиков.

Она общается с Прокулом в Мизене.

Среди других офицеров флота был некий Прокул, который был одним из первых, с кем общался Эпихарид. Прокул был одним из тех, кого Нерон нанял для покушения на свою мать Агриппину, и за свои услуги в этом случае был повышен до командования определенным количеством кораблей, насчитывавших в общей сложности тысячу человек. Однако это повышение, как обнаружила Эпихария, когда пришла поговорить с ним, Прокул не считал такой уж большой наградой, какой заслуживали его заслуги. Совершение такого ужасного преступления, как убийство матери императора, заслуживало, по его мнению, как он сказал Эпихариду, гораздо более высокой награды, чем командование тысячей человек. Эпихарис тоже так думал. Она говорила с Прокулом о его обидах и оскорблениях, которые он перенес из-за неблагодарности и пренебрежения Нерона, пока ей не показалось, что он находится в таком состоянии духа, которое подготовит его к участию в планах заговорщиков, и тогда она осторожно раскрыла ему их.

Прокул раскрывает заговор Нерону.

Прокул с видимым интересом выслушал сообщение Эпихария и притворился, что очень сердечно вникает в план заговора; но как только беседа была закончена, он немедленно покинул Мизену и немедленно отправился в Рим, где рассказал обо всем замысле Нерону.

Нерон в замешательстве.

Эпихарид заключен в тюрьму.

Нерон был чрезвычайно встревожен и немедленно послал офицеров схватить Эпихариду и привести ее к нему. Эпихария, когда ее допросили и поставили лицом к лицу с Прокулом, решительно отрицала, что у нее когда-либо был какой-либо подобный разговор с Прокулом, как он утверждал, и изобразила крайнее изумление по поводу того, что она назвала дерзостью его обвинения. Она призвала свидетелей и доказательства. Прокул, конечно, ничего не смог предъявить, поскольку Эпихарид позаботился о том, чтобы при их допросе не присутствовало третье лицо. Прокул не смог даже назвать имен ни одного из заговорщиков в Риме. Он мог только настаивать на своем заявлении, что Эпихария действительно раскрыла ему существование заговора и предложила ему присоединиться к нему; в то время как она, напротив, столь же решительно и категорически отрицала это. Нерон был озадачен. Он обнаружил, что не может решить, чему верить. В конце концов он уволил Прокула и отправил Эпихариду в тюрьму, намереваясь, чтобы она оставалась там до тех пор, пока он не проведет более полное расследование этого дела и не решит, что делать.

Тем временем заговорщики сильно встревожились, когда услышали об аресте Эпихариды, и хотя они знали, что до сих пор она ничего не раскрыла, они не могли сказать, как скоро ее верность и твердость могут сдать под пытками, которым она подвергалась каждый день; и поскольку теперь, казалось, не было никакой перспективы, что Флавий когда-либо возьмется за осуществление своего плана, они начали изобретать какие-то другие средства достижения цели.

Новый план.

Возражения Пизона.

Похоже, что Пизон владел в то время виллой и загородным поместьем в Байях, на побережье к югу от Рима, недалеко от Мизены, и что Нерон имел обыкновение иногда навещать Пизона здесь. Теперь некоторые из заговорщиков предложили Пизону пригласить Нерона навестить его на этой вилле, как бы для того, чтобы он стал свидетелем каких-то зрелищ, которые должны были быть устроены там для его развлечения, и чтобы затем люди, нанятые для этой цели, внезапно убили его, когда он будет застигнут врасплох, посреди какой-нибудь сцены веселого веселья. Пизон, однако, возражал против этого плана. Он сказал, что с его стороны было бы бесчестно совершить акт насилия над гостем, которого он пригласил под свою крышу как своего друга. Он был готов взять на себя всю свою долю ответственности за уничтожение тирана любым честным и мужественным способом, но он не стал бы нарушать священные обряды гостеприимства для достижения цели.

Причины.

Итак, от этого плана отказались. Предполагалось, однако, что у Пизона была другая, более глубокая причина для его нежелания, чтобы Нерон был убит в Байях, чем уважение к его чести как хозяина. Говорили, что он думал, что для него было бы небезопасно находиться вдали от Рима, когда в капитолии будет объявлено о смерти Нерона, чтобы какой-нибудь другой римский вельможа или крупный государственный чиновник внезапно не восстал в критической ситуации и не принял на себя управление империей. На самом деле в Риме были один или два человека, обладавших большой властью и влиянием, которым Пизон особенно завидовали, естественно, он был очень склонен быть настороже, не открывая для них ни малейшей возможности прийти к власти. Совершить тяжкое преступление ради собственного возвышения и в то же время организовать его совершение таким образом, чтобы не только лишить себя ожидаемой выгоды, но и передать эту выгоду ненавистному сопернику, было бы очень фатальной ошибкой. Таким образом, план уничтожения Нерона в Байях был отклонен.

Окончательные договоренности согласованы.

Нерон будет убит в театре.

Наконец, был разработан еще один, и, как оказалось, окончательный план для достижения цели заговора. Было решено казнить Нерона в Риме, на большом публичном празднестве, которое в то время должно было состояться. По-видимому, в древние времена иногда было принято, чтобы лица, у которых была какая-либо просьба или прошение к императору или королю, пользовались случаем таких торжеств, чтобы представить их. Соответственно, было решено, что Латерану следует обратиться к Нерону в определенное время во время празднования игр, как бы для того, чтобы предложить петицию, поскольку другие заговорщики были поблизости и готовы действовать в любой момент. Латеран, как только он оказался достаточно близко, должен был опуститься на колени и внезапно обернуть одеяние императора вокруг его ног, а затем обхватить ноги, обернутые таким образом, руками, чтобы сделать Нерона беспомощным. Затем другие заговорщики должны были броситься вперед и убить свою жертву своими кинжалами. Тем временем, пока Латеран и его сообщники совершали это деяние в цирке, где должны были проходить игры, Пизон должен был расположиться в некоем храме неподалеку, чтобы дожидаться результата; в то время как Фений, офицер гвардии, который уже упоминался как главная военная опора заговорщиков, должен был находиться в другой части

города с военной кавалькадой в боевом порядке, готовый проехать по улицам и вывести Пизона для провозглашения императором, как только он получит известие о том, что Нерон убит. Говорят, что для придания дополнительного блеска и популярности процессу было решено, что Октавия, дочь Клавдия, бывшего императора, должна была быть выдвинута вместе с Пизоном в кавалькаде, как бы сочетая влияние ее наследственных притязаний, какими бы они ни были, с личной популярностью Пизона в пользу нового правительства, которое вот-вот будет установлено.

Назначены несколько частей.
Scevinus.

Таким образом, все было устроено. Каждому заговорщику была поручена его особая обязанность, и по мере приближения дня приведения плана в исполнение все, казалось, сулило успех. Очевидно, однако, что, поскольку дело было улажено, все зависело от решимости и верности тех, кому было поручено заколоть императора своими кинжалами, когда Латерану следовало схватить его за ноги. Малейшее колебание или страх на этом этапе были бы фатальными для всего плана. Человеком, на которого заговорщики в основном полагались в этой части своей работы, был некий отчаянный распутник по имени Сцевин, который был одним из первых зачинщиков заговора и одним из самых бесстрашных и решительных его организаторов, насколько это было возможно на словах и по профессии. Он особенно желал, чтобы ему была предоставлена привилегия вонзить первый кинжал в сердце Нерона. По его словам, у него был нож, который он нашел в одном храме давным-давно и с тех пор постоянно носил при себе для какого-то подобного деяния. Итак, было решено, что Сцевин нанесет смертельный удар.

Волнение Сцевина.

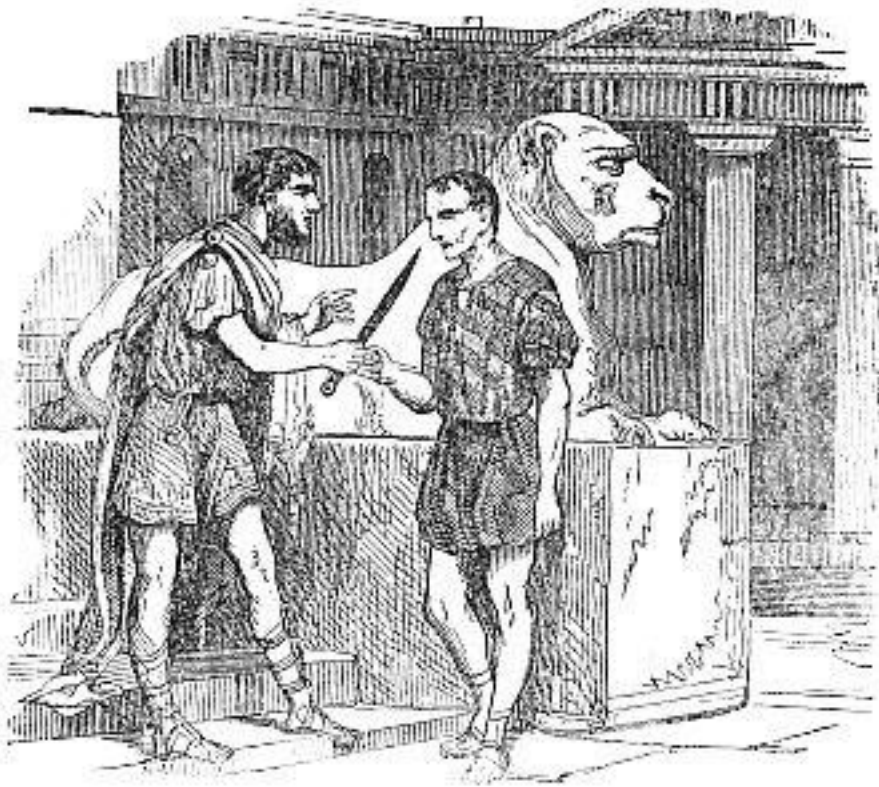
По мере того как приближалось время, Сцевин, казалось, все больше и больше возбуждался от мыслей о том, что ему предстояло. Он привлек внимание слуг в своем доме своим странным и загадочным поведением. Он долго и тайно совещался с Наталисом, другим заговорщиком, за день до того, как был назначен день приведения заговора в исполнение, при таких обстоятельствах, которые еще больше усилили удивление и любопытство его слуг. Он формально исполнил свою волю, как будто приближался к какому-то опасному кризису. Он делал подарки своим слугам и фактически освободил одного или двух своих любимых рабов. Он быстро и бессвязно беседовал со всеми, кого встречал, на различные темы и с видом веселья, который, как было очевидно для тех, кто наблюдал за ним, был напускным; ибо в промежутках между этими разговорами и при каждой паузе он снова впадал в задумчивое и отсутствующее настроение, как будто вынашивал какой-то глубокий и опасный замысел.

Его нож.

Он отдает свой нож Миличусу на растирание.
Миличус совещается со своей женой.

В ту же ночь он вынул свой нож из ножен и отдал его на растирание одному из своих слуг по имени Миличус. Он велел Миличусу быть особенно внимательным к заточке острия. Прежде

чем Милих вернул нож, Сцевин велел ему приготовить бинты, подходящие для перевязки ран, чтобы остановить кровотечение. Милихус выполнил все эти указания и, сделав все необходимые приготовления в соответствии с приказами, которые дал ему Сцевин, однако сохранив нож при себе, отправился доложить обо всем своей жене, чтобы проконсультироваться с ней относительно значения всех этих таинственных указаний.

Нож.

Их подозрения.

Жена Милича вскоре пришла к выводу, что эти странные действия могут означать не что иное, как заговор против жизни императора; и она убедила своего мужа отправиться туда рано утром следующего дня и сообщить о своем открытии. Она сказала ему, что такой заговор не может увенчаться успехом, поскольку о нем должно быть известно очень многим людям, кто-нибудь из которых обязательно разгласит его в надежде на вознаграждение. "Если ты разгласишь это, - добавила она, - ты обеспечишь себе награду; а если ты этого не сделаешь, предполагается, что ты посвящен в это, когда об этом узнают другие, и поэтому будешь принесен в жертву гневу Нерона вместе со всеми остальными".

Откровения, сделанные Милихусом.

Рассуждения жены убедили Милича, и на следующее утро, как только рассвело, он встал и отправился во дворец. Сначала ему было отказано во входе, но после того, как он сообщил придворному чиновнику, что у него есть сведения самой срочной важности для передачи Нерону, ему разрешили войти. Когда его привели в присутствие Нерона, он рассказал свою историю, подробно описав все обстоятельства, которые он наблюдал и которые привели его к

предположению, что был составлен заговор. Он рассказал о долгом и таинственном совещании, которое Сцевин и Наталис провели накануне; он описал странное поведение, которое впоследствии проявил Сцевин, исполнение его воли, его дикий и бессвязный разговор, его указания относительно заточки ножа и приготовления бинтов; и, в довершение своих доказательств, он предъявил сам нож, который он сохранил для этой цели и который, таким образом, в некотором смысле наглядно продемонстрировал истинность того, что он заявил.

Защита Сцевина.

Он отрицает утверждения своего обвинителя.

Немедленно были посланы офицеры, чтобы схватить Сцевина и привести его в присутствие императора. Сцевин, конечно, знал, что единственная возможная надежда для него заключалась в смелом и решительном опровержении выдвинутых против него обвинений. Соответственно, он самым торжественным образом отрицал, что существовал какой-либо заговор, и попытался объяснить все обстоятельства, которые пробудили подозрения его слуги. Нож или кинжал, который достал Миличус, по его словам, был древней семейной реликвией, которую он долгое время хранил в своей комнате и которую его слуга тайно добыл с целью подкрепления своих ложных и злонамеренных обвинений против своего хозяина. Что касается его завещания, он сказал, что часто составлял и подписывал завещание заново, как привыкли делать многие другие люди, и из того обстоятельства, что он сделал это накануне, нельзя было сделать никаких справедливых выводов против него; а что касается бинтов и других средств для перевязки ран, которые, по словам Миличуса, он заказал, он полностью отрицал это заявление. Он не отдавал никаких подобных приказов. Вся эта история была выдумкой подлого раба, пытающегося этими гнусными средствами добиться уничтожения своего хозяина. Сцевин произнес все это таким смелым и бесстрашным тоном и с таким видом оскорбленной невинности, что Нерон и его друзья были почти склонны поверить, что его обвинили несправедливо, и освободить его из-под стражи. Весьма вероятно, что так оно и было бы, и сам Миличус был бы наказан за ложное и злонамеренное обвинение, если бы проницательность его жены, которая все это время наблюдала за происходящим с самым тревожным интересом, не дала ключ к разгадке, который, в конце концов, выявил всю правду.

Неро озадачен.

Она обратила внимание на долгое совещание, которое Сцевин провел с Наталисом накануне. Соответственно, Сцевина спросили об этом. Он заявил, что его интервью было ничем иным, как невинной консультацией по поводу его личных дел. Затем его спросили о деталях беседы. Конечно, он был вынужден сфабриковать ответное заявление. Затем послали за самим Наталисом, и его допросили, кроме Сцевина, в связи с разговором, который они вели вместе. Наталис, конечно, тоже выдумала историю, но, как обычно в подобных выдумках, эти два рассказа, придуманные независимо друг от друга, были несовместимы друг с другом. Нерон немедленно убедился, что эти люди виновны и что был составлен какой-то заговор. Он приказал подвергнуть их обоим пыткам, чтобы заставить признаться в своем преступлении и раскрыть имена их сообщников. Тем временем их отправили в тюрьму и заковали в кандалы, чтобы держать в таком состоянии до тех пор, пока не будут готовы орудия пыток.

Наконец-то раскрыта правда.
Сцевин и Наталис делают полное признание.

Когда, наконец, их подвели к дыбе, вид ужасного механизма лишил их сил. Они умоляли пощадить их и обещали раскрыть все целиком. Они признали, что был составлен заговор, и назвали имена всех, кто в нем участвовал. Они также полностью объяснили разработанные планы, и поскольку в этом случае, хотя они были рассмотрены отдельно, их показания совпали, Нерон и его друзья были убеждены в правдивости их заявлений, и таким образом, наконец, заговор был полностью раскрыт. Сам Нерон был поражен ужасом, обнаружив огромную опасность, которой он подвергся.

Глава XI.

Судьба заговорщиков.

65 г. н. э.

Как только Нерон получил всю информацию, которую он и его офицеры могли извлечь из Сцевина и Наталия, и разослал по всем частям города для ареста тех, кого обвиняли принудительные разоблачения этих свидетелей, он подумал об Эпихарии, которого, как следует помнить, отправили в тюрьму и который все еще находился там в заключении. Он приказал передать Эпихариде, что скрывать больше невозможно, что Сцевин и Наталис полностью раскрыли заговор и что ее единственная надежда заключалась в том, чтобы полностью признаться во всем, что она знала.

Эпихарис отрицает, что ему что-либо известно о заговоре.

Это заявление никак не повлияло на Эпихариду. Она отказалась признать, что ей что-либо известно о каком-либо заговоре.

Тогда Нерон приказал подвергнуть ее пыткам. Машины были подготовлены, и она предстала перед ними. Вид их не произвел никаких изменений. Затем ее посадили на штурвал, и ее хрупкие и нежные конечности растягивали, вывихивали и ломали до тех пор, пока она не испытала все формы агонии, которые могли вызвать такие двигатели. Ее постоянство оставалось непоколебимым до конца. Наконец, когда она была настолько измучена своими страданиями, что больше не могла чувствовать боли, ее увезли, чтобы восстановить силы с помощью лекарств, сердечных снадобий и отдыха, чтобы она могла набраться сил, чтобы перенести новые пытки на следующий день.

Захваты и казни.
Всеобщая паника.

Тем временем по всему городу царили паника и возбуждение. Нерон удвоил свою охрану; он разместил гарнизон в своем дворце; он вывел отряды вооруженных людей и разместил их на стенах города и на общественных площадях или водил их маршем взад и вперед по улицам. Как только людей обвиняли, их сразу же допрашивали, и поскольку каждый видел, что

единственная надежда на спасение для него самого заключалась в свободном доносе на других, имена предполагаемых сообщников раскрывались в огромном количестве, и как только эти имена были получены, людей хватали и сажали в тюрьму или казнили — невиновных и виновных вместе.

Смерть Пизона.

При первом же сообщении о том, что заговор раскрыт, те из заговорщиков, которые все еще были на свободе, поспешили в дом Пизона. Они нашли его распростертым в ужасе и отчаянии. Они убеждали его немедленно выступить, встать во главе вооруженных сил и сражаться за свою жизнь. Каким бы отчаянным ни было такое предприятие, другого выхода, по их словам, у него теперь не оставалось. Но все было бесполезно. Заговорщикам не удалось побудить его к действию. Они были вынуждены уйти в отставку и оставить его на произвол судьбы. Он вскрыл вены на своей руке и истек кровью, пока солдаты, посланные Нероном, врываются в его дом, чтобы арестовать его.

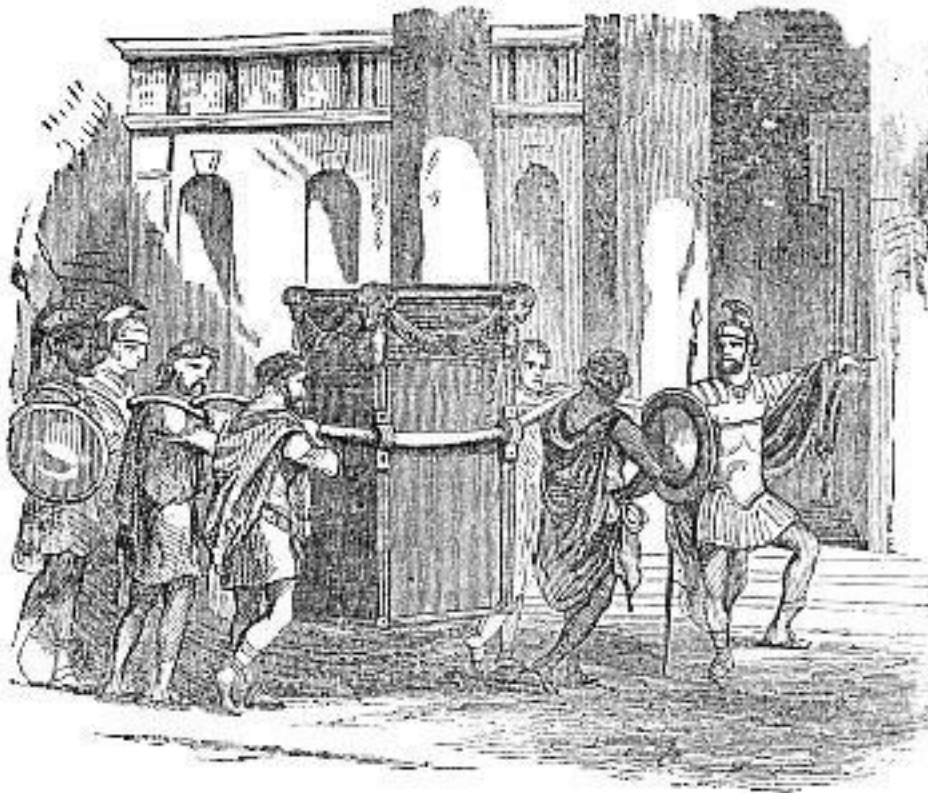
Заговорщики пали духом.

Лишившись, таким образом, своего лидера, заговорщики оставили всякую надежду совершить переворот и думали только о том, как укрыться от мести Нерона.

Эпихарида во время пыток.

Ее смерть.

Тем временем Эпихарида за ночь настолько пришла в себя, что на следующее утро было решено снова подвергнуть ее пыткам. Она была совершенно беспомощна — ее конечности были переломаны в результате вчерашней казни. Соответственно, офицеры поместили ее в нечто вроде паланкина или крытых носилок, чтобы носильщики могли отнести ее к месту пыток. Таким образом еедоставили на место, но когда палачи открыли дверцу кресла, чтобы вынести ее, они увидели шокирующее зрелище. Их несчастная жертва вырвалась из-под их власти. Она была повешена за шею, мертвая. Она ухитрилась сделать петлю на одном конце пояса, которым была подпоясана, и, прикрепив другой конец к какой-то части стула внутри, ей удалось перенести вес своего тела на петлю вокруг своей шеи, и она умерла, не потревожив своих носильщиков, пока они шли.

Приведение Эпихариса на

Пытку.

Заговорщики предстали перед Нероном.
Флавий.

Тем временем различные обвиняемые были схвачены в большом количестве и предстали перед чем-то вроде военного трибунала, который сам Нерон с несколькими своими главными офицерами устроил для этой цели в садах дворца. Число обвиняемых было так велико, что аллеи, ведущие в сад, были забиты ими и отрядами солдат, которые их вели, и множество людей было задержано у ворот в состоянии, конечно, ужасного ожидания и возбуждения, ожидая своей очереди. Довольно необычно получилось, что среди тех, кого Нерон вызвал в трибунал для суда над заключенными, были двое главных заговорщиков, которым еще не было предъявлено обвинение. Это были Субрий Флавий и Фений Руф, которых читатель, возможно, помнит как выдающихся участников заговора. Флавий был тем человеком, который когда-то покушался убить императора на улице, и, стоя рядом с ним на трибунале, он делал знаки другим заговорщикам, что готов вонзить ему нож в сердце прямо сейчас, если они только скажут слово. Но Руфусудержал его, с тревогой давая понять, что он ни в коем случае не должен пытаться это сделать. Руф на самом деле, похоже, был таким же слабовольным и нерешительным, каким Флавий был отчаянным и смелым.

Поведение Руфуса в саду.

На самом деле, хотя Руф, когда его вызвали в сад на суд над заговорщиками, не посмел послушаться, ему все же было очень трудно собраться с духом, чтобы противостоять ужасающим опасностям своего положения. Наконец он занял свое место среди остальных и с напускным внешним спокойствием, которое плохо скрывало отчаянное волнение и тревогу, царившие в его душе, он посвятил себя делу суда и осуждения своих сообщников и компаньонов. Какое-то

время никто из них не предавал его. Но, в конце концов, во время допроса Сцевина, стремясь казаться ревностным в деле Нерона, он переборщил со своей стороны, до такой степени, что слишком настойчиво приставал к Сцевину со своими расспросами, пока, наконец, Сцевин не повернулся к нему со словами:

Он обвиняется.

"Почему *ты* задаешь эти вопросы? Никто в Риме не знает об этом заговоре больше, чем ты, и если ты чувствуешь себя настолько преданным своему гуманному и добродетельному принцу, прояви свою благодарность, рассказав ему лично всю историю.

Руфус умоляет сохранить ему жизнь.

Его казнь.

Руфус был совершенно ошеломлен этим внезапным нападением и не мог вымолвить ни слова. Он попытался заговорить, но запинался, а затем опустился на свое место, бледный, дрожащий и охваченный замешательством. Нерон и другие члены трибунала были убеждены в его вине. Его схватили, заковали в кандалы и после того же упрощенного судебного разбирательства, которому подверглись остальные, приговорили к смерти. Он умолял сохранить ему жизнь с самыми искренними и жалобными причитаниями, но Нерон был неумолим, и его немедленно обезглавили.

Обвиняется Флавий.

Заговорщик Флавий проявил совсем другой характер. Когда его обвинили, сначала он отрицал обвинение и апеллировал ко всему своему прошлому характеру и образу жизни как к доказательству своей невиновности. Однако те, кто доносил на него, вскоре представили неопровержимые доказательства его вины, и затем он изменил свою позицию, открыто признав свое участие в заговоре и превознося его даже в присутствии самого Нерона. Когда Нерон спросил его, как он мог настолько нарушить свою клятву верности, что устроил заговор против жизни своего государя, он повернулся к нему с выражением открытого и гневного вызова и сказал:.....

Его отчаяние.

- Это было потому, что я ненавидел тебя, каким бы противоестественным чудовищем ты ни был. Было время, когда на вашей службе не было солдата, который был бы предан вам больше, чем я. Но это время прошло. Вы навлекли на себя отвращение всего человечества своими жестокостями и преступлениями. Вы убили свою мать. Вы убили свою жену. Вы подстрекатель. И, не удовлетворившись совершением этих чудовищных злодеяний, ты унизил себя в глазах всего Рима до уровня самого низкого шарлатана и шута, чтобы сделать себя объектом презрения и отвращения. Я ненавижу тебя и бросаю тебе вызов".

Неро, конечно, был поражен и почти сбит с толку, услышав такие слова. Он никогда раньше не слышал подобной речи. Его изумление сменилось неистовой яростью, и он приказал вывести Флавия на немедленную казнь.

Казнь Флавия.

Страхи палача.

Центурион, которому была поручена казнь, вывел Флавия за пределы города в поле, а затем приказал солдатам вырыть могилу, как это было принято при военных казнях, пока он делал другие необходимые приготовления. Солдаты в спешке сделали раскопки грубо и неумело. Флавий высмеял их работу, спросив презрительным тоном, считают ли они, что это правильный способ вырыть воинскую могилу. И когда, наконец, после того, как все приготовления были сделаны и роковой момент настал, трибун, командовавший войсками, призвал его обнажить шею и мужественно выступить навстречу своей судьбе, — он ответил, призвав самого офицера быть решительным и твердым. "Смотри, - сказал он, - сможешь ли ты проявить столько же мужества, нанося удар, сколько я могу выдержать его". Зарубить такого человека при таких обстоятельствах было, конечно, очень ужасной обязанностью даже для римского солдата, и палач сильно запинаясь при ее выполнении. Обезглавливание должно было быть произведено одним ударом; но офицер обнаружил, что силы покидают его, когда он начал наносить удар, так что для завершения отделения головы от тела потребовался второй удар. Трибун опасался, что это, когда об этом будет доложено Нерону, может навлечь на него подозрения, как будто это указывало на некоторое уклонение с его стороны от быстрых и энергичных действий по подавлению заговора; и поэтому, вернувшись к Нерону, он хвастался своим выступлением, как будто все было именно так, как он намеревался. "Я заставил предателя умереть дважды, - сказал он, - приняв на себя два удара, чтобы покончить с ним".

Сенека.

Его характер и общественное положение.

Но, пожалуй, самым печальным из всех результатов этого самого неудачного заговора была судьба Сенеки. Следует помнить, что Сенека в прежние годы был наставником и опекуном Нерона, а впоследствии одним из его главных государственных министров. Теперь ему было почти семьдесят лет, и, помимо почитания, которым он пользовался по этому поводу, и уважения, которое оказывалось высокому положению, которое он занимал в течение столь длительного периода, его очень высоко ценили за его интеллектуальные способности и за его личный характер. Его многочисленные произведения, по сути, снискали ему обширную литературную известность.

Но Неро ненавидел его. Он давно желал убрать его с дороги. В настоящее время сообщалось, и в целом считалось, что он пытался его отравить. Как бы то ни было, он определенно желал найти какой-нибудь повод для судебного разбирательства против него, и такой повод был предоставлен событиями, связанными с этим заговором.

Улики против Сенеки.

Наталис в ходе своих показаний сказал, что, по его предположению, Сенека был замешан в заговоре, поскольку он вспомнил, что однажды, когда он был прикован к своему дому из-за болезни, его послали к нему с посланием от Пизона. Сообщение состояло в том, что Пизон неоднократно заходил в его, то есть Сенеки, дом, но не смог добиться пропуска. Ответ, который получил Сенека, заключался в том, что причина, по которой он не принимал посетителей, заключалась в том, что состояние его здоровья было очень слабым, но он питал к Пизону только дружеские чувства и желал ему процветания и успехов.

Его путешествие в Рим.

Нерон решил рассматривать это как доказательство того, что Сенека был посвящен в заговор и что он тайно подстрекал его. По крайней мере, в качестве первого шага он решил послать офицера с группой вооруженных людей, чтобы арестовать его и предъявить ему обвинение в совершении преступления. Сенеки в это время не было в городе. Он отсутствовал в Кампании, красивой сельской местности к югу от Рима, на обратном пути из Мизена. Однако в тот же день он возвращался в Рим, и Сильван, офицер, которого Нерон послал к нему, встретил его по дороге на вилле, которой он владел в нескольких милях от Рима. Эта вилла называлась Номентанум.[C] Сенека остановился на вилле переночевать и сидел за столом со своей женой Паулиной, когда прибыл Сильванус со своим отрядом.

Сенека арестован.

Его защита.

Солдаты окружили дом, чтобы исключить всякую возможность побега, и выставили часовых у дверей. Затем Сильван и некоторые из его товарищей вошли внутрь и, войдя в зал, где Сенека ужинал, сообщили ему, с какой целью они пришли. Сильван повторил то, что свидетельствовал Наталис относительно посланий, которыми обменивались Сенека и Пизон. Сенека признал, что это утверждение было правдой, но он заявил, что слово, которое он послал Пизону, было всего лишь обычным посланием вежливости и дружелюбия; оно не значило ничего больше. Убедившись, что дальнейших объяснений получить не удалось, Сильван оставил Сенеку на его вилле, выставив вокруг дома сильную охрану, и вернулся в Рим, чтобы доложить обо всем Нерону.

Рапорт офицера.

Когда Нерон услышал об этом, он спросил Сильвана, казался ли Сенека достаточно напуганным обвинением, чтобы предположить, что он покончит с собой этой ночью.[D] Сильванус ответил отрицательно. "Он не выказывал, - сказал он, - никаких признаков страха. Не было ни волнения, ни признака сожаления, ни намека на печаль. Его слова и внешний вид свидетельствовали о спокойном, уверенном и непоколебимом уме".

Нерон решает, что Сенека должен умереть.

"Иди к нему, - ответил Нерон, - и скажи ему, что он должен решиться умереть".

Сильванус был поражен, как громом, получив этот приказ. Он не мог поверить, что Нерон действительно предал смерти человека столь почтенных лет и мудрости, который был ему всю жизнь вместо отца. Вместо того чтобы отправиться прямо в дом Сенеки, он отправился посоветоваться с капитаном стражи, который, хотя и был на самом деле одним из заговорщиков, еще не был обвинен и все еще находился на свободе, хотя и дрожал от дурного предчувствия надвигающейся на него опасности. Капитан, выслушав дело, сказал, что ничего не остается, как доставить сообщение. Затем Сильван отправился на виллу Сенеки, но, не в силах вынести мысли о том, что он сам станет носителем такой вести, послал туда центуриона с посланием.

Смерть Сенеки.

Горе и отчаяние Паулины.

Они спасают Паулине жизнь.

Сенека воспринял это со спокойным самообладанием и немедленно начал готовиться к тому, чтобы покончить с собой. Его жена Паулина настояла на том, чтобы разделить его судьбу. Он собрал вокруг себя своих друзей, чтобы дать им напутствие и попрощаться с ними, и приказал своим слугам сделать необходимые приготовления для вскрытия ему вен. Затем последовала одна из тех печальных и ужасных сцен скорби и смерти, которыми так часто омрачают страницы древней истории, образуя картины, которые слишком шокируют, чтобы их можно было показать во всех деталях. Спокойное самообладание Сенеки контрастировало, с одной стороны, с горькой тоской и громкими причитаниями его домочадцев и друзей, а с другой - с немым отчаянием Паулины. Когда вены были вскрыты, кровь сначала не текла, и были применены различные искусственные средства, чтобы ускорить угасание жизни; однако в конце концов Сенека перестал дышать. Тогда слуги семьи со слезами умоляли солдат позволить им спасти Паулину, если еще не было слишком поздно. Солдаты согласились; поэтому женщины перевязали ее раны, пока она лежала перед ними бесчувственная и беспомощная, и, таким образом остановив дальнейшее кровотечение, они с усердной заботой ухаживали за ней в надежде вылечить ее. Им это удалось. Они вернули ее к жизни, или, скорее, к подобию жизни, потому что она так и не оправилась по-настоящему, чтобы снова стать самой собой, в течение нескольких одиноких и безутешных лет, которые она прожила потом.

Консул Вестинус.

Был еще один римский гражданин высшего ранга, который пал невинной жертвой гневных страстей, которые раскрытие этого заговора пробудило в душе Нерона. Это был консул Вестин. Вестин был человеком с очень высоким характером и никогда не проявлял той податливости характера и той покорности императорской воле, которой требовал Нерон. Кроме того, его должность консула, которая была высшей гражданской должностью в государстве, давала ему огромное влияние на народ Рима, так что Нерон не только ненавидел его, но и боялся. На самом деле, его независимость характера и несговорчивость, как это иногда называли, были настолько велики, что заговорщики после зрелого обсуждения пришли к выводу не предлагать ему участвовать в заговоре. Но, хотя он был, таким образом, невиновен, Нерон наверняка не знал об этом факте, и, во всяком случае, такая возможность уничтожить ненавистного соперника была слишком хороша, чтобы ее упускать. Поэтому очень скоро, после раскрытия заговора, Нерон послал трибуна во главе пятисот человек арестовать консула.

Большие силы посланы арестовать Вестина.

Это большое войско было выделено для службы отчасти потому, что — из-за высокого ранга и должности обвиняемого — Нерон не знал, какими средствами сопротивления мог бы воспользоваться консул, а отчасти потому, что его дом, расположенный в самой людной части города, с видом на Форум, сам по себе был своего рода цитаделью, в которой различные офицеры из окружения Вестина и его многочисленная свита составляли своего рода гарнизон. Случилось так, что в то время, когда Нерон послал свой отряд произвести арест, Вестин принимал за ужином большую компанию друзей. Празднество было внезапно прервано, и вся компания была повергнута в состояние самого страшного возбуждения и замешательства внезапным появлением этого большого отряда вооруженных людей, которые осадили двери, перекрыли все подходы и, окружив дом со всех сторон и охраняя его, заперли всех обитателей, как будто они окружали замок врага. Затем нескольких солдат стражи послали к Вестину в банкетный зал сообщить ему, что трибун желает поговорить с ним по важному делу.

Вестин арестован.
Его необычная судьба.

Консул слишком хорошо знал характер Нерона и чувства, которые тиран питал к нему, и слишком ясно видел преимущество, которое дало Нерону раскрытие заговора, чтобы сразу не понять, что его судьба предрешена; и действия, которые он предпринял в этой ужасной чрезвычайной ситуации, хорошо соответствовали его непокорному и несговорчивому характеру. Вместо того чтобы подчиниться приказу трибуна, он немедленно отправился в частные апартаменты, вызвал своего врача, распорядился приготовить ванну, приказал врачу вскрыть ему вены, лег в ванну, чтобы ускорить отток крови, и через несколько минут перестал дышать.

Нерон доволен.
Гости на ужине у Вестина.

Известие о смерти консула, когда о нем доложили Нерону, конечно, доставило ему большое удовлетворение. Однако он по-прежнему держал охрану около дома, удерживая гостей взаперти в банкетном зале в течение многих часов. Конечно, все это время умы этих гостей находились в состоянии крайнего беспокойства и дурных предчувствий, поскольку каждый из них обязательно должен был чувствовать непосредственную опасность. Когда о тревоге и возбуждении, которые они испытывали, доложили Нерону, его это очень позабавило, и он сказал, что они платят за свой консульский ужин. Он продержал их в таком напряжении почти до утра, а затем приказал отозвать охрану.

Проявления общественного ликования.

Число жертв, которые были принесены в жертву негодованию Нерона вследствие этого заговора, было очень велико; так что улицы были заполнены казнями и похоронными процессиями в течение многих дней. Царили всеобщее горе и паника, и все же никто не осмеливался проявить ни малейших признаков печали или страха. Люди полагали, что жалость к страдальцам или тревога за самих себя будут истолкованы как доказательства того, что они были замешаны в заговоре; ибо множество тех, кто был приговорен к смерти, были осуждены под предлогами и мнимыми доказательствами самого легкомысленного характера. Поэтому каждый, даже из тех, чьи самые близкие друзья были убиты, был вынужден напускать на себя все виды безудержной радости по поводу того, что столь коварный заговор против жизни столь мудрого и превосходного принца был раскрыт, а виновные в нем привлечены к ответственности. Родители, чьи сыновья были убиты, а также жены и дети, потерявшие своих мужей и отцов, были, таким образом, вынуждены объединиться в поздравлениях и выражениях радости, которые повсюду были адресованы императору. Организовывались процессии, произносились речи, приносились жертвы, устраивались бесчисленные игры, зрелища и иллюминации, свидетельствующие о всеобщем ликовании; и таким образом город представлял все внешние проявления всеобщего веселья, в то время как, по правде говоря, сердца людей повсюду были переполнены тревогой, горем и страхом.

Нерон раздает подарки армии.

Природа деспотического правления.

Секрет их могущества.

Когда, наконец, достаточное количество граждан Рима было уничтожено, Нерон собрал армию и, обратившись с обращением к войскам по поводу заговора и своего счастливого избавления от опасности, разделил огромную сумму денег из государственной казны между солдатами, чтобы сделать каждому весьма значительную щедрость. Он также раздал им огромное количество провизии из общественных закромов. Этот акт и связь между Нероном и войсками, которую он иллюстрирует, объясняют то, что в противном случае казалось бы непостижимой тайной, а именно, как одному человеку удается настолько полностью подчинить своей власти огромное население такой империи, как Древний Рим, что любое количество наиболее выдающихся и влиятельных граждан будут схвачены и обезглавлены или пронзены в сердце мечами и кинжалами по одному его слову или кивку. Объяснение в том, что *армия*. Дайте одному тирану сто или двести тысяч головорезов, хорошо спаянных и полностью вооруженных, в соответствии с соглашением между ними, в котором он говорит: "Помогите мне контролировать, господствовать и грабить промышленные классы общества, и я отдам вам большую долю добычи", и работа станет очень легкой. Правительства, которые существовали в мире, как правило, формировались по этому плану. Они были просто огромными армиями, уполномоченными получать себе жалованье путем систематического грабежа миллионов людей, чья мирная промышленность кормит и одевает мир. Средство, которое человечество сейчас начинает открывать и применять, столь же просто. Миллионы людей, выполняющих эту работу, учатся держать оружие в своих руках и запрещать объединять массы войск с целью возвышения гордыни и жестокости до положения абсолютной и безответственной власти.

В случае с Нероном столь велико было благоговение, внушаемое грозной мощью римских легионов, что даже сенат смиренно склонился перед ним и присоединился ко всеобщему преклонению перед ненавистным тираном. Они издавали указы о жертвоприношениях и публичных празднованиях дня благодарения; они воздвигали новые храмы, чтобы выразить свою благодарность богам за столь знаменательное избавление; они учредили новые игры и празднества, чтобы выразить всеобщую радость, и воздвигли статуи и монументы в честь тех, кто внес свой вклад в раскрытие заговора. Нож или кинжал, который Милих изготовил как тот, которым должен был быть убит Нерон, хранился как священная реликвия. На нем была сделана соответствующая надпись, и он был со всей торжественностью помещен в один из храмов города, чтобы остаться памятником этого события для всех будущих поколений. Одним словом, избавление тирана от смерти вызвало все внешние проявления радости, которые мог бы заслужить величайший общественный благодетель.

Сомнение в отношении заговора Пизона.

И все же, несмотря на все это, общественное мнение на самом деле таково было мнение об истинном характере Нерона, что в то время считалось крайне сомнительным, и, фактически, так считают с тех пор, существовал ли вообще какой-либо заговор. Широко распространено было мнение, что все мнимое раскрытие заговора было хитроумным ходом со стороны Нерона, направленным на то, чтобы снабдить его благовидными предложениями для уничтожения большого числа людей, которые были лично ему неприятны. И если бы не было почти невозможно поверить, что такая чудовищная злоба и тирания, как у Нерона, могли так долго господствовать

над римлянами, не побуждая их к отчаянным попыткам уничтожить его, мы могли бы сами принять эту точку зрения и предположить, что этот знаменитый заговор был полностью выдумкой.

Глава XII.

Экспедиция в Грецию.

65 г. н. э.

Нерон становится еще более развращенным и покинутым, чем когда-либо.

Когда возбуждение, вызванное открытием, действительным или мнимым, заговора Пизона и бесчисленными казнями, которые сопровождали его, улеглось, Нерон вернулся к своему обычному образу жизни и фактически отдался потаканию своим зверским наклонностям и страстям более безрассудно, чем когда-либо. Он проводил свои дни в праздности, а ночи в буйствах и кутежах и быстро становился объектом всеобщего презрения. Единственным стремлением, которое, казалось, двигало им, было преуспеть, или, скорее, иметь репутацию преуспевающего игрока и певца на публичной сцене.

Неро появляется на публичной сцене.

Вскоре после периода заговора, описанного в последних двух главах, и когда возбуждение, связанное с ним, в какой-то мере улеглось, внимание публики начало приковываться к большому празднеству, время которого тогда приближалось. Этот праздник отмечался разного рода зрелищами и играми, которые были названы играми пятилетия, поскольку период их проведения повторялся раз в пять лет. Основная часть представлений по этим поводам состояла из конкурсов на призы, которые предлагались тем, кто решил побороться за них. Некоторые из этих призов предназначались тем, кто преуспел в спортивных упражнениях, проявил силу и ловкость, в то время как другие предназначались певцам, танцорам и другим исполнителям на публичной сцене. Нерон не смог устоять перед искушением воспользоваться этим грандиозным случаем для демонстрации своих способностей и приготовился появиться среди других актеров и шулеров в качестве претендента на театральные призы.

Оценка, в которой участвовали игроки.

К артистам на публичной сцене в древние времена относились так же, как и сейчас. Им аплодировали, лестили, ласкали и щедро платили; но, в конце концов, они составляли социальный класс, отличный от всех остальных, и очень низкого ранга. Точно так же, как сейчас великие публичные певцы иногда получают самые высокие доходы — не вдвое и не втрое, а, возможно, *в десять раз*, превышающие сумму, когда—либо выплачиваемую высшим министрам государства, - и получают самое лестное внимание от высших слоев общества, за ними следуют толпы на улицах, и они въезжают в города в сопровождении грандиозных процессий, в то время как все же вряд ли найдется респектабельный гражданин из высшего

сословия, который не почувствовал бы себя униженным, увидев своего сына или дочь на сцене рядом с ними.

Решение сената.

Точно так же общественное настроение в городе Рима во времена Нерона было таково, что видеть, как главный военный судья содружества публично выступает на сцене и вступает в страстное соревнование с поющими мужчинами и женщинами, низкопробными комедиантами, танцорами, шутами и другими подобными персонажами, которые там фигурировали, было очень унижительным зрелищем. Фактически, когда приблизилось время празднования пятилетия, правительство попыталось предотвратить необходимость фактического появления императора на сцене, приняв в Сенате, среди других указов, касающихся празднования, определенные решения о присуждении Нерону почетных корон и призов путем предвосхищения, таким образом признавая его первым, не требуя испытания реальной конкуренцией. Но это не удовлетворило Нерона. На самом деле, честь быть публично провозглашенным победителем, вероятно, не была главным соблазном, который привлекал его. Он хотел насладиться волнением и удовольствием от состязания, увидеть огромную аудиторию, собравшуюся перед ним и замороженную его выступлением; и слушать и наслаждаться торжествующим величием аплодисментов, которые в таких случаях раскатывались в огромных римских амфитеатрах подобно раскатам грома. Одним словом, именно тщеславие выставять себя напоказ, а не стремление к почетному отличию, составляло мотив, который двигал им.

Театральные волнения.

Унижительное поведение императора.

Следовательно, он проигнорировал почетные награды, которыми его наградил Сенат, и настоял на том, чтобы действительно выйти на сцену. Его первым выступлением было чтение стихотворения, которое он сочинил. Стихотворение было встречено, конечно, безграничными аплодисментами. После этого он вышел на сцену, соревнуясь с the harpers и другими музыкальными исполнителями. Население аплодировало его усилиям с величайшим энтузиазмом, в то время как более респектабельные гражданехранили молчание или переговаривались друг с другом тайным ропотом недовольства и неодобрения. Существовало великое множество правил и ограничений, которые кандидаты в этих состязаниях должны были соблюдать; и хотя все они были достаточно уместны для класса людей, для которых они предназначались, все же были таковы, что император, подчиняясь им, ставил себя в очень низкое и приниженное положение, становясь объектом насмешек и презрения. Например, закончив играть на арфе, он выходил на авансцену и там, в манере, принятой среди актеров того времени, опускался на колени в умоляющей позе, с поднятыми руками, как бы смиренно испрашивая благоприятного приговора у зрителей, как у своих судей, и с трепетом ожидая их решения. Это, учитывая, что исполнитель мольбы был величайшим властелином на земле, официально ответственным за правительство половины мира, а публика, перед которой он преклонял колени, состояла в основном из низшего городского сброда, казалось каждому уважаемому римлянину абсурдным и смешным до последней степени.

Награды и почести, оказанные Нерону.

Тем не менее слава об этих подвигах, совершенных Нероном как публичным актером, постепенно распространилась по всей империи, и этот предмет привлек особое внимание в

городах Греции, где игры и всякого рода общественные зрелища отмечались с величайшей помпой и великолепием. Несколько из этих городов послали в Рим делегации с коронами и гирляндами для императора, которые они вручили ему в честь мастерства и превосходства, проявленных им в театральном искусстве. Нерон был чрезвычайно доволен тем, что ему были оказаны такие почести. Он принимал делегации, привезшие эти знаки, с большой помпой и парадом, как если бы они были послами суверенных князей или государств, посланными для решения дела, имеющего самое важное значение. Фактически, Он давал им аудиенцию раньше всех остальных, развлекал их пирами и зрелищами и удостоивал их всех других знаков общественного внимания и почестей. Однажды, на пиру, на который он пригласил такую компанию послов, один из них попросил его спеть для них песню. Император немедленно подчинился и спел песню для развлечения собравшихся за столом. Ему бурно аплодировали, и он был так восхищен энтузиазмом, который пробудило его исполнение, что воскликнул, что греки, в конце концов, были единственным народом, у которого действительно был вкус к музыке; никто, кроме них, по его словам, не мог понять или оценить хорошую песню.

Олимпийские игры.

Равнина.

Правила.

Самым известным из всех праздников древних греков были Олимпийские игры. Эти игры представляли собой грандиозный национальный праздник, который проводился раз в четыре года на равнине в западной части Пелопоннеса, называемой Олимпийской равниной. Эта равнина имела протяженность немногим более мили и была окаймлена с одной стороны скалистыми холмами, а с другой - водами реки. Здесь были возведены подходящие сооружения для показа зрелищ и игр, а также для размещения зрителей, и когда наступило время торжеств, огромное множество людей собралось со всех концов Греции, чтобы стать свидетелями торжеств. Зрителями, однако, были все мужчины, ибо, за исключением нескольких жриц, которым предстояло выполнять определенные официальные обязанности, женщинам присутствовать не разрешалось. Наказанием за попытку обойти этот закон была смерть; ибо, если какая-либо женщина пыталась стать свидетельницей сцены в переодетом виде, закон гласил, что она должна была быть схвачена, если ее обнаружат, и сброшена с соседнего обрыва, чтобы разбиться при падении. Говорят, однако, что когда-либо имел место только один случай такого обнаружения, и в этом случае женщина была помилована с учетом того факта, что ее отец, братья и сын все были победителями в играх.

Предварительные мероприятия Олимпийских игр.

Игры продолжались пять дней. Правительство Элиды, штата, в котором находилась Олимпийская равнина, приняло общие меры и назначило судей. Поблизости находился спортивный зал, где те, кто намеревался участвовать в соревнованиях, привыкли тренироваться самостоятельно. Эта подготовка заняла почти год, и в течение тридцати дней, предшествующих публичной выставке, упражнения проводились в этом спортзале в той же манере и форме, что и на самих играх. Для поддержания порядка была задействована многочисленная и регулярно организованная полиция, а судьи, назначенные с большой формальностью, определяли результаты соревнований и присуждали награды. Эти судьи были введены в должность с помощью самых торжественных клятв. Этими клятвами они обязали себя принимать справедливые решения без страха и благосклонности.

Различные конкурсы и зрелища на Олимпийских играх.

Праздник открылся, когда пришло время, вечером, принесением жертвоприношений, причем богослужения проводились самым внушительным и торжественным образом. На следующее утро, на рассвете, начались игры и состязания. Они состояли из забегов — на колесницах, верхом и пешком, — в последнем случае бегуны были иногда легко одеты, а иногда облачены в тяжелые доспехи; — состязаний в прыжках, борьбе, боксе и метании диска; — и, наконец, музыкальных и поэтических представлений различного рода. Получение приза в любом из этих конкурсов считалось во всем греческом мире высшей честью.

Время празднования этих игр начало приближаться, как это и случилось, вскоре после того, как делегации из Греции прибыли к Нерону с поздравлениями и коронами, назначенными ему в знак их восхищения его публичными выступлениями в Риме, — и совсем неудивительно, что его внимание и интерес были сильно возбуждены приближением столь знаменитого праздника. Короче говоря, он решил отправиться в Грецию и продемонстрировать свои способности перед огромной и знатной аудиторией, которая должна была собраться на Олимпийских равнинах.

Нерон отправляется в Грецию.

Его свита.

Соответственно, он собрал очень большую свиту слуг и последователей и приготовился отправиться в свое путешествие. Эта свита по численности была настоящей армией, но по характеру это был всего лишь отряд актеров, музыкантов и шутов. Она состояла почти полностью из людей, так или иначе связанных со сценой, так что багаж, следовавший в ее составе, состоял не из оружия и военного снаряжения, как это было обычно, когда великому римскому полководцу случалось покидать Италию, а из арф, скрипок, масок, козырьков и прочего театрального имущества, имевшего хождение в те времена, — в то время как сама труппа состояла почти исключительно из комедиантов, певцов, танцоров и борцов с огромной свитой веселых и распущенных мужчин и женщин, которые олицетворяли все возможные стадии морального развития: унижение и деградация. С этим отрядом Нерон переправился на восточный берег Италии и там, сев на подготовленные к путешествию суда, переплыл Адриатическое море к берегам Греции.

Путешествие Нерона по Греции.

Толпы зрителей.

Нерона встречают бурными аплодисментами.

Он высадился в Кассиопе, городе в северной части острова Коркира. Здесь находился храм Юпитера, и первым подвигом Нерона было отправиться туда и петь, поскольку ему, по-видимому, не терпелось показать народу Греции образец своей силы сразу же по высадке. После этого он перебрался на континент, а оттуда двинулся в сердце Греции, играя, поя и разыгрывая спектакли во всех городах, через которые проезжал. Поскольку до начала празднования Олимпийских игр оставалось еще несколько месяцев, у Неро было достаточно времени для этого тура. Разумеется, его повсюду встречали самыми безграничными аплодисментами, ибо, конечно, только те, кто в целом был наиболее доволен подобными развлечениями и был наиболее склонен одобрять то, что Нерон выставял себя в качестве исполнителя, собирались на собрания, которые созывались, чтобы послушать его. Так

случилось, что добродетельные, культурные и утонченные люди остались в своих домах, в то время как все праздные, безрассудные, и распутные души страны толпами стекались на развлечения, которые предлагал им их императорский гость. Эти люди, конечно, считали настоящим триумфом для себя то, что столь выдающийся властелин принимал активное участие в служении их удовольствиям; и поэтому, куда бы ни шел Нерон, его обязательно посещали толпы, а его выступления, искусные или нет, не могли не вызывать экстравагантных восхвалений в разговорах и бурных аплодисментов в театрах. Следствием этого было то, что Нерон был в восторге от энтузиазма, который, казалось, повсюду пробуждали его выступления. Быть так принятым и так аплодируемым в городах Греции, казалось, удовлетворяло его высшие амбиции.

Венец из оливковых листьев.

Церемонии.

Жертвоприношения и празднества.

Со стороны Нерона всегда считалось весьма экстраординарным доказательством умственной и моральной деградации то, что он мог таким образом спуститься из возвышенной сферы ответственности и долга, к которым его должным образом обязывало его высокое официальное положение, чтобы участвовать в таких сценах и состязаниях, которые были представлены в обычных театрах и цирках Греции. Однако не так уж удивительно, что он пожелал выступить в качестве участника Олимпийских игр: настолько выдающимися были эти игры среди всех других спортивных и военных праздников того времени, и настолько велико было значение, придаваемое чести одержанной в них победы. Правда, в самом призе, который вручался победителям, не было никакой ценности. На кону не было ни серебряного кубка, ни золотой короны, ни какой-либо денежной суммы. Единственной прямой наградой была корона из оливковых листьев, которая по окончании состязания возлагалась на голову победителя. Все, что касалось этой короны, было связано с самыми внушительными и своеобразными церемониями. Листья, из которых была сделана гирлянда, были получены с некоего священного оливкового дерева, которое росло в освященной роще в Олимпии. Говорили, что само дерево было первоначально привезено Гераклом из страны гиперборейцев и посажено в Олимпии, где его свято хранили для украшения гирляндами победителей игр. Листья срезал с дерева мальчик, выбранный для этой цели. Он собирал листья с помощью золотого серпа, который был специально предназначен для этого. Когда наступало время коронации победителя, кандидата выводили вперед перед огромным скоплением зрителей и водружали на треножник, который первоначально был сделан из бронзы, но в последующие века был выкован из слоновой кости и золота. В его руки были вложены пальмовые ветви, обычные символы победы. Его имя, имя его отца и страны, из которой он прибыл, были торжественно провозглашены герольдами. Затем на его голову возложили корону, и праздник закончился процессиями, жертвоприношениями и публичным банкетом, устроенным в честь этого события. По возвращении в свою страну победитель триумфальной процессией въезжал в столицу и обычно получал там в награду иммунитеты и привилегии самого важного характера.

Нерон в Олимпии.

Его гонки на колесницах.

Неро получает призы.

Наконец настало время празднования Олимпийских игр, и Нерон отправился на место, следуя за огромными толпами, которые стекались туда со всех концов Греции, и там вступил в состязание со всеми простыми певцами и музыкантами того времени. Ему была присуждена премия за выдающиеся музыкальные достижения. Однако, как правило, считалось, что судьи были подкуплены, чтобы принять решение в его пользу. Нерон также участвовал в соревнованиях на колесницах; и здесь ему удалось выиграть приз, хотя в данном случае он был присужден ему с явным нарушением всех правил. Он взялся управлять десятью лошадьми в этой гонке, но обнаружил, что упряжка слишком велика для него, чтобы управлять ею. Лошади стали неуправляемыми; Неро выбросило из кареты, и он был так сильно ранен, что вообще не смог закончить забег. Он, однако, настаивал на том, что несчастные случаи и человеческие жертвы не должны приниматься во внимание, и что, поскольку он, безусловно, обогнал бы своих конкурентов, если бы ему не помешало несчастье, он утверждал, что судьи должны присудить ему приз. К его большому удовольствию, судьи так и сделали. Это правда, что они были связаны самыми торжественными клятвами принимать справедливые решения; но в мировой истории редко встречалось, чтобы официальные клятвы представляли собой сколько-нибудь серьезную преграду против требований или посягательств императоров или королей.

Когда игры закончились, Нерон наградил всех судей очень богатыми призами.

Эти успехи на Олимпийских играх, какими бы номинальными и пустыми они ни были на самом деле, казалось, распалили тщеславие и честолюбие императора больше, чем когда-либо. Вместо возвращения в Рим он начал еще одно турне по сердцу Греции, пел и играл во всех городах, куда приезжал, и вызывал всех самых выдающихся актеров и исполнителей встретиться с ним и побороться за призы.

Нерон отправляет депеши в Рим.

Конечно, призы в этом туре всегда вручались Неро, как и на Олимпийских играх. После каждого своего выступления Нерон регулярно отправлял домой депеши, информируя римский сенат о своих победах, точно так же, как прежние императоры имели обыкновение рассылать военные бюллетени, сообщающие о продвижении своих армий и завоеваниях, которые они одержали в битвах; и с такой степенью тщеславия и безрассудства, которые кажутся почти невероятными, он призвал Сенат учредить религиозные праздники и жертвоприношения в Риме и большие общественные шествия, чтобы обозначить и увековечить эти великие успехи и выразить благодарность народа богам за то, что они удостоили их. Не удовлетворившись ожиданием этого парада народного ликования в Риме, он призвал сенат распорядиться о проведении подобных богослужений во всех городах империи.

Его план прорыва через Коринфский перешеек.

Во время визита Нерона в Грецию он предпринял одно предприятие, которое можно было бы назвать полезным предприятием, хотя руководил им с таким характерным для него идиотизмом и безрассудством, что оно закончилось, как и можно было предвидеть, плачевным провалом. План, который он задумал, состоял в том, чтобы прорезать Коринфский перешеек, чтобы открыть морское сообщение между Ионическим и Эгейским морями. Такой канал, думал он, избавил бы многие суда от долгого и опасного плавания вокруг Пелопоннеса и, таким образом, предотвратил бы многие крушения, которые в то время ежегодно происходили на берегах

полуострова и которые часто сопровождались уничтожением большого имущества и многих жизней.

Прокладываем путь.

Золотая кирка.

Таким образом, план мог бы быть очень хорошим, если бы для приведения его в исполнение были приняты какие-либо надлежащие и эффективные средства; но во всем, что он делал в этом отношении, Нерон, по-видимому, не заходил дальше проведения помпезных и пустых церемоний при начале работы. Он созвал большое общественное собрание на местах. Он развлекал это собрание зрелищами и шоу. Затем он встал во главе своих лейб-гвардейцев и, произнеся речь, полную больших обещаний и претензий, двинулся во главе процессии, попутно распевая и пританцовывая, к месту, где должна была быть заложена первая земля. Здесь он сделал три удара золотой киркой, которая была припасена специально для этого случая, и, положив разрыхленную землю в корзину, отнес ее на небольшое расстояние и разбросал по земле. Эта церемония была предназначена для закладки канала; и когда она закончилась, собравшиеся разошлись, и Нерон в сопровождении своей стражи вернулся в город Коринф, который находился на расстоянии нескольких миль от места происшествия.

Больше ничего сделано не было. Нерон, правда, издал приказ, чтобы всех преступников, каторжников и пленников в Греции перевезли на Перешеек и заставили работать на этом канале; и некоторые еврейские пленники действительно работали там какое-то время; но по той или иной причине ничего не было сделано. Сама работа никогда всерьез не предпринималась.

Гелий призывает Нерона вернуться в Рим.

Тем временем Нерон оставил правительство в Риме в руках некоего неблагородного фаворита по имени Гелий, который, будучи назначен командующим армией во время отсутствия своего господина, полностью распоряжался жизнями и состоянием всех жителей, и, как и следовало ожидать, он сделал карьеру такой жестокости и угнетения в своих попытках внушить страх и подчинить тех, кто находился под его властью, что против него пробудилось всеобщее чувство враждебности и ненависти. В конце концов все приняло настолько тревожный оборот, что Гелий, в свою очередь, пришел в ужас и, наконец, начал посылать за Нероном, чтобы тот вернулся домой. Нерон сначала не обращал внимания на эти просьбы. Опасность, однако, возросла; кризис стал чрезвычайно надвигающимся, так что ожидалось всеобщее восстание. Гелий посылал к Нерону гонцов за гонцами, умоляя его вернуться, если он хочет спасти себя от разорения; но единственный ответ, который он мог получить от Нерона, заключался в том, что, если Гелий действительно любил его, он не стал бы завидовать его славе, которую тот приобретал в Греции; но вместо того, чтобы ускорить его возвращение, скорее пожелал бы, чтобы он вернулся достойным себя, полностью завершив свои победы. Наконец Гелий, отчаявшись из-за надвигающейся опасности, покинул Рим и, путешествуя со всей возможной поспешностью днем и ночью, прибыл к Нерону в Грецию и там сделал такие заявления и разоблачения относительно положения дел в Риме, что Нерон, наконец, неохотно решил вернуться.

Неро возвращается.

Его поезд.

Его призы.

Соответственно, он с помпой отправился в свое путешествие на запад в сопровождении своей телохранительницы и со своей пестрой и неисчислимой ордой певцов, танцоров, поэтов, актеров и шулеров в свите. Он привез с собой призы, которые выиграл в различных городах Греции. Говорили, что количество этих призов превысило тысячу восемьсот. По пути через Грецию, собираясь вернуться в Рим, он зашел в Дельфы, чтобы посоветоваться там со священным оракулом относительно своей будущей судьбы. Ответом Прорицательницы было: "*Остерегайся семидесяти трех.*" Этот ответ доставил Нерону огромное удовлетворение. Он не сомневался, что это означало, что ему нечего опасаться, пока он не достигнет семидесяти трех лет; а поскольку ему еще не исполнилось тридцати, ответ оракула, казалось, отодвинул злой день так далеко, что он подумал, что может вообще выбросить его из головы. Поэтому он отплатил оракулу за лестное предсказание великолепнейшими подарками и продолжил свое путешествие в Рим с совершенно спокойной душой.

Его путешествие.

Опасность кораблекрушения.

Корабли, на которых он пересек Адриатику по возвращении в Италию, попали в страшный шторм, в результате которого их разметало, и многие из них были уничтожены. Самому Неро чудом удалось спастись, так как корабль, на котором он находился, был очень близок к гибели. Видеть его в такой опасности, по-видимому, доставляло большое удовольствие некоторым из его приближенных, ибо настолько властным и жестоким был его нрав, что его обычно ненавидели все, кто попадал под его власть. Эти люди ненавидели его так сильно, что были готовы, как могло показаться, сами погибнуть ради удовольствия стать свидетелями его гибели; и в минуты крайней опасности они открыто проявляли это чувство. Судно, однако, было спасено, и Нерон, как только высадился на берег, приказал убить всех этих людей.

Путешествие в Рим.

Его триумфальный въезд в Рим.

Высадившись на берег, он собрал рассеянные остатки своего отряда и, организовав новый эскорт, двинулся к Риму грандиозным триумфальным маршем, демонстрируя свои награды и короны во всех крупных городах, через которые проезжал, и требуя всеобщего почитания. Когда он прибыл к воротам Рима, он начал приготовления к грандиозному триумфальному въезду в город в манере великих военных завоевателей. В стенах была проделана брешь, чтобы пропустить процессию. Нерон ехал в триумфальной колеснице Августа, рядом с ним был выдающийся греческий арфист, на голове которого красовалась олимпийская корона, а в руке он держал другую корону. Перед этой колесницей маршировал отряд из полутора тысяч человек, каждый из которых нес одну из корон, завоеванных Нероном, с надписью для чтения зрителями, обозначающей место завоевания короны, имя соперника императора, название песни, которую он спел, и другие подобные подробности. Таким образом, он пересек главные улицы, демонстрируя себя и свои трофеи населению, и, наконец, когда он прибыл к своему дому, он вошел в него с большой помпой и парадом и приказал повесить короны на бесчисленные свои статуи, которые были установлены во дворах и залах здания. Те, которые он ценил больше всего, он расставил на видном месте вокруг своей кровати в своей спальне, чтобы они были последними объектами, на которых его взгляд останавливался ночью, и первыми, которые он увидит утром.

Его действия.

Он продолжает тренировать свой голос.

The Phonascus.

Публичные выступления.

Как только он снова обосновался в Риме, он начал строить новые планы по развитию своих сил и способностей как музыканта в надежде добиться еще более высоких триумфов, чем те, которых он уже достиг. Далекий от того, чтобы уделять свое время и внимание общественным делам империи, он с новым рвением и энтузиазмом посвятил себя развитию своего искусства. При этом было необходимо, согласно обычаям в отношении обучения музыкантов, которые преобладали в те дни, чтобы он подчинялся правилам и упражнениям, самым абсурдным и унижительным для человека, занимающего такое положение, как у него; и по мере того, как рассказы о его образе жизни распространялись среди общества, он стал объектом всеобщих насмешек и презрения. Чтобы укрепить свои легкие и улучшить голос, он обычно лежал на спине со свинцовой пластиной на груди, чтобы легкие, работающие под такой нагрузкой, могли набраться сил от усилия. Он принимал сильнодействующие лекарства, которые, как предполагалось в те дни, воздействовали на организм таким образом, что вызывали чистоту и резонанс в тоне голоса. Он подчинил себя самым строгим правилам диеты и отказался от практики обращаться к сенату и армии, что часто случалось делать римским императорам, из опасения, что, говоря так громко, он может напрячь свой голос и нарушить сладость его звуков. В его доме был специальный служащий, которого звали его *Phonascus*, что означает "хранитель голоса". Этот офицер должен был постоянно наблюдать за ним, предостерегать от того, чтобы он говорил слишком громко или слишком быстро, давать ему лекарства и всячески заботиться о том, чтобы его голос не пострадал. Все это время Нерон постоянно выступал перед публикой, и хотя его представления были затяжными и утомительными до последней степени, вся римская знать была вынуждена всегда посещать их под страхом его ужасного недовольства.

Денежные затруднения.

История Бессуса.

Поскольку Нерон продолжал таким образом выбранную им карьеру, полностью пренебрегая делами правительства и с каждым годом все больше и больше предаваясь самым дорогостоящим расточительствам, его финансы в конце концов сильно пострадали, и он был вынужден прибегнуть ко всем возможным формам вымогательства, чтобы раздобыть необходимые ему деньги. Его денежные затруднения стали, в конце концов, очень запутанными, и они в конце концов значительно усилились из-за необычайной глупости, которую он проявил, поверив мечтам и обещаниям некоего авантюриста, приехавшего к нему из Африки. Звали этого человека Бесс. Он был уроженцем Карфагена. Однажды он приехал в Рим и, ухитрившись с помощью подарков и взяток, которые он предлагал приближенным Нерона, добиться аудиенции у императора, сообщил ему, что у него есть сведения высочайшей важности, которые он должен сообщить, а именно, что в его поместье в Африке есть большая пещера, в которой хранятся несметные сокровища. Это сокровище, по его словам, состояло из огромных куч золотых слитков, грубых и бесформенных по форме, но состоящих из чистого и драгоценного металла. Пещера, сказал он, в которой находились эти склады, была очень просторной, и золото лежало в ней грудями, а иногда и массивными колоннами,

возвышающимися на огромную высоту. По его словам, эти сокровища были спрятаны там Дидоной, древней карфагенской царицей, и они оставались там так долго, что все знания о них были утрачены. Одним словом, все они были приберегаемы для Нерона и теперь находились в его распоряжении, готовые к тому, чтобы их вывели и использовали для продвижения славы и великолепия его правления.

Нерон посылает в Египет за сокровищами.

Нерон с готовностью поверил этой истории, и поскольку в припадке ликования он сообщил об этом удивительном открытии окружающим, весть о нем вскоре распространилась по городу и вызвала сильнейшее волнение среди всех классов общества. Нерон немедленно начал снаряжать экспедицию, чтобы отправиться в Африку и привезти сокровища домой. Для его транспортировки были оборудованы галеры, выделен отряд войск для его сопровождения и назначены подходящие офицеры, которые должны были отправиться с Бессом в Карфаген и руководить транспортировкой металла. Эти приготовления неизбежно требовали некоторого времени, и в течение этого промежутка Бесс, конечно же, был объектом всеобщего внимания в Риме. Сам Нерон, обнаружив, что вот-вот вступит во владение такими неисчерпаемыми сокровищами, отбросил всякую заботу о своих финансах и пустился в еще более дикую расточительность, чем когда-либо. В настоящий момент он собирал деньги, распределяя доли в сокровищнице с непомерным дисконтом, и таким образом брал займы и тратил с самым безграничным изобилием.

Его разочарование.

Мечта.

Наконец экспедиция отплыла в Карфаген, взяв с собой Бесса, но все поиски пещеры, когда они прибыли, оказались безрезультатными. Это доказывало, что все доказательства, которыми располагал Бесс о существовании пещеры и гудах золота, содержащихся в ней, были почерпнуты из некоторых замечательных снов, которые он видел, — и хотя уполномоченные Нерона самым тщательным образом копали землю во всех местах поместья, на которые указывали сны, никаких сокровищ и даже пещеры найти так и не удалось.

Глава XIII.

Конец Нерона.

66 г. н. э.

Galba.

Преемником Нерона в линии римских императоров был Гальба. Гальба, хотя и происходил из одной из самых знатных римских семей, родился в Испании, и он был примерно на сорок лет старше Нерона, которому сейчас перевалило за семьдесят, в то время как Нерону было всего тридцать лет.

Его история.

Его провинция.

На протяжении всей своей жизни Гальба был очень выдающимся военачальником и поднимался с одного влиятельного и почетного поста на другой, пока не стал одним из самых значительных лиц в государстве. В конце концов Нерон назначил его командующим очень большой и важной провинцией в Испании. На этой станции Гальба оставался несколько лет, и он был здесь, регулярно выполняя обязанности своего правительства, в то время, когда Нерон вернулся из своей экспедиции в Грецию. Сам Гальба и все другие правители вокруг него испытывали же негодование по поводу жестокостей и преступлений Нерона и то же презрение к его низкому и унижительному тщеславию и глупости, которое так широко царило в Риме. Фактически, чувства раздражения и ненависти к тирану начали повсеместно распространяться по всей империи. Фактически, люди во всех кварталах, казалось, созрели для восстания.

Восстание Виндекса.

Послы отправлены к Гальбе.

Пока все было в таком состоянии, однажды ко двору Гальбы прибыл гонец от некоего галльского вождя по имени Юлий Виндекс. Этот гонец прибыл, чтобы сообщить Гальбе, что Виндекс поднял восстание против римского правительства в Галлии. Однако он заявил, что Виндекс намеревался противостоять только *власти* Нерона, и пообещал, что, если Гальба сам примет верховное командование, Виндекс признает верность ему и сделает все, что в его силах, для продвижения его дела. Более того, он сказал, что таково было всеобщее отвращение к Нерону, что не было никаких сомнений в том, что вся империя поддержала бы Гальбу в осуществлении такой революции, если бы он однажды поднял свой штандарт. В то же время, когда этот гонец прибыл из Виндекса, другой прибыл от римского губернатора провинции Галлия, где проживал Виндекс, чтобы сообщить Гальбе о восстании и попросить отряд войск помочь ему в его подавлении. Гальба созвал совет и изложил им этот вопрос.

Прения в совете.

После некоторых дебатов один из членов совета поднялся и сказал, что открытое присоединение к Виндексу в его восстании представляет не большую опасность, чем обсуждение на таком совете того, что им следует делать. "Сомневаться и колебаться, посылать ли войска для подавления восстания, - сказал он, - столь же предательски, как и открыто бунтовать; и Нерон так к этому отнесется. Поэтому мой совет таков: если вы не хотите, чтобы вас считали пособником революции, вам следует немедленно направить войска для ее подавления".

Гальба присоединяется к Виндексу.

Мудрость этого совета произвела большое впечатление на Гальбу. Он чувствовал сильную склонность поддерживать дело Виндекса и повстанцев и, поразмыслив, втайне решил присоединиться к ним и принять меры для поднятия всеобщего восстания. Однако он никому не сообщил о своем решении, но распустил совет, не объявив, что он решил сделать. Вскоре после этого он разослал во все части провинции приказ о всеобщем сборе войск, находящихся под его командованием, и всего, что можно было собрать по всей провинции, потребовав, чтобы они встретились в определенном назначенном месте. Армия, хотя и не была

проинформирована об этом открыто, подозревала, какова цель этого движения, и приступила к работе с величайшим рвением и радостью.

Известие о восстании застаёт Нерона в Неаполе.

Тем временем весть о восстании Виндекса быстро дошла до Рима, а оттуда до Неаполя, где Нерон в это время выступал на публичной сцене. Неро, казалось, был очень рад услышать эту новость. Он предполагал, что восстание, конечно, будет очень легко подавлено, и что, когда оно будет подавлено, он сможет использовать это как предлог для того, чтобы наложить на провинцию, в которой оно произошло, штрафы и конфискации, которые значительно обогатили бы его казну. Поэтому он был чрезвычайно обрадован известием о восстании и отдался театральным занятиям и удовольствиям, в которые был вовлечен, более решительно и безразсудно, чем когда-либо.

Провозглашение Виндекса.

Гнев Нерона.

Тем временем из Рима через короткие промежутки времени прибывали новые гонцы, чтобы сообщить Нерону о ходе восстания. Новость заключалась в том, что Виндекс набирал силу с каждым днем и повсюду распространял прокламации к людям, призывая их восстать и сбросить позорное ярмо угнетения, которое они терпели. В этих прокламациях императора называли Меднобородым и "жалким скрипачом". Эти насмешки вызвали гнев Нерона. Он написал Сенату в Риме, призывая их принять какие-либо меры для умирения этого наглого мятежника, и, отправив это письмо, он, казалось, выбросил эту тему из головы и снова обратил свое внимание на танцы и актерское мастерство.

Неро планирует новые выступления.

Новые инструменты.

Однако вскоре его разум снова был взбудоражен, поскольку продолжали прибывать новые гонцы, каждый из которых приносил сообщения более тревожные, чем у его предшественника. Восстание, очевидно, набирало силу. Нерон был убежден, что необходимо что-то предпринять. Соответственно, он прервал, хотя и с большой неохотой, свои развлечения в Неаполе и отправился в Рим. По прибытии в столицу он созвал совет из нескольких своих главных государственных министров и после короткого совещания по вопросу о восстании, в котором, однако, ничего не было решено, приступил к изготовлению некоторых недавно изобретенных музыкальных инструментов, которые он привез с собой из Неаполя и которыми он очень интересовался. Показав и объяснив эти инструменты членам совета, он пообещал им, что вскоре доставит им удовольствие послушать игру на них на сцене, "при условии, — шутливо добавил он, — что этот Виндекс даст мне разрешение".

Наконец советники удалились, и Нерон остался в своих покоях. Однако, отправившись на покой, он обнаружил, что не может уснуть. Его мысли были заняты музыкальными инструментами, которые он демонстрировал, и удовольствием, которое он предвкушал от публичного выступления с ними. Наконец, в очень поздний час, он послал за своими советниками, чтобы те снова пришли в его апартаменты. Они пришли, полные волнения и удивления, полагая, что их так внезапно вызвали из-за какой-то новой и очень важной вести, полученной из Галлии. Однако они обнаружили, что Неро всего лишь хотел подробнее

рассказать об инструментах, которые он им показал, и спросить их мнения о некоторых усовершенствованиях, которые произошли с ним после их отъезда.

Гальба присоединяется к восстанию.

Однако Нерон недолго пребывал в этом состоянии безумного и глупого безразличия, ибо вечером следующего дня с севера прибыл курьер с ужасающей вестью, что Виндекс провозгласил себя хозяином Галлии и что Гальба, самый могущественный полководец римской армии, присоединился к восстанию со всеми легионами, находившимися под его командованием, и что теперь он продвигается к Риму во главе своих армий с явной целью свергнуть Нерона и провозгласить себя императором вместо него.

Неро пришел в ужас.

Нерон сначала был совершенно ошеломлен, услышав эти новости. Некоторое время он оставался безмолвным и неподвижным, как будто совершенно лишился чувств от ужаса. Когда, наконец, он снова пришел в себя, то впал в совершенное безумие ярости и ужаса. Он опрокинул обеденный стол, разорвал на себе одежду, сбросил на пол две ценные чашки и разбил их вдребезги, а затем начал биться головой о стену, как будто был совершенно безумен. Он сказал, что ему конец. Ни один человек никогда не был так несчастен. Его владения должны были быть отняты у него при жизни и удерживаться узурпатором; он был полностью разорен и уничтожен.

Его планы мести.

Он сдержан.

По прошествии некоторого времени волнение его разума приняло другое направление, вызвав яростный гнев против генералов и офицеров его армии — не только против тех, кто действительно восстал, но и против всех остальных, поскольку он был ревнив и подозрителен ко всем и сказал, что, по его мнению, вся армия была вовлечена в заговор. Он собирался разослать по различным провинциям и лагерям приказы об убийстве большого числа офицеров, которые, по его мнению, могли быть склонны выступить против него, и он, вероятно, сделал бы это, если бы его не сдерживало влияние его государственных министров. Он также предложил схватить и перебить всех галлов, находившихся в то время в Риме, как способ отомстить их соотечественникам за то, что они присоединились к Виндексу в его восстании, и едва ли ему могли помешать сделать это настойчивые увещевания всех его друзей.

Он пытается собрать армию.

Рабы.

Через некоторое время Нерон настолько овладел собой, что начал готовиться к организации армии, намереваясь выступить против мятежников. Соответственно, он приказал набрать войска и обеспечить их оружием и амуницией, обложив в то же время народ Рима высокими налогами, чтобы покрыть расходы. Все эти меры, однако, только усилили общее недовольство. Народ увидел, что приготовления, которые предпринимал император, были совершенно неадекватны кризису и что из них никогда не получится эффективных военных операций. В-первых, он не мог набрать войска, потому что не было желающих записываться в солдаты, — и поэтому он взялся восполнить дефицит, потребовав от каждого хозяина рабов прислать ему

определенное количество своих рабов, и этих рабов он освободил, а затем зачислил их в свою армию вместо солдат. Более того, заботясь о нуждах своей армии, вместо того, чтобы уделять главное внимание обеспечению достаточного количества оружия, боеприпасов, военных складов и других подобных припасов, необходимых для подготовки к эффективной кампании, он, казалось, интересовался только подбором актеров, танцоров, музыкальных инструментов и нарядов для выступлений на общественной сцене. В оправдание такого хода событий Нерон откровенно сказал, что он не ожидал, что его экспедиция приведет к каким-либо важным военным операциям. По его словам, как только он добрался до повстанческих армий, его намерением было положиться на их чувство справедливости и лояльность. Он признал бы все ошибки своего прошлого правления и торжественно пообещал, что его власть в будущем будет более мягкой и благотворной; и он не сомневался, что таким образом все беспорядки будут подавлены. Восставшие войска немедленно вернутся к своим обязанностям, а музыкальные и театральные приготовления, которые он проводил, были предназначены для серии грандиозных празднеств в честь примирения.

Безнадежное состояние Неро.

Его планы побега.

Прибытие груза песка из Египта.

Конечно, такая безумная и безнадежная глупость, как эта, пробудила чувство всеобщего презрения и негодования среди народа Рима. Величайшее возбуждение и неразбериха царили по всему городу; и, как это обычно бывает во времена общественной паники, деньги и провизия были спрятаны теми, у кого они были, в тайные хранилища; и это вскоре привело к большой нехватке продовольствия. Городу, по сути, угрожал голод. В разгар тревоги, вызванной таким положением вещей, в Остию прибыли два корабля из Египта, и это известие вызвало всеобщее ликование, — разумеется, предполагалось, что корабли были гружены зерном. Однако оказалось, что на борту не было кукурузы. Вместо продовольствия для метрополии груз состоял из *песка*, предназначенного для формирования *арены* в некоторых императорских амфитеатрах, на которых могли стоять гладиаторы и борцы во время соревнований. Этот инцидент, казалось, переполнил чашу общественного негодования до краев; и поскольку как раз в это время поступили известия о том, что восстание распространилось на Германию и что все легионы в немецких провинциях перешли на сторону Гальбы, власть Нерона стала рассматриваться как подошедшая к концу. Повсюду в городе царили беспорядки, проводились собрания, на которых угрожали открытым неповиновением власти императора и заявляли о готовности народа признать Гальбу, как только он прибудет.

Теперь Неро был напуган больше, чем когда-либо. Он не знал, что делать. Он бежал из своего дворца и искал убежища в близлежащих садах, действуя при этом, однако, скорее под влиянием слепого и инстинктивного страха, чем из какой-либо рациональной надежды обеспечить свою безопасность, найдя такое убежище.

Его рассеянность и ужас.

Нерон предлагает лететь в Египет.

На самом деле, теперь он был совершенно обезумевшим от ужаса. Он раздобыл немного яда перед тем, как покинуть свой дворец, и унес его в маленькой золотой шкатулке с собой в сады;

но у него не было ни сил, ни решимости принять его. Затем он задумал план полного бегства из Рима. Он сказал, что немедленно отправится в Остию, а там сядет на корабль и отплывет в Египет, где, можно предположить, будет вне досягаемости своих врагов. Он спросил своих офицеров и сопровождающих, не согласятся ли они сопровождать его в этом полете. Но они отказались лететь.

Он впадает в безнадежное отчаяние.

Затем он заговорил о другом плане. Он пошел бы навстречу Гальбе как проситель и, упав на колени перед победителем, умолял бы его пощадить его жизнь. Или он шел на Римский форум и обращался со смиренным и просительным обращением к тамошним людям, умоляя их простить его за жестокость и преступления и торжественно обещая никогда больше не быть виновным в подобных эксцессах, если они простят и защитят его. Присутствующие сказали ему, что о подобном поступке не может быть и речи; ибо, если бы он выступил с такой целью из своего убежища, люди были бы в таком неистовом возбуждении против него, что разорвали бы его на куски прежде, чем он смог бы добраться до Трибуны. Одним словом, рассеянные мысли несчастного преступника метались из стороны в сторону в диком возбуждении, которым раскаяние и ужас наполнили его разум, тщетно ища какой-нибудь способ спастись от ужасных опасностей, которые так быстро кружили и сужались вокруг него. Фактически, теперь у него не осталось никакой надежды — ни убежища, ни защиты, ни возможности сбежать; и вот, после того как он внезапно ухватился за один невыполнимый план за другим и так же внезапно отказался от него, его разум пришел в полное замешательство, и он, наконец, погрузился в состояние пустого и безнадежного отчаяния.

Ночь.

Его покидают охранники.

Хотя восстание в провинциях приобрело очень массовый характер, войска в городе, состоявшие в основном из императорской гвардии, все же оставались верными; и теперь, когда приближалась ночь, они, как обычно, были размещены на своих постах в различных частях города и у ворот дворца. Нерон удалился отдохнуть. Однако он обнаружил, что не может заснуть. В полночь он встал и вышел из своих покоев. Он был удивлен, обнаружив, что удвери не было часового. При дальнейшем осмотре он, к своему изумлению, обнаружил, что дворцовая стража была полностью выведена. Сделав это открытие, он был поражен как громом. Он вернулся во дворец и разбудил кое-кого из слуг, а затем отправился с ними в резиденции некоторых своих главных министров, которые жили поблизости, просить помощи. Однако ему нигде не удавалось получить доступ. Он обнаружил, что все дома наглухо заперты, и, сколько он ни стучал в двери, никто из находящихся внутри не отвечал. Затем он вернулся в большом горе и тревоге в свою собственную квартиру. Он обнаружил, что в нее вломились за то короткое время, пока его не было, и забрали все ценное, что в ней находилось. Была унесена даже его золотая шкатулка с ядом. Одним словом, великий повелитель половины мира обнаружил, что все его приверженцы покинули его и оставили в состоянии полного беззащития. Стражники решили выступить в защиту Гальбы и, соответственно, ушли, оставив поверженного тирана на произвол судьбы.

Он вызывает гладиатора.

Нерон в отчаянии крикнул своим слугам, чтобы они послали за гладиатором, который проткнул бы его мечом, но никто не пошел. "Увы! - воскликнул он. - Неужели до этого дошло? Неужели я настолько заброшен, что у меня не осталось даже врагов, готовых убить меня?"

Фаон предлагает место для уединения.

Через некоторое время он стал немного более собранным и выразил желание узнать какое-нибудь место в окрестностях города, куда он мог бы пойти и спрятаться на некоторое время, пока не решит, что делать. Один из слуг его дома по имени Фаон сказал ему, что у него есть загородный дом недалеко от города, где, возможно, мог бы укрыться Нерон. Нерон немедленно решил отправиться туда. Чтобы лучше скрыть свое бегство, он переоделся в бедную одежду и повязал лицо носовым платком, а затем, сев верхом в сопровождении двух или трех слуг, выехал из города. Пока он шел, время от времени гремело и светало, и Нерон был сильно напуган. Он предположил, что волнение стихий было вызвано духами тех, кого он убил, пришедшими теперь, чтобы преследовать и мучить его в час его крайней необходимости.

Бегство Нерона из города.

Происшествия.

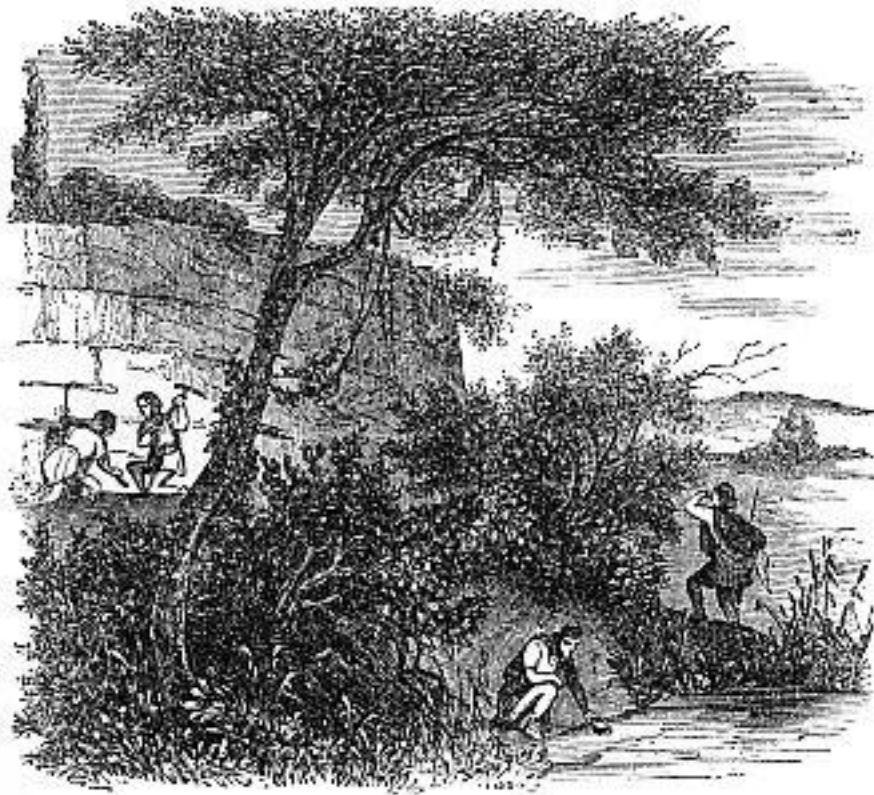
Во время своей поездки он проезжал мимо поста охраны, который случайно оказался на его пути, и слышал, как солдаты проклинали его, когда он проезжал мимо, и выражали радость по поводу его падения. Вскоре после этого он подслушал, как пассажир, которого его отряд встретил на дороге, сказал своему спутнику, увидев проезжающих мимо Нерона и его слуг: "Эти люди, без сомнения, отправляются в погоню за императором". Другой человек, которого они встретили по дороге, остановил их, чтобы спросить, есть ли в городе новости об императоре. В этих происшествиях, хотя они, конечно, имели тенденцию усиливать волнение ума Нерона, не было ничего особенно тревожного; но в конце концов произошел инцидент, который чрезвычайно напугал беглеца. Он проезжал мимо места, где на обочине дороги лежала туша. Рядом стояли несколько солдат охраны. Лошадь, на которой ехал Неро, вздрогнула при виде туши и, внезапно вскочив, стряхнула носовой платок с лица Неро. Один из солдат таким образом разглядел его лицо и воскликнул, что это император. Нерон был так сильно встревожен этим, что ускорил шаг, и как только он оказался вне поля зрения людей, которые его видели, он спрыгнул с коня и, приказав своим слугам тоже спешиться и следовать за ним, побежал вприлегающую чащу, среди кустов и шиповника, а оттуда весь отряд кружным путем направился к задней части владений Фаона. Здесь они остановились и прятались до тех пор, пока не смогли придумать какой-нибудь способ пройти через стену.

Он отказывается быть похороненным до своей смерти.

Поблизости была яма, которую вырыли, копая песок. Фаон предложил Нерону спрятаться в этой яме до тех пор, пока в стене не будет проделан проем. Но Нерон отказался это сделать, сказав, что его не похоронят до тех пор, пока он не умрет. Поэтому он остался прятаться в зарослях, пока Фаон работал над отверстием в стене.

Стена была не очень прочной; если бы это было так, Фаону с имеющимися в его распоряжении средствами не удалось бы проделать проход. Как бы то ни было, ему удалось, хотя и с трудом, расшатать некоторые камни, чтобы постепенно образовалось отверстие.

Пока продолжалась эта работа, Нерон был занят выдергиванием шиповника из своей одежды и тела, и, испытывая жажду, он спустился к канаве, которая была поблизости, и напился, набирая воду в руки. Выпив, он простонал: "О, неужели я дошел до этого!"

Фаон у Стены.

Он проходит сквозь стену.
Он спрятан.

Тем временем Фаон продолжал свою работу, и вскоре ему удалось проделать в стене отверстие, достаточное для его цели, после чего люди втащили Нерона внутрь. Они привели его в дом и заперли там в маленькой потайной квартирке.

Фаон советует Нерону покончить с собой.

Теперь Нерон почувствовал облегчение от крайнего ужаса, который он испытал во время своего бегства; но чувство ужаса утихло в его душе только для того, чтобы уступить место еще более ужасным мукам раскаяния и ужаса. Он непрерывно стонал от боли и непрестанно повторял слова: "Мой отец, моя мать и моя жена обрекают меня на погибель". Это действительно были слова одной из трагедий, которые он привык разыгрывать на сцене, но они так верно выражали раскаяние и муку его души, что постоянно слетали с его губ. Фаон и люди, которые привели его в дом, не имея возможности успокоить его и не видя никакой надежды на его окончательное избавление от смерти, и, возможно, более того, желая освободиться от того, что теперь быстро становилось для них серьезным бременем, посоветовали ему покончить с собой, — и таким образом, как они сказали, поскольку он должен умереть, умри как мужчина. Наконец, Нерон, казалось, уступил их уговорам. Он сказал, что покончит с собой, как они того пожелают. Они

могли бы пойти и вырыть для него могилу, а также заготовить дрова и воду для омовения тела. Отдавая эти приказы, он непрерывно стонал, словно в бреду.

Нерон осужден сенатом.

Тем временем наступило утро, и в Риме царили волнение и суматоха. Сенат собрался и провозгласил Гальбу императором. Они также приняли указ, объявляющий Нерона врагом государства и приговаривающий его к наказанию как таковому в древнем порядке. Когда об этом стало известно, друг Фаона написал ему письмо с отчетом о том, что сделал Сенат, и со всей поспешностью отправил его с надежным гонцом. Гонец прибыл в дом Фаона и принес письмо. Нерон выхватил его из рук Фаона и прочитал. "Что это за древний обычай?" - спросил он с большой тревогой и ужасом в голосе. Они сказали ему, что это должно быть раздело догола, а затем прикреплено к позорному столбу, и в таком положении его забьют плетью до смерти. Услышав это, Нерон разразился новыми столами и причитаниями. Он сказал, что не может вынести такой смерти и поэтому немедленно покончил бы с собой, если бы ему дали кинжал.

Кинжалы.

Под рукой были кинжалы. Неро взял их, дрожащим прикосновением осмотрел кончики, казалось, пребывал в нерешительности и, наконец, снова убрал, сказав, что его час еще не совсем пробил. Вскоре он снова взял один из кинжалов и предпринял новую попытку пробудить в себе достаточную решимость нанести удар, но мужество покинуло его. Все это время он стонал и бредил самым бессвязным и рассеянным образом. Он даже умолял, чтобы один из сопровождавших его слуг взял кинжал и первым покончил с собой, чтобы ободрить Нерона, дав ему понять, что умирать, в конце концов, не так уж страшно. Но никто из слуг, казалось, не был достаточно предан своему хозяину, чтобы захотеть оказать ему такую услугу.

Вооруженные люди приходят арестовать Нерона в дом Фаона.

Посреди этого замешательства и задержки послышался шум, как будто к дверям подъезжали всадники. Нерон снова пришел в ужас от этого звука. Он сказал, что они приближаются, чтобы схватить его. Он немедленно вытащил один из кинжалов и, приставив его к своему горлу, отчаянно попытался собраться с духом, чтобы вонзить его в цель. Но он не мог этого сделать. Шум за дверью тем временем усилился. Затем Нерон отдал кинжал одному из стоявших рядом мужчин и умолял убить его. Мужчина с большой неохотой взял кинжал, но вскоре нанес смертельный удар, и Нерон рухнул на землю, смертельно раненный.

Солдаты пытаются спасти Нерона.

Он умирает.

В этот момент дверь внезапно открылась, и вошли только что прибывшие солдаты. Сенат послал их разыскать беглеца и вернуть его в Рим. Центурион, командовавший этими людьми, вошел в комнату и посмотрел на поверженного императора, который лежал на полу, весь в крови. Ему было приказано доставить пленника в город, по возможности, живым; и он соответственно приказал солдатам прийти к умирающему и попытаться остановить его раны и спасти его. Но было слишком поздно. Нерон уставился на них, когда они приблизились, чтобы схватить его, с диким и устрашающим выражением лица, которое потрясло всех, кто его видел, и посреди этой агонии ужаса он упал и умер.

Весть о смерти тирана с невероятной быстротой распространилась во всех направлениях. Курьер немедленно отправился на север, чтобы передать весть об этом событии Гальбе. Люди стекались со всех сторон к дому Фаона, чтобы посмотреть на безжизненное тело и порадоваться смерти чудовища. Жители города предались самой дикой и экстравагантной радости. Они надели шапки, подобные тем, которые носили вольноотпущенные рабы, когда впервые получили свободу, и бродили по городу, всячески выражая ликование, которое они испытывали по поводу своего освобождения, и ломали статуи Нерона везде, где могли их найти.

Поход Гальбы на Рим.
Семьдесят третий.

Тем временем Гальба неуклонно продвигался по пути в Рим. В положенное время он въехал в город, и к нему прибыли послы со всех концов римского мира, чтобы признать его правящим императором. В то время ему было семьдесят три года. Так что число семьдесят три, остерегаться которого оракул предупреждал Нерона, обозначало возраст его соперника, а не его собственный.

Конец.

Сноски

[A] Посмотреть [карту](#). Фронтиспис.

[B] Некоторые считают, что песня, которую Британик спел по этому случаю, была той, которую он выучил раньше — возможно, он случайно увидел или услышал, и которая привлекла его внимание из-за ее соответствия его собственному случаю; и есть песня Энния, древнего писателя, которую иногда цитируют как ту, которую он спел по этому случаю. Другие говорят, что представление было оригинальным и импровизированным; что молодой принц, взволнованный своими обидами и особыми обстоятельствами события, выразил свои собственные чувства в словах, которые пришли ему на ум сразу. Для этого, конечно, потребовались бы большая интеллектуальная готовность и способности, но трудность такого исполнения была бы несколько уменьшена тем фактом, что древняя поэзия полностью отличалась от современной, будучи отмеченной только размеренной интонацией, не связанной с рифмой.

[C] Посмотреть [карту](#). Фронтиспис.

[D] В те дни общественные деятели, похоже, считали, что решение о самоуничтожении было гораздо более благородным поступком в подобной чрезвычайной ситуации, чем ждать, пока служители закона осудят и казнят их. Соответственно, попытка запугать человека до самоубийства была *одним* из различных способов, к которым мог прибегнуть тиран, чтобы устранить тех, кто был ему неприятен.

Примечания переписчика

1. Были внесены незначительные изменения для исправления ошибок наборщиков и обеспечения единообразия орфографии и пунктуации в этом тексте; в остальном были приложены все усилия, чтобы оставаться верными оригиналу книги.
2. Примечания, используемые в этом тексте, первоначально были опубликованы в виде баннеров в заголовках страниц и были перенесены в соответствующий абзац для удобства читателя.
3. Номера страниц многих иллюстраций в этой книге были изменены в Таблице гравюр, чтобы отразить их окончательное размещение.